

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
Сибирский филиал

**Культурные ландшафты
постсоветского города:
особенности формирования
и трансформации**

Сборник научных трудов

**Москва
2021**

УДК 911.53+930.85(470)+316.752+711

ББК 63.3+60.0+9+71.0+85.1+87.53

К90

*Издаётся по решению Учёного совета
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Д. А. Алисов (отв. ред.);
канд. ист. наук И. А. Селезнева (отв. ред.);
К. Ю. Смирных (тех. ред.)

Рецензент:

Н. А. Томилов, ведущий научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии, музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, профессор кафедры этнологии, антропологии, археологии и музееведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д. и. н., профессор

К90

Культурные ландшафты постсоветского города : особенности формирования и трансформации : сборник научных трудов / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. ; Омск : Институт Наследия, 2021. — 170 с. — DOI 10.34685/NI.2021.87.45.005. — ISBN 978-5-86443-349-2.

В сборнике научных работ излагаются представления группы ученых из Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва о состоянии и перспективах исследования городского культурного ландшафта. Особое внимание уделено анализу состояния теоретико-методологической базы данного научного направления, структуре культурного ландшафта современного города, проблемам взаимосвязи и взаимодействия материальной и духовной составляющих в городской среде, основным тенденциям его развития во времени и пространстве.

Книга предназначена для культурологов, историков, специалистов в области культурной политики и регионального планирования, для работников органов охраны культурного и природного наследия.

УДК 63.3+60.0+9+71.0+85.1+87.53

ББК 63.3+60.0+9+71.0+85.1+87.53

© Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2021

ISBN 978-5-86443-349-2

СОДЕРЖАНИЕ

Алисов Д. А.

Культурные ландшафты постсоветского города:
несколько этюдов о трансформации города
в условиях современной модернизации 4

Гефнер О. В.

Культурный ландшафт современного Новосибирска 18

Горелова Ю. Р., Высоцкая Н. В.

Ландшафтная составляющая образа Омска:
история и современность 49

Петренко О. В.

Динамика культурного ландшафта
постсоветской Тюмени (2000–2020):
познавательный потенциал исследования 73

Кузнецова А. В.

Город Куйбышев Новосибирской области:
трансформация культурного ландшафта
в период перехода от советской эпохи к современности 123

Соколова Е. В.

Влияние системных трансформаций
современного общества на формирование
культурного пространства города Тары 141

Сведения об авторах 169

Д. А. Алисов

**Культурные ландшафты постсоветского города:
несколько этюдов о трансформации города
в условиях современной модернизации**

Аннотация. Статья посвящена анализу и описанию отдельных элементов культурного ландшафта современного города. Предлагается свой оригинальный многовекторный подход к определению понятия «культурный ландшафт города» и рассматриваются основные тенденции его развития в постсоветский период.

Ключевые слова: культурный ландшафт города, городская среда, индустриальная составляющая культурного ландшафта города, модернизация, культурные трансформации, историческая память, коммеморация, мемориализация, культурное наследие, топонимика, политика памяти.

В комплексах наук, изучающих культурный ландшафт современного города, существуют не только существенно различные методологические подходы к изучаемому объекту, но различное понимание базисных категорий. И эта «пестрота» — не случайное явление. С одной стороны, она отражает сложность объекта изучения. С другой стороны, это объясняется и общим состоянием науки о городах. Это отразилось и на категориальном аппарате науки. На сегодняшний день существует большое количество подходов и определений, что же это такое — «культурный ландшафт города». Целью данной статьи является попытка сформулировать свои представления о культурном ландшафте современного города в виде общей концепции и сократить «пространство споров».

Ввиду сложности объекта изучения — культурный ландшафт города — он имеет многие десятки обобщающих и рабочих определений, соответствующих различным системным характеристикам с позиций различных наук. Многие из них в той или иной степени вполне удачны. Поэтому, по мнению автора, не стоит стремиться дать единое и «единственно правильное» определение данному объекту. Пора отказаться от попыток давать простые (плоскостные) определения сложным историческим и социальным объектам. Объект — культурный ландшафт современного города — многомерен, поэтому и его определение должно носить многомерный и открытый, а не плоский и закрытый характер.

С нашей точки зрения, культурный ландшафт современного города имеет несколько осей формирования и развития, которые имеют свои объективные смысловые характеристики. Первая ось — материальная, согласно которой культурный ландшафт города представляет собой «видимый результат человеческой деятельности», т. е. «очеловеченную» природу. Вторая ось развития — это антропогенная (духовная) составляющая, включающая в себя все разнообразие творений человеческого разума, культурные характеристики (искусственно созданные) городского пространства, закреплённые в социуме и материальной среде. Третьей осью его формирования и развития является Время [1, с. 5–6].

Такой многовекторный и многомерный подход к определению культурного ландшафта города предполагает его многоосевое развитие и наличие разных наборов теорий и методологий изучения для каждой отдельно взятой оси. В результате этого междисциплинарный подход, весьма распространённый в гуманитарных науках, начинает реально работать в качестве инструмента познания, а не существовать в виде формально предложенного набора научных дисциплин. А спор об определениях культурного ландшафта современного города утрачивает свою актуальность и становится бессмысленным. Открытому характеру объекта «культурный ландшафт города» соответствует и открытый характер представлений о нём. Сложные системы и явления, включая такие, как современный город и городской ландшафт, требуют сложных представлений и определений.

Современный город как единое и системное целое состоит из множества подсистем, огромного числа элементов, не только системных, но и случайных связей. Логика развития городов различного типа и критериев выделения городов среди прочих населённых пунктов в науке на протяжении последних столетий постоянно менялись и развивались по линии административный центр — экономическая единица — и культурное образование. Новый XXI век предъявил новые требования к городам и науке о них. Город наполнился не просто «жителями», а «Человеком». Он стал культурной единицей. Человек создает и населяет город, город создает человека. Город — это пространство и социум одновременно. На пересечении этих двух составляющих констант и возникает культурный ландшафт современного города. Культурный ландшафт города — это «человекопространство» как единое целое [2, с. 8–10].

Развитие культурного ландшафта идет через постоянное интенсивное взаимодействие социальных и пространственных

структур города. Таким образом, современный культурный ландшафт любого конкретного города подобен бесконечно изменяющейся многомерной матрешке. В этом и заключается сложность его изучения. Так, в современном культурном ландшафте одновременно сосуществуют как дореволюционный и советский ландшафты (в снятом виде по Гегелю), так и постсоветский — современный [3].

Индустриальная составляющая культурного ландшафта города

На рубеже эпох в конце 1980-х — начале 1990-х гг. новые политические элиты сформировали и внедрили в массовое сознание россиян, что промышленность, особенно оборонная, занимает непомерно большое место в экономике страны и города. Односторонний отказ от участия в «холодной войне» и гонке вооружений привели к стремительному сворачиванию военного производства. Это ударило по омским оборонным гигантам: авиационному заводу, моторостроительному объединению имени Баранова, заводу транспортного машиностроения имени Октябрьской революции и многим другим, где стремительно сокращалось производство и численность рабочих и служащих. Утратив статус «закрытого города», Омск постепенно открывается для иностранцев.

В первое постперестроечное десятилетие в связи с сокращением государственных заказов многие омские предприятия и связанные с ними организации в десятки раз уменьшили объемы производства, предоставление научно-исследовательских и конструкторских услуг или прекратили свою деятельность [4, с. 615].

Государственные установки на закупку бытовой техники за границей с целью создания «здоровой конкуренции» с национальной продукцией привели к постепенному сворачиванию производства «своей» бытовой техники — телевизоров, холодильников, стиральных машин, настольных игр и всего прочего. Индустриальная составляющая культурного ландшафта Омска все последующие десятилетия стремительно сокращалась. Характерным примером в этом отношении является судьба ПО «Полет». Отказ от производства многих видов военной и космической техники поставили объединение в «не менее тяжелое положение, чем послевоенный период» (Рис. 1). Было закрыто двигательное производство, резко сокращены объемы выпуска космических аппаратов глобальной навигационной спутниковой системы (ГЛОНАСС), навигационно-

*Рис. 1. Проходная производственного объединения «Полет», Омск
(Источник: Домофото: архитектурная фотобаза.
URL: <https://domofoto.ru/photo/2683/>)*

связной системы «Парус», прекращен выпуск ракеты-носителя «Космос-3М». Потенциал объединения, обладающего высококвалифицированными специалистами, высокими технологиями, оказался невостребованным. Первый параграф первой главы юбилейного издания охарактеризовал финансовое положение ПО в середине 2000-х гг. как «в шаге от банкротства» [5, с. 8].

Еще более сложное положение сложилось в эти годы и на другом ведущем оборонном предприятии четырехжды орденоносного завода транспортного машиностроения имени Октябрьской революции (ФГУП «Омсктрансмаш»). Он дошел до банкротства уже в конце 2002 г., и этот процесс продолжался целое десятилетие. Конкурсное управление, арбитражные суды, резкое сокращение численности рабочих и служащих — как результат. К 2010 г. на предприятии осталось чуть более 3 тыс. человек. В основном осуществлялись работы по ремонту техники и выпуску запчастей. В небольшом количестве собирались инженерные машины. У многих работников средняя зарплата не достигала уровня установленного прожиточного минимума [6].

Ситуацию власти пытались «спасти» с помощью плохо обоснованных, практически фантастических проектов, не обеспеченных должным финансированием. На ПО «Полет» пытались наладить

выпуск самолетов среднемагистрального Ан-74 и легкого многоцелевого Ан-3Т, который долетел до Южного полюса, но так и не был запущен в производство. Еще более фантастически выглядел проект организации совместного с Украиной производства военно-транспортного Ан-70. Все они благополучно провалились. На базе моторостроительного завода имени Баранова была сделана попытка развернуть производство пикапов «Москвич» и автобусов. Появились на карте города такие долгострои, как новый аэропорт Федоровка (к настоящему времени практически все, что было выстроено, уже развалилось) и метро. Омск стал единственным городом мира, где есть вход в метро, которого нет.

Сложное финансовое положение ранее весьма богатых предприятий и пересмотр отношений собственности привели к отрыву ранее созданных ими поселков и социально значимых культурных и спортивных сооружений, к частичной деградации социально-культурной инфраструктуры, созданной этими предприятиями и объединениями.

Многие из них перестали функционировать в качестве объектов культуры на долгие годы. Например, дворец культуры «Рубин» и спортивный комплекс имени Блинова. Часто спасало репрофилирование. Так, дворец культуры ПО «Полет» «Юность» после периода длительной разрухи стал Омским драматическим театром «Галерка».

В результате этих процессов Омск приобрел некоторые черты деградации. Депрессивное развитие многих индустриальных центров в условиях модернизации не являлось чисто российским феноменом. Во многих городах в промышленно развитых странах мира, включая США (Даллас), Великобританию (города севера и Шотландия), Францию (города Эльзаса и Лотарингия), ФРГ (Рур), на поздних стадиях их индустриального развития и в моменты формирования инновационных общественных и производственных технологий происходили подобные процессы. Анализ динамики депрессивных городов Урала позволил С. А. Баканову определить некоторые общие свойства, характерные для этого процесса. Находясь в упадке, градообразующие предприятия оказываются не способными содержать созданный ими и принадлежащий им жилищный фонд и объекты социально-культурной инфраструктуры. Они приходят в упадок ввиду отсутствия должного финансирования и отсутствия средств на их ремонт и поддержание. Вследствие этого происходило падение качества жизни в городе и рост мигрантских настроений у молодежи [7, с. 161–162].

Однако уже в 2000-х гг. ситуация начала изменяться в лучшую сторону. Происходит стабилизация и выравнивание отдельных сегментов экономики и связанных с ними элементов культурного ландшафта города. В Омске начинают оживать отдельные высокотехнологические производства. Возрождение «Полета» началось благодаря его вхождению в качестве филиала в состав Федерального Государственного космического научно-производственного центра имени М. В. Хруничева в начале 2007 г. и расширением планов по производству ракетно-космической техники новых поколений, включая ракетоноситель «Ангара».

Вспоминая прежние заслуги Омска в годы Великой Отечественной войны, Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2020 года Омск был удостоен звания «Город трудовой доблести». Омск вновь частично вернулся к образу города-труженика, который новыми средствами был закреплен в общественном сознании горожан. Этому способствовало открытие памятника труженикам тыла.

Основными индикаторами формирования и развития культурного ландшафта города являются: городское пространство и архитектурные сооружения, топонимы и топонимические системы, коммеморативные практики и городские праздники, городская символика и символические объекты, восприятие городской среды [8].

Пространственная организация материальной составляющей культурного ландшафта оформляется в городских планах и структурах, где **архитектурные памятники и сооружения** служат доминантами и узловыми точками. «Материальное» отражает и транслирует «духовное». Культурный ландшафт города становится зеркалом, отражающим человека.

Постсоветский город стремится преодолеть в себе советский город, как тот в свое время стремился преодолеть дореволюционный город. Но это ему удастся с трудом, т. к. материальная структура культурного ландшафта в провинциальных городах более инертна к человеческой деятельности, чем в столичных городах и городах-центрах. Однако во всех современных городах в постсоветскую эпоху вполне заметно резкое возрастание роли крупных торговых центров в городском пространстве, увеличение их численности, размеров, функциональной значимости. Если в центре концепта советского города стояли завод и фабрика, административные здания и дворцы культуры (в широком смысле этого слова), то смена общественного и экономического строя в постсоветском городе на первый план выдвинула сетевой магазин — базар

Рис. 2. Торгово-выставочный комплекс «Каскад», Омск
(Источник: Mtdata.ru. URL: <https://mtdata.ru/u16/photo3572/20180383312-0/original.jpg>)

и развлекательные учреждения. Наблюдается коммерциализация городского пространства. Реклама стала полноправным творцом культурного ландшафта города (Рис. 2).

Другая характерная особенность постсоветского города — это восстановление и возрождение старых, сохранившихся культовых сооружений (соборов, церквей, часовен, монастырей, мечетей), воссоздание утраченных храмов в виде новоделов по историческим мотивам прошлого (например, Успенский собор в Омске, Спасский собор в Москве), возведение новых (мечеть в Омске на ул. 10 лет Октября) (Рис. 3).

Характерной особенностью в рамках этого процесса является и функционально-идеологическая смена назначения и смысла ряда внутригородских объектов. Так, в Омске бывший кинотеатр «Победа», а позднее — органнй зал, вновь становится Никольским собором, обретая утраченный в советскую эпоху статус, а спортивный комплекс имени Блинова — базаром, то бишь торговым центром.

Постсоветский провинциальный город, согласно законам общественного развития, стремится повторять в своем ландшафте основные веяния, возникшие в последние десятилетия

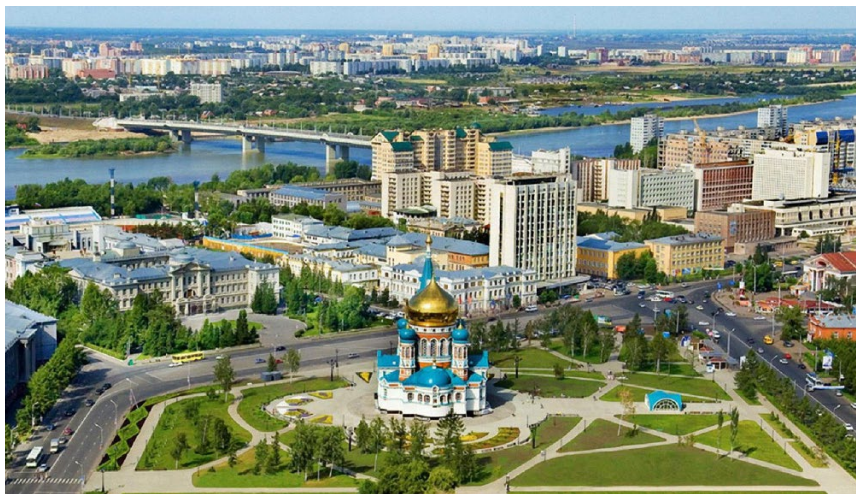

Рис. 3. Омск, общий вид центральной части города.

В центре – Успенский кафедральный собор

(Источник: Современный городской портал – om1.ru.

URL: https://s.om1.ru/localStorage/news/98/6e/65/b8/986e65b8_resizedScaled_1020to573.jpg)

и закреплённые в ландшафтах столичных центров (Москва, Санкт-Петербург) и городах – региональных лидерах (Казань, Екатеринбург, Тюмень, Новосибирск).

Одним из важнейших маркеров, характеризующих различные типы культурного ландшафта, являются топонимы и топонимические системы, т. к. они сводят все три оси формирования и развития города в конкретно-историческое целое.

В связи с тем, что материальная структура культурного ландшафта города относительно инертна к человеческой деятельности и на ее преобразование требуется значительно больше времени и средств, политические и общественные структуры первоначально сосредоточили свое внимание на духовной составляющей культурного ландшафта. Переименовать, хотя бы на первый взгляд, проще и дешевле, чем построить новую материальную реальность. Но и здесь возникают свои тормозящие моменты – осознанное сопротивление отдельных социальных групп населения, стремящихся сохранить историческую память о предшествующих структурах города. Этот момент неизбежно приводит к «войнам памяти» в области топонимики, мемориализации в средствах массовой информации.

Актуализация темы городских топонимов в последние годы происходит не только из-за потребностей развития науки, но и под влиянием многочисленных дискуссий о переименованиях внутригородских объектов в России и других постсоветских государствах, возникших на развалинах СССР, преодоления чрезмерной коммунистической идеологичности, доставшейся современному городу в наследство советской топонимической системы. Таким образом, топонимический вопрос превратился в вопрос об исторической памяти города и способах воздействия на нее.

Свежий пример — переименование улиц в городе Таруса. Городская дума города Тарусы приняла предложение главы администрации района Руслана Смоленского переименовать в городе 16 улиц, вернув им дореволюционные названия. Смоленский предложил переименовать улицы, получившие в советское время идеологические названия — Ленина, Маркса, Энгельса, Октябрьская, Комсомольская, Пионерская и т. д. К этому решению жители Тарусы отнеслись неоднозначно, высказывались мнения как «за», так и «против». Против переименования улиц города Тарусы высказался житель города Дмитрий Иванов. Он заметил, что властям города в первую очередь необходимо решать иные вопросы, а не переименовывать улицы: *«Я не согласен с переименованием улиц, люди уже привыкли. В городе полно проблем, начиная от освещения, заканчивая вывозом мусора»*. Шум поднялся большой, центральные телеканалы показали по этой теме сюжеты. Руслан Смоленский сообщал в интернете, что ему поступают угрозы, но «мы от принятого решения не отступим и будем держаться, как триста спартанцев». Депутаты городской думы Тарусы приняли компромиссное предложение первого секретаря обкома КПРФ Николая Яшкина «сохранить двойные наименования по ряду улиц города, в том числе по ул. Калужская (бывшая Ленина)» [9]. Видимо, здесь следует вспомнить и общественную дискуссию в Москве, возникшую в связи с попыткой переименовать станцию метро Войковская [10].

Как оказалось, даже подверженная самой жесткой чистке любая топонимическая система несет «облака» прошлых смыслов и структурные составляющие прошлой исторической памяти. В современной, уже постсоветской топонимической системе многих городов Сибири сохранились остатки всех предшествующих исторических типов наименований внутригородских объектов. И с ней нужно обращаться весьма осторожно, что далеко не всегда понимают местные органы власти.

*Рис. 4. Памятник Ф. М. Достоевскому
в Омске на территории крепости. Фото автора*

Важной составной частью культурного ландшафта города являются **коммеморации и коммеморативные практики**. Исследователи до недавнего времени редко обращали свое внимание на данный индикатор и не понимали его значения. Коммеморация по определению Е. Красильниковой — это «сознательный социальный акт передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации (или актуализации ее) путем увековечивания определенных лиц и событий, т. е. введения образов прошлого в пласт современной культуры» [11].

Таким образом, коммеморации и коммеморативные практики придают культурному ландшафту города историческую глубину и уподобляют его носителю — человеку, воспроизводя важные составляющие его жизненного цикла (Рис. 4).

Распад СССР и образование суверенной Российской Федерации проходили во многом в условиях отказа от памяти советского прошлого. Это привело, с одной стороны, к многочисленным попыткам декоммунизации путем «снятия» с пьедесталов целого ряда памятников советским деятелям (Ф. Дзержинский — в Москве, К. Легити — в Омске и т. п.). С другой — к попыткам провести массовую мемориализацию наиболее видных представителей исторически проигравшего белого движения. Так, были поставлены памятники Маркову в Сальске (Ростовская обл., 2003), Колчаку в Иркутске, Корнилову в Краснодаре. Устанавливаются

мемориальные знаки чешским легионерам по всей стране: от Волги до Владивостока. Это в то время, как в Праге сносится памятник Коневу. А в странах Балтии, Украине и Польше этот процесс принял массовые масштабы. Дело дошло до того, что в Санкт-Петербурге была предпринята попытка установления мемориальной доски такому военному деятелю, как Маннергейм. Деятелю, который принял непосредственное участие в блокаде Ленинграда, а значит и массовой гибели, точнее убийстве, его жителей. А как же мораль и историческая память? [12].

Недавно дело дошло до того, что известный российский журналист Дмитрий Киселёв предложил установить памятник Краснову, который сотрудничал с противниками СССР в годы Великой Отечественной войны.

Совсем свежий пример. В поселке Красное Оренбургской области на улице имени Чапаева установили памятник белому казачьему полковнику Тимофею Сладкову. Так называемый Лбищенский рейд сводного отряда Сладкова привел к разгрому штаба 25-й дивизии и смерти самого Чапаева, тесно связанного с советской мифологией. Корреспондент «Комсомольской правды» связалась с внучкой легендарного комдива, дочерью его старшего сына Александра, Татьяной Чапаевой и задала вопрос: «Вы считаете установку такого памятника кощунством?» Ответ Татьяны Чапаевой: «Это иезуитство! Какая сволочь это придумала? Рожу бы намылить собственной рукой! Ну можно так издеваться над народом? На улице легендарного красного командира поставить памятник белому казаку, люди которого убили Чапаева? Это издевательство! А народ это все кушает. Ну что, посмеемся?!» [13].

Бывший разведчик и современный общественный деятель, который довольно часто выступает на основных российских телевизионных каналах в качестве политического аналитика, Яков Кедми как-то отметил, что в России в последние годы все чаще звучат речи в пользу того, чтобы чествовать противников советской власти, причем это нередко связывают с «традиционными ценностями». Он отметил, что можно сказать прямо, в современной России существует запрос на десоветизацию и на идеализацию практически всех противников советской власти. Эту тенденцию невозможно не замечать на высшем уровне, так считает Кедми. Он считает закономерным то, что происходит в настоящее время в современной России.

По его мнению, с конца 1980-х гг. в России образовалась антинациональная элита, которая игнорирует интересы страны в пользу личной выгоды, как это делали и лица, которых пытаются идеализи-

ровать. Ведь не стоит забывать, что представители белого движения чаще всего сотрудничали с коллаборационистами, и даже в случае победы заключали договоры, кому что достанется в России в случае победы белых. Это актуально, например, в отношении Колчака.

Кедми отмечает, что пока все памятные доски в честь предателей и пособников фашизма сносят, потому что население против. Однако в то же время попытки реабилитации любых антисоветских деятелей на высшем уровне — факт. Потому что нужно признать, что если простое население России относится к советскому периоду положительно, то во власти таких людей практически нет. И в плане отношения к СССР народ и власть в России — это как будто два разных народа.

Как считает Я. Кедми, политика нынешних властей по отношению к СССР ни к чему хорошему не приведет. Потому что, во-первых, Россия — правопреемник СССР; во-вторых, постоянно очерняя собственную историю, элита только делает хуже для себя, потому что если официально СССР будет признан режимом незаконным, то тогда все договоры, которые были заключены в СССР, будут мгновенно обнулены, и тогда начнется пересмотр итогов войн, территорий [14].

Без определения концептуальных задач и общественно значимых целей в области политики памяти проведение мемориализации будет наталкиваться на сопротивление больших социальных групп и служить не созданию и сохранению гражданского мира, а расколу общества и формированию предпосылок новой гражданской войны. А нам это надо?

Опыт многих других стран (Испании, Финляндии и др.), а не только России, показывает, что основные объекты мемориализации определяет победившая сторона. Кому и какие памятники возводить, как называть города, улицы и площади. В России победили красные. Они сформулировали основные постулаты мемориализации. Отказ от исторической памяти и мемориалов красным неизбежно ведет к отказу от всей последующей советской истории, в том числе — Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., которой мы так гордимся всем народом и в этом году отметили ее 75-летие. А это уже историческая шизофрения. Народ, потерявший память, как манкурт, вспомните Чингиза Айтматова «И дольше века длится день», не сможет далее существовать и обречен на социальное и историческое вымирание.

Представители наиболее радикального либерализма так и не поняли, что память не может полностью слиться с политической

идеологией. Но, по мнению представителей власти этого элитного крыла, историческая память, а вместе с ней и любой исторический памятник (в широком смысле этого слова), должны служить ей, а иначе тем хуже для него. Это может привести к исторической катастрофе.

Список литературы

1. *Алисов Д. А.* Культурный ландшафт города или некоторые способы фиксации исторической памяти в городской среде // Культурные ландшафты современного города. Сборник научных работ. Электронное издание / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. : Институт Наследия, 2020. — С. 4–22.
2. *Алисов Д. А.* Культурный ландшафт города : концепция, структура, индикаторы // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики) : материалы X Всерос. науч. симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) [Электронное издание] / отв. ред. Д. А. Алисов. — Омск : Сибирский филиал Института Наследия, 2020. — С. 7–17.
3. *Алисов Д. А.* Историческая память и советский город : проблемы взаимодействия различных типов культурного ландшафта в одном городе (на примере Омска) // Четвертые Ядринцевские чтения : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России (30–31 октября 2017 г.) / отв. ред. П. П. Вибе. — Омск : ОГИК музей, 2017. — С. 83–87.
4. Энциклопедия города Омска : в 3 т. — Омск : Издат. дом ЛЕО, 2009. — Т. 1. — 919 с.
5. Новая высота «Полета» : 70-летию производственного объединения посвящается / под общ. ред. Г. М. Мураховского. — Омск : Издат. дом «Наука», 2011. — 207 с.
6. Красный путь. — 2010. — 24 марта.
7. *Баканов С. А.* Депрессивные города Урала в 1960–1980-е годы : Анализ социально-экономических и демографических факторов. — Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2005. — 191 с.
8. *Алисов Д. А.* Культурный ландшафт города и историческая память : проблемы формирования и разрушения // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики) : материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) [Электронное издание] / отв. ред.

- Д. А. Алисов. — Омск : Сибирский филиал Института Наследия, 2020. — С. 347–355.
9. *Собачкин А.* Новый поворот в деле переименования улиц в Тарусе // НГ Регион. 29 октября 2020 : [сайт]. — URL: <https://ngregion.ru/novosti/novuj-povorot-v-dele-pereimenovaniya-ulits-v-taruse> (дата обращения: 07.12.2020).
 10. Почему станцию Войковская так и не переименовали // МК RU. 23 ноября 2015 : [сайт]. — URL: <https://www.mk.ru/moscow/2015/11/23/pochemu-stanciyu-voikovskaya-tak-i-ne-pereimenovali.html> (дата обращения: 03.11.2020).
 11. *Красильникова Е. И.* Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.). — Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2015. — 404 с.
 12. *Алисов Д. А.* Проблемы мемориализации гражданской войны в России : Теория и практика // Гражданская война в России (1917–1922) : историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16–17 июня 2016 г.) / гл. ред. Д. А. Алисов, Ю. А. Закунов; отв. ред. О. В. Гефнер, И. А. Селезнева. — М. : Институт Наследия, 2016. — С. 21–28.
 13. *Емельянов И.* Внучка Чапаева — о памятнике убийце ее деда // Комсомольская правда. 21 октября 2020 : [сайт]. — URL: <https://pda.krsk.kp.ru/daily/217198/4308019/> (дата обращения: 09.11.2020).
 14. *Кедми Я.* Почему в России появляются мемориальные доски Маннергейму, Врангелю и Колчаку? // Закон и порядок. 29 апреля 2020 : [сайт]. — URL: https://zzackon.ru/blog/43155945696/Yakov-Kedmi-pochemu-v-Rossii-poyavlyayutsya-memorialnyie-doski-M?utm_referrer=mirtesen.ru&utm_campaign=transit&utm_source=main&utm_medium=page_0&domain=mirtesen.ru&paid=1&pad=1 (дата обращения: 07.12.2020).

О. В. Гэфнер

Культурный ландшафт современного Новосибирска

Аннотация. В статье описаны особенности и факторы трансформации культурного ландшафта современного мегаполиса (на примере Новосибирска) в постсоветский период в условиях эволюции экономического пространства, смены идеологической парадигмы, ценностных установок, современных глобализационных процессов. В культурном ландшафте Новосибирска выделены и проанализированы три фундаментальных пласта: советский, российско-сибирский, постиндустриальный глобализационный.

Ключевые слова: Новосибирск, городской культурный ландшафт, идентичность, историческая память, глобализация, современность.

Новосибирск в настоящее время представляет собой самый крупный, комплексно и динамично развивающийся город Сибири. Город был основан в 1893 г. сначала как поселок строителей железнодорожного моста Транссибирской магистрали через Обь. С 1903 г. он получил статус города и стал называться Новониколаевском, а в 1926 г. был переименован в Новосибирск. Новосибирск — город-миллионер, третий по численности населения город России (численность населения его на начало 2020 г. составляла 1 625 631 чел.). Он является административным, деловым, торгово-финансовым, промышленным, транспортно-логистическим, научно-образовательным и культурным центром Сибири, неофициальной столицей региона.

Как крупный, полифункциональный, активно развивающийся город Новосибирск представляет большой интерес с точки зрения изучения особенностей, направлений, факторов трансформации городского культурного ландшафта в современную эпоху.

Ландшафтный подход в комплексных междисциплинарных исследованиях феномена города в настоящее время является достаточно востребованным, широко представленным в современной отечественной науке. Это связано во многом с формированием экологического и гуманитарного сознания, развитием регионов, решением задач брендинга территорий, необходимостью сохранения культурного наследия, которое рассматривается в настоящее время

как историко-культурный ресурс устойчивого развития. В настоящее время, как отмечает исследователь культурных ландшафтов В. Л. Каганский, происходит фундаментальный процесс возвращения пространства России в пространство географическое, реабилитация, ревитализация, регенерация культурного ландшафта, включение его в сферу символически значимого [1, с. 36].

Под культурным ландшафтом в современной гуманитарной науке понимается «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из природных и культурных компонентов, находящихся во взаимосвязи и взаимообусловленности» [2, с. 16]. По мнению авторитетных исследователей Ю. А. Веденина и М. Е. Кулешовой, реализующих информационно-аксиологический подход к изучению культурного ландшафта, одним из определяющих факторов и ведущих компонентов его формирования, наряду с природными, материальными, «является система духовно-религиозных, морально-нравственных, эстетических, интеллектуальных и иных ценностей, от которой во многом зависит направленность созидательных ландшафообразующих процессов» [2, с. 17].

Плюрализм, многообразие, разноплановость ценностей, идеологий, религий, исповедуемых современным обществом (и особенно в мегаполисах), приводит к тому обстоятельству, как отмечал В. Л. Каганский, что «...современные процессы в ландшафте России — сложные, полимасштабные, неоднозначные, противоречиво-парадоксальные; они носят открытый поливариантный характер» [1, с. 35]. И, как следствие, ландшафт современного мегаполиса — эклектичный, поликультурный, многослойный.

В культурном ландшафте современного Новосибирска можно выделить как минимум три фундаментальных пласта — назовем их условно — советский, российско-сибирский, постиндустриальный глобализационный.

Новосибирск как крупный город, промышленный и научный центр, сложился и вырос главным образом в советский период своей истории, в его культурном ландшафте запечатлевались, воплощались установки, ценности, идеология эпохи: труд, ориентация на научно-технический прогресс, патриотизм, коллективизм, дружба народов и другие. Именно в этот период истории города складывается основная конфигурация городского пространства, его планировка, прокладываются главные магистрали, формируются

жилые районы, возводятся объекты транспортной, производственной, социальной, культурной инфраструктуры, большинство которых функционируют и по сей день [3, 18–31]. Современное развитие материальной составляющей ландшафта города представляет собой трансформацию в основном исторически сложившегося в советскую эпоху городского пространства, его реконструкцию, обновление, благоустройство, перепрофилирование зданий и сооружений. Происходит, по выражению В. Л. Каганского, «становление постсоветского пространства в точном смысле слова при сохранении советского пространственного наследия» [1, с. 36].

Площадь города Новосибирска (по данным на 01.01.2018 г.) составляет 502,7 кв. км. Город находится на территории, где стыкуются лесостепная и лесная зоны с резко-континентальным климатом, на Приобском плато и в долине Оби. Новосибирск расположен по обоим берегам этой могучей и полноводной сибирской реки. Реки, Обь и еще девять малых речушек, протекающие в городской черте, стали важной составляющей ландшафта города. Частью городского пейзажа является набережная реки, а также шесть мостов, связавших город, раскинувшийся по разным берегам Оби. На Оби находится ГЭС, первая в Сибири, построенная в 1950-е гг., архитектурный комплекс ее является объектом культурного наследия регионального значения, памятником истории. После перекрытия Оби образовалось Новосибирское водохранилище — большой искусственный водоем площадью более тысячи кв. км, который новосибирцы называют Обским морем. Обь с притоками Иня и Бердь, Обское море создали вокруг Новосибирска водное пространство, вблизи которого большие площади заняты великолепными сосновыми борами и смешанными лесами, представляющее собой важнейшую рекреационную зону области. В границах города находится ряд лесных массивов: урочище Сухая грива, Усть-Инское урочище, Речкуновская лесная дача, Ботаническое лесничество. Вместе с городскими парками и скверами рекреационные территории занимают около четверти всей территории города [4].

Наследием советской эпохи в Новосибирске, крупном промышленном городе, является производственная и хозяйственная инфраструктура (предприятия, склады, базы и т. п.), а также во многом обусловленные размещением производства районирование и структура городских территорий. Новосибирск рос и строился в советскую эпоху как город крупных промышленных предприятий, вокруг которых затем формировалась селитебная территория — строились жилые микрорайоны и социальная инфраструктура (школы,

детские сады, дома культуры, поликлиники). В индустриальном городе жизнь горожан была подчинена производственному ритму, что накладывало отпечаток на градостроительство, планировку города (четкое подразделение на центр, промышленные и спальные районы), строительство транспортных магистралей и объектов социокультурной инфраструктуры. Сложившаяся в советскую эпоху планировка и застройка города во многом предопределяет развитие современного городского ландшафта.

Судьба заводов, фабрик, предприятий города по разному сложилась в эпоху экономических реформ 1990-х — 2000-х гг. Часть их успешно продолжает свою деятельность, как, например, Новосибирский авиационный завод имени В. П. Чкалова, Новосибирский завод химконцентратов, Новосибирский приборостроительный завод, Новосибирский стрелочный завод, Новосибирский механический завод «Искра», машиностроительное предприятие «Элсиб» и другие. Промышленные здания, объекты производственного назначения составляют неотъемлемую часть архитектурно-пространственной среды города, формируют культурный ландшафт отдельных городских районов и территорий.

Ряд предприятий, однако, по различным причинам прекратили свое существование, их территории и производственные помещения по-разному используются городскими властями. Часть территорий было отдано под застройку жилых и общественных зданий. Например, ЖК «Премьер» появился на ул. Семьи Шамшиных в Центральном районе в результате реновации территории переехавшего на новую площадку жиркомбината, ЖК «Европейский берег» строится на месте завода «Большевик» в Октябрьском районе, торгово-выставочный центр лофт-квартал «Мельница» был создан на территории заброшенного мелькомбината по улице Фабричной в Железнодорожном районе (Рис. 1).

На базе площадей некоторых закрывшихся промышленных предприятий создаются индустриальные парки — специально организованные для размещения новых производств территории, обеспеченные энергоносителями, коммуникациями, инфраструктурой. Например, в 2015 г. на площадке Новосибирского завода низковольтной аппаратуры, который в 1990-е гг. стал банкротом, был создан индустриальный парк «Новосиб» (Рис. 2); в 2016 г. на базе бывшего завода «Экран» был также создан одноименный индустриальный парк; ведется работа по созданию подобного парка и на территории бывшего завода «Сибтекстильмаш». Сохранение промышленных зон городские власти в настоящее время объявляют

*Рис. 1. Лофт-квартал «Мельница». Автор фото – Марина Ягода
(Источник: НГС.НОВОСТИ Новосибирск.
URL: <https://news.ngs.ru/more/69239437/>)*

*Рис. 2. Индустриальный парк «Новосиб»
(Источник: Каталог индустриальных парков.
URL: <https://russiaindustrialpark.ru/industrialnyy-park-novosib>)*

одним из главных приоритетов политики. Сейчас в Новосибирске пять промышленных зон, которые признаны развиваемыми территориями (Калининская, Ленинская, Дзержинская, Кировская, Пашинская) [5].

Советским наследием инфраструктурной составляющей культурного ландшафта города являются, конечно, и многие объекты социокультурного характера — парки культуры и отдыха, театры и кинотеатры, дворцы культуры, спортивные сооружения и т. п. Многие из них являются главными городскими достопримечательностями, определяют лицо города и даже являются брендами Новосибирска. Среди них — самый большой в России Новосибирский государственный академический театр оперы и балета, крупнейший в Сибири Новосибирский зоопарк имени Р. А. Шило, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, всемирно известный Академгородок и другие.

В наибольшей степени «советский след» представлен в знаково-символической составляющей культурного ландшафта города. Основные постулаты и установки идеологии советского государства, вехи его истории, запечатлены в городских памятниках и мемориалах, возведенных в ту эпоху и вписанных в существующий культурный ландшафт: победа наиболее прогрессивного общественного строя, нелегкий путь борьбы народа за свободу, героизм советского народа. Одним из главных элементов культурного ландшафта практически любого советского города были памятники В. И. Ленину — вождю революции и основателю советского государства, партийным и государственным деятелям, революционерам. Большинство из них сохранились и представлены в современном городском культурном пространстве. В Новосибирске сохранились 9 памятников и 5 бюстов В. И. Ленину, которые в советскую эпоху традиционно устанавливались на городских площадях и в скверах, на территориях заводов, предприятий и учебных заведений. Наиболее масштабным из них является монумент вождю, находящийся на площади В. И. Ленина в центре Новосибирска, возведенный в 1970 г.

В культурном ландшафте города увековечены образы и других советских партийных деятелей. В городе существует несколько памятников С. М. Кирову (в парке его имени, у дома-музея, рядом со зданием Администрации Кировского района), есть памятник партийному и государственному деятелю Ф. Э. Дзержинскому (в парке его имени). Совсем недавно, в 2019 г., по инициативе коммунистической партии, после длительных общественных дебатов, в Новосибирске был установлен бюст И. В. Сталину.

Революционная эпоха истории страны и города нашла отражение в мемориале, основанном в 1922 г. и расположенном в сквере Героев революции в Центральном районе, где находятся захоронения революционеров и жертв колчаковского террора.

В настоящее время памятники, посвященные революционным событиям, советским государственным деятелям, уже не несут большинству горожан, особенно молодому поколению, того идеологического посыла, как это было в советскую эпоху. Сейчас они существуют в городском культурном ландшафте города как отражение определенного значимого этапа истории страны, служат сохранению исторической памяти о нем. И тем не менее, данные памятники не редко становятся объектом выражения протестных позиций, взглядом определенных лиц или социальных групп, разного рода экстремистов, подвергаются вандализму. Например, в 2014 г. в Новосибирске были расписаны нацистской и украинской символикой памятники В. И. Ленину в Дзержинском и Октябрьском районе, в 2018 г. вандалы нарисовали нацистскую символику на постаменте памятника вождю на площади В. И. Ленина в центре Новосибирска. Эти акты вандализма можно трактовать как определенные идеологические диверсии, попытку очернить историю страны, разжечь политическую, национальную рознь.

Наследием советской эпохи в современном городском ландшафте являются памятники, посвященные подвигу народа в Великой Отечественной войне, представлявшие собой неотъемлемую часть культурного пространства любого советского города. Одно из главных мест памяти о войне в Новосибирске — Монумент Славы в Ленинском районе города. Мемориальный ансамбль «Подвигу сибиряков в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.», открытый в 1967 г., включает в себя горельеф Скорбящей Матери, Вечный огонь, пилоны с выгравированными сценами войны и именами новосибирцев, павших на фронтах, урны с землей с мест кровопролитных боев. Памятник является объектом культурного наследия России регионального значения. Среди памятников, посвященных героям войны, — Мемориал солдатам, погибшим в Великой Отечественной войне в Павловском сквере Калининского района Новосибирска, построенный в начале 1980-х гг.; стела «Штыки», возведенная в 1975 г. и Мемориальный комплекс «Звезда», открытый в 1985 г. в Кировском районе города; Мемориал советским воинам, умершим от ран в госпиталях г. Новосибирска в 1941–1945 гг. на Заельцовском воинском кладбище, открытый в 1977 г., и другие. Эти памятники, транслирующие вечные ценности патриотизма, стойкости, мужества, органично

вошли в современный культурный ландшафт города. Они не только сохраняют память о Великой Отечественной войне и ее героях, но и активно включены в общественные мероприятия и практики патриотического, нравственного, воспитательного характера.

Советская история и ценности эпохи масштабно отражены и в топонимии города — в названиях улиц, проспектов, площадей, районов. Из десяти районов города семь носят говорящие советские названия — Ленинский, Кировский, Первомайский, Советский, Калининский, Дзержинский, Октябрьский. На карте города запечатлены «революционные» наименования — имеются улицы 1905 года, Революции, Октябрьская, Советская, Большевикская, Коммунистическая, Героев Революции, Сибревкома, Пролетарская, Профинтерна, проспекты Красный, Комсомольский и др. Множество улиц названо в честь видных советских партийных и государственных деятелей — улицы Ленина, Марии Ульяновой, Кирова, Орджоникидзе, Фрунзе, Калинина, проспект Дзержинского, площадь Свердлова и др. Значимость труда как ценности эпохи нашло отражение в таких названиях улиц, как Трудовая, Фабричная, ГЭСстроевская, Индустриальная, Колхозная, Промышленная. В честь героев Великой Отечественной войны названы улицы Бориса Богаткова, Ватутина, Гастелло, Гризодубовой, Зои Космодемьянской, Покрышкина и др.

Массовая волна переименований улиц в 1990-е гг., возвращение дореволюционных названий, практически не коснулась Новосибирска, возможно, потому, что рост и расцвет города пришелся именно на советский период истории, который в большей мере и отражен в топонимии. Периодически общественность города поднимает вопросы об увековечивании деятелей, способствующих развитию города, видных новосибирцев, чьих имен еще нет на карте Новосибирска. Вопросы о наименованиях или переименованиях городских объектов, как правило, носят очень острый дискуссионный характер, так как за названиями стоит мировоззрение, ценности, идеология, исповедуемые определенными социальными группами. Одной из знаковых дискуссий, например, стало обсуждение в 2016 г. вопроса о переименовании площади имени Свердлова в площадь имени знаменитого архитектора А. Д. Крячкова, сформировавшего архитектурный облик Новосибирска. Интернет-опрос, организованный на сайте мэрии города, показал, что мнения новосибирцев по этому вопросу разошлись, с минимальным перевесом победили сторонники переименования (51 %). Однако вскоре дискуссия об увековечивании имени великого архитектора А. Д. Крячкова

приобрела политический характер, в СМИ стали звучать обвинения в десоветизации, забвении истории и расколе общества, с одной стороны, и призывы «убрать имя палача Я. М. Свердлова», с другой. В результате был достигнут определенный компромисс — сохранена площадь Свердлова, а имя Крячкова носит сквер, расположенный рядом [6, с. 249].

Таким образом, советское наследие, представленное как материальной, так и знаково-символической составляющей, является важной частью культурного ландшафта современного Новосибирска.

Российско-сибирский слой культурного ландшафта Новосибирска активно стал формироваться в 1990-е — 2000-е гг., что стало последствием тех политических и социокультурных трансформаций, которые произошли с российским обществом на рубеже XX–XXI вв. Распад советского государства, крушение его идеологии, разрушение социальных связей и традиций, развенчание прежних идеалов и потеря духовных и нравственных ориентиров привели к переосмыслению ценностей, смысложизненных установок. Стремление общества к новым духовно-нравственным основаниям бытия, с одной стороны, и поиск государством новой национальной идеи, новой идентичности, с другой стороны, выразились в обращении к дореволюционной истории государства, к «потерянной России», ее традициям, религии, выдающимся деятелям, культуре, трансляции объединяющих общество патриотических ценностей. Эти процессы нашли свое отражение в формировании культурного ландшафта современного города.

В Новосибирске в 2000-е гг. появился ряд памятников, связанных с дореволюционной историей как города, так и страны в целом. В 2008 г. в городе был установлен памятник архитектору А. Д. Крячкову, по проектам которого были построены многие здания города, определившие его архитектурное своеобразие. На набережной реки Оби был создан парк «Городское начало». В 2012 г. в этом парке напротив специально сохраненного пролета демонтированного исторического железнодорожного моста был воздвигнут памятник императору Александру III (Рис. 3), по распоряжению которого началось строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, предопределившей развитие города. В 2017 г. на территории собора во имя Александра Невского был установлен памятник последнему российскому императору Николаю II и его сыну царевичу Алексею.

Поиски новой идентичности выразились и в активном обращении к русской культуре, актуализации ее наследия. Современный

Рис. 3. Парк «Городское начало».
Памятник Александру III. Набережная Оби
(Источник: Архитектура Новосибирска.
URL: <http://nsk.novosibdom.ru/node/296>)

Новосибирск позиционирует себя как культурная столица Сибири. В его ландшафте воплощаются идеи преемственности великой русской культуры, что нашло отражение, например, в появлении 1990-е — 2000-е гг. в городе множества памятников деятелям отечественной культуры. В 1998 г. у входа в Новосибирскую консерваторию был открыт памятник великому русскому композитору М. И. Глинке. Город украсили чугунные бюсты русских литераторов, возведенные на пересечении улиц, названных их именами, с Красным проспектом — в 2008 г. — бюст Ф. М. Достоевского, в 2009 г. — бюст Н. В. Гоголя, в 2010 г. — бюст И. А. Крылова. Были также отреставрированы и вновь установлены ранее заброшенные и находящиеся в запущенном состоянии бюсты А. С. Пушкину: в 2007 г. — у Новосибирского городского педагогического лицея

имени А. С. Пушкина, в 2015 г. — во дворе Новосибирского государственного художественного музея [7].

Новосибирск является крупным научным центром не только Сибири, но и России в целом. Здесь находится Сибирское отделение Российской академии наук, основанное в 1957 г. Научно-технологический комплекс Новосибирска, включающий 43 академических института, 7 международных исследовательских центров, 39 высших учебных заведений, является третьим по масштабам в России [8]. Поэтому не случайно появление в городском социокультурном пространстве памятников выдающимся ученым, которые жили и работали в городе, совершали здесь свои научные открытия. История отечественной научной мысли запечатлена в памятниках выдающимся ученым — академику, математику и механику, основателю Сибирского отделения Академии Наук СССР и новосибирского Академгородка М. А. Лаврентьеву (1988 г.), химику академику В. А. Коптюгу (2001 г.), хирургу С. С. Юдину (1996 г.) генетику академику Д. К. Беляеву (2017 г.) и др. В 2013 г. в Академгородке появился необычный памятник лабораторным животным — «Мышь, вяжущая ДНК».

Стремление городского сообщества обрести локальную сибирскую идентичность, позиционировать Новосибирск как город Сибири, с ее уникальной природой, населением, культурой и традициями, нашло свое выражение в ряде украшающих город скульптурных композиций с говорящими сибирскими названиями: «Бия и Катунь» (Первомайский сквер, 2002 г.); «Сказитель Земли Сибирской» (Красный проспект, 2003 г.); «Алтайка» (сквер театра «Глобус», 2006 г.); «Быт народов Севера» (Первомайский сквер, 2009 г.); «Шаман» (сквер театра «Глобус», 2009 г.); «Лесник» (Первомайский сквер, 2009 г.); «Сибирский Оборотень» (у театра «Красный факел», 2010 г.) (Рис. 4).

Появление подобных памятников и символических пространств, связанных с ними, как демонстрирует местную форму реализации общероссийских коммеморативных стратегий, использующих темы патриотизма, единства народа, возрождения культурных традиций, так и выражает стремление городского сообщества к обретению локальной идентичности и созданию положительного, уникального, узнаваемого, конкурентоспособного и инвестиционно-привлекательного образа города.

Одним из новых ландшафтообразующих факторов в постсоветском городе стал религиозный. С конца 1980-х гг. происходит постепенная реабилитация религии вообще и православия

Рис. 4. Скульптурная композиция «Быт народов Севера».

Первомайский сквер

(Источник: Архитектура Новосибирска.

URL: <http://nsk.novosibdom.ru/node/2589>)

в частности как основы русской культуры, менталитета, традиций; начинается активное вхождение Русской Православной Церкви в общественную, культурную, политическую жизнь социума. Следствием включения в жизнь общества религиозных институтов и ценностей стало формирование «православного» элемента в культурном ландшафте города. Конечно, Новосибирск является мультикультурным и многоконфессиональным городом, однако около половины его жителей являются православными. По данным федерального социологического опроса о религиозной принадлежности жителей России, в 2017 г., проведенного маркетинговым агентством «ZOOM MARKET», 49 % новосибирцев назвали себя православными [9]. Возможно, что это данные в большей степени демонстрируют не веру и воцерковленность горожан, а идентичность, но, тем не менее, они показывают, что половина населения города отождествляет себя с православием, его ценностями и традициями.

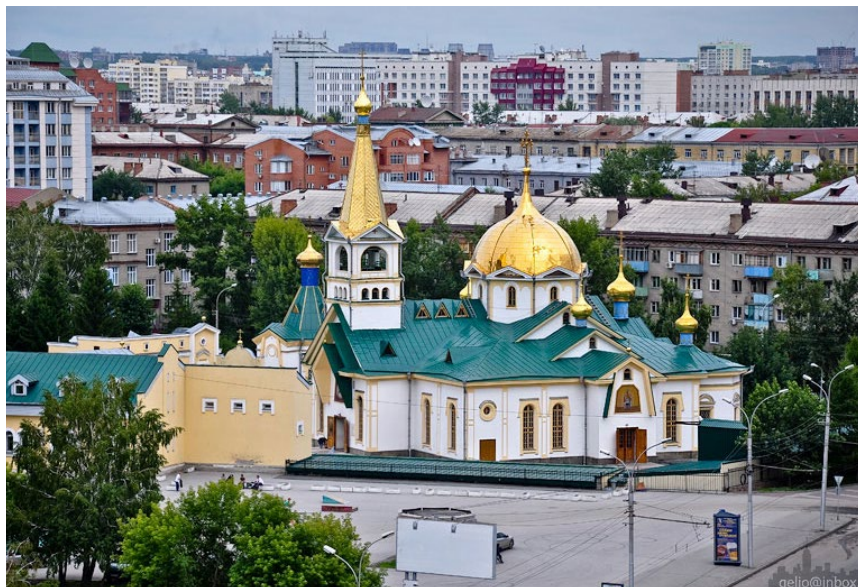

Рис. 5. Вознесенский кафедральный собор.

Автор фото – Слава Степанов

(Источник: Архитектура Новосибирска.

URL: <http://nsk.novosibdom.ru/node/326>)

С конца 1980-х гг. в культурном ландшафте города постепенно формировалась религиозная инфраструктура, происходило возвращение храмов Церкви, строительство новых культовых сооружений. С дореволюционной эпохи в Новосибирске сохранилось только 3 храма. Главным храмом города является Вознесенский кафедральный собор, расположенный в центральной части города по улице Советской. Деревянный храм, построенный в 1913 г., в конце 1930-х гг. был закрыт, использовался как зернохранилище, затем в 1944 г. был снова возвращен верующим, достраивался, в 1970-е – 1980-е гг. был реконструирован, стал кирпичным (Рис. 5). В 1990-е гг. было проведено благоустройство территории около собора, построена часовня Во имя Всех Святых, в земле Сибирской просиявших, административный корпус. В 1989 г. Церкви был возвращен, реконструирован находящийся в центральной части города, в начале Красного проспекта и улицы Советской, Собор во имя святого благоверного князя Александра Невского 1899 г. постройки, в здании которого в советский период находился

проектный институт, а затем студия кинохроники. В 1993 г. епархии была передана, а в 2002–2009 гг. реконструирована расположенная в центральной части города, на улице Октябрьской, Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построенная в 1901 г., в здании которой в советское время располагались театральное училище, Дом народного творчества и другие учреждения. Собор Александра Невского и Покровская церковь являются памятниками градостроительства и архитектуры и объектами культурного наследия.

То обстоятельство, что возрожденные храмы восстанавливались в уже существующем советском ландшафте, соответствующем архитектурному и символическому пространству, привело к формированию не всегда гармоничного, зачастую эклектичного нового ландшафта. Примером здесь может послужить Вознесенский кафедральный собор, рядом с которым расположен цирк, открытый в 1971 г. Строительство цирка на одной линии с Вознесенским собором было воспринято многочисленными тогда верующими как кощунство, акт глумления: над ветхим куполом старой церкви вознеслась «цирковая фуражка» (форма здания цирка) [10]. В настоящее время муниципальные власти разрабатывают проекты благоустройства территории между цирком и храмом, которую на данный момент занимает парковка. В начале 2020 г. был проведен экспресс-опрос граждан Новосибирска, подавляющее большинство которых высказалось за создание здесь общественного озелененного пешеходного пространства со скамейками, малыми архитектурными формами вместо платной парковки как альтернативы. Возможно, реализация этого проекта поможет гармонизировать данное пространство [11].

Помимо возвращения Церкви и восстановления старых храмов, в Новосибирске осуществляется активное строительство новых церквей, часовен, монастырей. В настоящее время в городе насчитывается около 80 храмов, часовен, домовых и монастырских церквей [12]. Множество храмовых зданий было построено заново, однако ряд храмов находится в приспособленных под них помещениях иного назначения, что нередко практиковалось в 1990-х — 2000-х гг. Так, например, Храм во имя святого мученика Вонифатия, освященный в 2012 г., располагается в здании бывшего детского сада; храм в честь иконы Пресвятой Богородицы «Неупиваемая Чаша», освященный в 2015 г., находится в здании бывшего кинотеатра «Спутник».

В культурном ландшафте города, наряду с культовыми зданиями, стало появляться множество элементов символического

характера, связанных с православием. В Новосибирске появился ряд памятников, скульптур, возведенных по инициативе Русской Православной Церкви, посвященных святым, радетелям за христианскую веру, православным ценностям. В 2012 г. в Нарымском сквере около Вознесенского кафедрального собора был установлен монумент святым Петру и Февронии, символизирующий любовь и верность. В 2018 г. в честь 1030-летия Крещения Руси в Троицком сквере около Троице-Владимирского собора установили памятник святому равноапостольному князю Владимиру, принесшему на Русь христианскую религию. Губернатор Новосибирской области Андрей Травников, присутствовавший на церемонии открытия памятника, подчеркнул: «Это символ возрождения духовности нашего народа и государства. Это напоминание о нашей истории и украшение замечательного, любимого места отдыха для жителей» [13].

Еще одним символическим элементом православного культурного ландшафта города являются поклонные кресты, которые раньше традиционно ставились на месте разрушенной или будущей церкви, мученической смерти людей, возводились в знак благодарности, обета, надежды на покровительство небесных сил. Первый поклонный крест был установлен в городе в 2003 г. в честь 80-летия Новосибирской епархии и 110-летия Новосибирска на скальной возвышенности карьера Борок на Бердском шоссе у въезда в город (Рис. 6). В этом же году был установлен поклонный крест на Кольванской трассе недалеко от поселка Кудряши. В 2016 г. был освящен крест на Омском тракте у въезда в Новосибирск, придорожная композиция включает в себя крест и надпись «Спаси и сохрани». Придорожные поклонные кресты маркируют пространство города как находящееся под Божьим благословением, каждый въезжающий в Новосибирск может здесь остановиться, помолиться, чтобы его пребывание в городе было благословенным. В 2008 г. поклонный крест был установлен в Бугринской роще (Кировский район) в месте массового расстрела людей в 1918–1928 гг. В 2013 г. появился поклонный крест на месте Никольской церкви села Кривошеково (ныне Ленинский район города). Подобные кресты — места памяти, покаяния, примирения. Всего в ведении Новосибирской епархии находится 23 поклонных креста [14].

Православная символика присутствует и в топонимике города. Один из новых микрорайонов Новосибирска в Советском районе города недалеко от Академгородка, расположенный в живописном сосновом бору, получил название Благовещенский. В микрорайоне

*Рис. 6. Поклонный крест на Бердском шоссе.
Фото предоставлено Музеем мировой погребальной культуры,
Новосибирск (Источник: НГС.НОВОСТИ Новосибирск.
URL: <https://ngs.ru/more/88061/?amp=1>)*

есть улицы Рождественская, Троицкая, Благовещенская. Столь говорящие православные названия, используемые для наименования улиц, ассоциируются с благостью, миром, покоем, верой в божественное покровительство, они призваны сделать образ данного места более привлекательным для жизни, приобретения здесь жилья.

Благодаря возведению храмов, православных святынь, памятников и символов происходит сакрализация городского культурного ландшафта. В пространстве города появляются места, ассоциирующиеся с духовностью, святостью, высшими нравственными ценностями, подвигами святых, божественными чудесами, покровительством небесных сил. В сознании горожан формируется представление о святых местах; жители Новосибирска и его гости участвуют в паломнических поездках-экскурсиях по монастырям и храмам города и области, поклоняются местным святыням. Происходит включение православных святынь и в некоторые светские практики и ритуалы, например, в свадебные маршруты. Традицией молодоженов Новосибирска является посещение Часовни Святителю Николаю Чудотворцу на Красном проспекте, поклонного креста на Бердском шоссе, где они могут помолиться о благословении молодой семьи и счастливой совместной жизни.

Православная архитектура способствует эстетизации ландшафта современного мегаполиса. Храм выделяется среди монотонных современных зданий своим индивидуальным образом, красивой формой, изысканным оформлением, цветовой гаммой. Вокруг храмов и часовен, как правило, красиво оформляется территория, устраивается зеленая зона, скверы, клумбы с цветами. Это позволяет как бы выделить культовое здание из окружающей застройки, сделать его определенным акцентом городского ландшафта, в котором гармонично соединяются природная красота и духовное начало. По мнению авторитетного новосибирского архитектора, доцента кафедры архитектуры Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств И. В. Поповского, «религиозные объекты так или иначе уникальные и часто являются доминирующими, формируя некий каркас из узнаваемых городских зданий» [15].

Отношение к строительству храмов, религиозных памятников в современном обществе, конечно, неоднозначное. Часть горожан поддерживает инициативы церкви в этом вопросе и, прежде всего, своими пожертвованиями, т. к. храмы строятся, в основном, за счет средств благотворителей. Но имеет место и недовольство, связанное с активностью церкви в вопросах возведения новых культовых зданий и символов, встречаются случаи вандализма. Например, в 2012 г. жители микрорайона «Аэропорт» Заельцовского района вышли на митинг против постройки храма в сквере имени Чаплыгина, т. к., по их мнению, это строительство сократило бы «зеленую зону» и лишило бы проживающих в микрорайоне любимого места отдыха. В результате было достигнуто соглашение, по

которому церковные власти отказалась от идеи строительства храма на территории сквера, под храм городская администрация пообещала предоставить другой участок. В 2019 г. новосибирцы не поддержали инициативу Церкви по установке памятника Николаю Чудотворцу близ Нарымского сквера. Как правило, протест вызывает не столько сам факт строительства нового культового объекта, сколько его размещение в общественных пространствах — парках, скверах. Городские власти проводят общественные обсуждения, голосования по поводу строительства религиозных сооружений, стремятся не допускать конфликтов в данных вопросах, достигать компромиссов.

Таким образом, российско-сибирский слой культурного ландшафта Новосибирска, активно формирующийся в городе в последние десятилетия, отражает процессы формирования новой гражданской идентичности на основе идей патриотизма, традиционных духовно-нравственных ценностей, славного исторического прошлого, культурных и научных достижений, локального своеобразия.

Постиндустриальный слой культурного ландшафта города формируется под влиянием процессов, связанных с развитием постиндустриальной экономики, глобализации и экономической интеграции, их социально-культурных последствий, и включением в эти процессы постсоветской России. Если индустриальный город представлял собой, образно выражаясь, «город-завод» и своей планировкой, инфраструктурой был приспособлен к производству, то современный город позиционируется как «город-среда», ориентированный на человека, с его многообразными потребностями, интересами, ценностями. Современный город — это пространство интенсивных коммуникационных и информационных потоков, инновационных технологий, цифровых данных.

Постиндустриальная экономика основана на приоритетности сферы услуг над другими отраслями, на доминировании производства знаний и инновационных технологий. Местом производства при этом становится не завод, а офис, где работает значительная доля городского населения. В 2000-е гг. под многочисленные офисы активно перепрофилировались первые этажи жилых зданий на центральных магистралях города (Рис. 7). Также было возведено множество новых офисных зданий, особенно в центре города. В Новосибирске были построены большие специализированные бизнес-центры: «Якутия» (2005 г.), «Кобра» (2007 г.), «Кронос» (2007 г.), «Гринвич» (2008 г.), «Кокон» (2010–2011 гг.), «Новая высота» (2013 г.) и многие другие. Эти офисные здания, отлича-

Рис. 7. Торговый центр «Бутон» и бизнес-центр «Айсберг»
(Источник: Svet-finn.ru. Личный блог. URL: <https://svet-finn.ru/dostoprimechatelnosti-novosibirska-innovatsionnaya-arkhitektura-goroda>)

ющиеся современными «футуристическими» формами, обилием стекла, металла, пластика, повышенной высотой, построенные с использованием новейших технологий, формируют облик современного Новосибирска как динамично, активно развивающегося делового центра. Многие из них являются узнаваемыми, знаковыми, привлекательными объектами городского культурного ландшафта, во многом определяющими лицо города, а их создатели заслужили признание в профессиональном сообществе. Например, бизнес-центр «Гринвич» в 2008 г. удостоился главного приза национальной премии в области коммерческой недвижимости Commercial Real Estate Federal Awards, в 2009 г. — гран-при смотра-конкурса «Золотая капитель», а также специальной премии «Творческий архитектор». Проект бизнес-центра «Кокон» в 2011 г. получил гран-при фестиваля архитектуры «Золотая капитель», а также вошел в шорт-лист Всероссийской премии «Дом года» (Рис. 8).

Постиндустриальный город, главным образом, — это город не производителей, а потребителей. Современная экономика готова удовлетворить самые взыскательные вкусы и потребности людей, предоставляет им максимальную свободу выбора. В Новосибирске, как и в других современных городах, функционирует множество магазинов, банков, салонов красоты, фитнес-центров, кафе,

Рис. 8. Бизнес центр «Кокон» («Капитал»)

(Источник: Недвижимость в Новосибирске.

URL: <https://novosibirsk.n1.ru/biznes-centry/name-kapital-1/>)

ресторанов, туристических агентств, медицинских клиник, кинотеатров и других заведений, оказывающих услуги на любой запрос, предпочтения и финансовые возможности. Центрами притяжения горожан всех возрастов в настоящее время стали крупные торгово-развлекательные центры — «Аура», «Галерея Новосибирск», «Мега», «Континент», «Ройял Парк», «Сибирский Молл», «Сан

Сити» и многие другие. Современные торговые центры Новосибирска — это огромные площадки, на которых расположено множество разнообразных магазинов, кафе и ресторанов, развлекательных центров, в которых можно посмотреть кино, выставку, поиграть в боулинг, посетить концерт, принять участие в мастер-классе, организовать детский праздник. Торгово-развлекательные центры являются в настоящее время не столько местом шопинга, сколько местом встреч горожан, территорией для прогулок и проведения досуга, то есть сосредоточием общественной и культурной жизни городского населения.

Бытие современного города, его культурный ландшафт во многом определяется информационным фактором. В постиндустриальный период происходит развитие информатизации общества, широкое внедрение информационных технологий во все сферы жизни. Культурный ландшафт современного мегаполиса чрезвычайно насыщен разнообразными информационными потоками. Улицы города наполнены, иногда даже перегружены, многочисленными рекламными баннерами, щитами, афишами, информационными экранами, звуковой рекламой на остановках общественного транспорта и в торговых центрах. Они сообщают горожанам о товарах и услугах, информируют о различных городских мероприятиях и государственных событиях, транслируют определенные ценности.

Постепенно в культурный ландшафт мегаполиса внедряются цифровые информационные технологии. В 2013 г. компания МТС совместно с Музеем города Новосибирска реализовала инновационный историко-культурный проект «Виртуальная история» на основе технологии «дополненной реальности». С помощью специального приложения, установленного на смартфон, стало возможным увидеть облик города в исторической ретроспективе: посмотреть, как выглядели достопримечательности и улицы города в прошлом, что представляли собой объекты, которые не сохранились или были перестроены. Приложение способно автоматически определять местонахождение, предлагает пользователю ознакомиться с фотографиями близ расположенных исторических объектов и информацией о них, возможно также увидеть архивное изображение поверх современного здания или улицы, наведя на них камеру [16]. В 2015 г. компанией МТС, Музеем города Новосибирска совместно с Управлением по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирска начал реализовываться инновационный историко-культурный проект «Узнай

Новосибирск», в рамках которого на объектах историко-культурного наследия города впервые в России появились интерактивные охранные таблички с QR-кодами. С помощью сканирования планшетом или смартфоном QR-кода горожане и туристы теперь могут получить дополнительную информацию об истории сооружения, его архивные фотографии и превратить обычную прогулку по городу в познавательное и увлекательное историческое путешествие [17]. Использование современных цифровых технологий способствует сохранению и популяризации историко-культурного наследия среди горожан, особенно молодого поколения, делает город более привлекательным для туристов.

С 2018 г. в пилотном режиме, а с 2019 г. в обязательном, в России начал реализовываться проект «Умный город», и Новосибирск стал одной из первых площадок по его реализации. Проект направлен на обеспечение высокого качества жизни в городе, создание комфортной и безопасной городской среды, эффективное и качественное управление городскими ресурсами за счет широкого внедрения передовых цифровых и инженерных решений, инновационных технологий. В рамках данного проекта предполагается внедрение интеллектуальных систем в городскую среду: создание автоматизированной системы управления дорожным движением, электронных сервисов для ЖКХ, «умных» остановок и парковок, веб-сервисов информационного обмена, «умных» школ и детских садов, формирование цифровой модели городских земель и лесов [18]. К настоящему времени в Новосибирске установлено 6 многофункциональных информационных комплексов «Умная остановка», планируется оборудовать еще 250 остановочных павильонов, имеющих «тревожную кнопку», бесплатный wi-fi, зарядку для телефонов, голосовое управление, сенсорный экран, электронное расписание движения транспорта. В 3 образовательных учреждениях установлена система «Умная школа», помогающая осуществлять контроль жизнедеятельности и обеспечивать безопасность. В ряде медицинских учреждений используется система распознавания голоса, которая позволяет принимать звонки и записывать пациентов на прием, применяется приложение для глухонемых и специальная тактильная доска для ориентации слабовидящих [19]. В марте 2020 г. Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства России опубликовало индекс цифровизации городского хозяйства (IQ городов), который позволяет определить базовый уровень цифровизации городского хозяйства и эффективность дальнейшей реализации проекта «Умный город». Новосибирск занимает в этом

рейтинге 8 место из 15 крупнейших городов с населением выше 1 млн. человек [20].

Благодаря развитию цифровых технологий современный город перестает быть только явлением, существующим в реальном пространстве, постепенно он переносится в виртуальную среду. Современный горожанин сейчас может с помощью соответствующих приложений путешествовать по городу, выстраивать оптимальные маршруты, переноситься в прошлое и созерцать старинный город, посещать виртуальные экскурсии, ходить в магазины, рестораны, заказывая товары и еду на дом. Происходит постепенное формирование в интернет-пространстве виртуального или сетевого города, который не просто выступает симулятором городского пространства, но и является как бы продолжением городской среды, частью его культурного ландшафта [21, с. 34].

В культурном ландшафте города находят отражение идущие в современном мире глобализационные процессы — процессы всемирной экономической, политической, культурной интеграции и унификации. Культурная глобализация проявляется прежде всего в сближении деловой и потребительской культуры разных стран, росте межнационального общения, популяризации различных национальных культур по всему миру.

В Новосибирске, как и в других городах, появилось множество международных сетевых и брендовых магазинов, торговых центров, ресторанов: METRO, ИКЕА, Ашан, Макдоналдс, KFC, Бургер Кинг и другие. Благодаря этому сегодня горожанин может получить практически те же товары и услуги, что и житель европейского или американского города.

Глобализационные процессы ярко проявляются в языке города — в его эргонимии и топонимии. Новой чертой современного российского города стало его многоязычие. Для названия городских объектов — предприятий, магазинов, фитнес-центров, салонов красоты, кафе и ресторанов — активно используются слова на иностранных языках, иностранного происхождения, в основном англоязычные. Городские улицы и учреждения наполнены иноязычными вывесками, различными надписями с элементами иностранного алфавита, русскими словами, написанными на латинице, либо образованными путем транслитерации и транскрипции. Среди учреждений Новосибирска имеются, например: рестораны и бары River Park, Drovamuka, Morricone pizza & wine, La Maison, RomaAntica, Pub 501, New Mexico, Prazacka, Pardon my French, Гудман, Жан Хуан Лу, Азиатиш, Циндао; салоны красоты Iris Beauty, Eselevich

studio, Cult, Relaks Me, Selena, Санте Эстетик, Гринвуд СПА; спортивные центры Alex Fitnes, Crossbox Kontora, ЖиваГО, Фитнес Проджект и другие. Использование подобных названий диктуется стремлением продемонстрировать потребителю соответствие европейским стандартам качества, которые рассматриваются как ориентир, пример для подражания, а также привлечь его иностранной экзотикой, новизной, традициями и культурой.

Иностранные названия проникают и в городскую топонимику. В Новосибирске ряд жилмассивов носит географические названия городов и регионов мира — Венеция, Римский квартал, Марсель, Бавария, Европейский берег. Причем, зачастую ни своим видом, ни планировкой они ничего общего с данными территориями не имеют. Например, «Венеция» представляет собой несколько высотных панельных домов, украшенных разноцветными полосами, на торце одного из которых изображен канал с мостом и лодками. Очевидно, что такие наименования жилищных комплексов — лишь маркетинговый ход для привлечения покупателей жилья. Однако подобные названия кварталов, не связанные с новосибирскими реалиями, вызывают скепсис у экспертов-маркетологов. Бренд-стратег и неймер, куратор направления брендинга в агентстве Machineheads А. Кармишина призывает к более продуманному наименованию городских территорий: «Когда каждую новую “свечку” начинают величать своим именем, и это имя совершенно никак не связано с историей района и улицы, названиями и единицами смыслов, которые там уже есть, с архитектурными решениями самого здания — это превращает город в драное лоскутное одеяло. Я считаю, что лучше всего, когда название нового комплекса или квартала органично встраивается в конкретную локацию и связано с историей этого места, названиями улиц, парков, да хотя бы и с местными легендами. Это позволит связывать отдельные части города в общее целое, поддерживать какую-никакую преемственность» [22].

Отличительной чертой современного постиндустриального «города-среды» является появление в его культурном ландшафте множества различных арт-объектов, скульптур, выполняющих роль городских аттракционов, являющихся центрами притяжения внимания и активности горожан и гостей города, местами, вокруг которых выстраивается система шопинга, городских событий, мероприятий [23, с. 97]. Современная городская жанровая скульптура обращена к горожанину как к обычному человеку с его чувствами, эмоциями, повседневными заботами. Она изображает разнообразные сюжеты, сцены, в том числе обыденной, повседневной жизни

города, представляет различные типажи горожан, часто апеллирует к чувству юмора. Герои данной скульптуры как бы снисходят с пьедесталов, располагаются прямо на городских улицах, органично входят в городское пространство, становясь ближе к горожанам. Такие произведения искусства, предназначенные «для активного диалога со зрителем и окружающим пространством», способствуют преодолению обезличенности, монотонности среды индустриального города, гуманизации городского культурного ландшафта [24, с. 59]. Героями городской скульптуры становятся рядовые горожане — дети, животные, влюбленные, представители разных профессий. Например, скульптурные композиции «Мечтатель» или «Мальчик и книга» (во дворе школы № 12, 2007 г.); «Мальчик с одуванчиком» (ул. Серебренниковская, 2007 г.); «Девочка Маришка с котенком по имени Муренка» (Красный проспект, 2008 г.); «Фото на память» (Аллея призыва, 2009 г.) и другие.

Заметной тенденцией в развитии городского культурного ландшафта в современный период является активное участие в этом процессе городского сообщества — представителей различных общественных организаций, корпораций, частных лиц. Они нередко выступают с инициативами по установке скульптур, памятников, финансируют их, проявляя, закрепляя и транслируя таким образом в условиях современной идеологической неопределенности свои собственные установки, ценности, микро-идеологии. Так, например, на улице Мичурина в 2005 г. была установлена скульптура «Деловая женщина» по заказу компании «Граф» (Рис. 9), расположенной в здании рядом. В 2006 г. к 70-летию со дня основания Госавтоинспекции МВД России по инициативе ГИБДД и «Авторadio» в Новосибирске появился памятник первому в городе светофору и городовому. Швейное предприятие «Синар» отметило в 2011 г. свой 90-летний юбилей установкой памятника швейной машине «Зингер». В 2013 г. в день празднования 80-летия электрических сетей Новосибирской области напротив офиса организации был открыт памятник электромонтеру.

Городская жанровая скульптура, изначально ориентированная на интерактивное взаимодействие, активно входит в повседневные культурные и символические практики горожан. Постепенно она обрастает своей мифологией, отражается в городском фольклоре и ритуалах. Например, скульптура «Любовь», установленная в Первомайском сквере в 2002 г., является популярным местом паломничества молодоженов и влюбленных, которые записывают на каменном сердце свои любовные признания и желания.

Рис. 9. Скульптура «Деловая женщина»
(Источник: НГС.НОВОСТИ Новосибирск.
URL: <https://news.ngs.ru/more/1191207/>)

Подобные объекты развлекают, вызывают улыбку, претендуют на роль городских достопримечательностей, с которыми горожане и туристы с удовольствием фотографируются.

Одной из главных ценностей для горожанина постиндустриального города является экологическая безопасность среды как важнейшая составляющая ее комфорта. Жители крупного мегаполиса, пребывающие в мире стекла и бетона, техники и информации, нуждаются в очагах зелени, природы, где можно провести досуг, отдохнув от городской суеты, полюбоваться естественной красотой мира, прикоснуться к живому, подышать свежим воздухом. В связи с этим большое значение приобретает развитие в городском ландшафте парков, скверов, озелененных территорий, которые являются «зелеными легкими» города, общественными пространствами, осуществляющими рекреационную, коммуникационную, культурно-досуговую функции, обеспечивающими необходимое качество жизни городского населения и привлекательность города как места ведения бизнеса, туризма, учебы.

В Новосибирске для горожан работают 8 парков культуры и отдыха («Центральный», «Заяльцовский», «Первомайский»,

«Имени Кирова», «У Обского моря», «Березовая роща», «Бугринская роща», «Сосновый бор»), имеется множество скверов, аллей и других озелененных территорий. Большинство парков Новосибирска возникали на территории естественных, нерукотворных лесных массивов, в них представлены растения, животные, характерные для данного региона. Для многих жителей мегаполиса именно парки являются единственными доступными местами, где можно провести время на природе. Особенно большое значение парки имеют для экологического воспитания подрастающего поколения. В прогулках с родителями, в школьных экскурсиях дети получают возможность понаблюдать за живой природой, сезонными изменениями, насекомыми и птицами, собрать гербарии и природные материалы для поделок. Во многих парках организуются контактные зоопарки, катание на лошадях. Также площадки парков активно используются для проведения различных мероприятий экологической направленности. Территории парков используют все категории населения для отдыха и укрепления здоровья. В парках с удовольствием прогуливаются и пожилые люди, и мамы с детьми, т. к. в крупном мегаполисе это зачастую единственное место, где можно подышать свежим лесным воздухом, отдохнуть от шума и гула автомобилей и городской суеты. В настоящее время очень активизировалась спортивно-оздоровительная работа в парках, на них возложена важная миссия пропаганды здорового образа жизни и спорта. В парках появилось множество зон для занятий спортом, оборудованы уличные тренажеры, велодорожки, прокат спортивного инвентаря, зимой прокладываются лыжные трассы, устраиваются горки, катки. В парках проводится множество спортивных праздников, мастер-классов, различных оздоровительных мероприятий. Современный парк также занимается организацией досуга горожан, просвещением, предоставляет различные развлечения. Этому служат многочисленные аттракционы, которые предлагает парк своим посетителям, концерты, устраиваемые по различным праздникам, кафе и многое другое. Парки проводят множество очень интересных мероприятий, шоу, фестивалей, предлагают новые современные, социально ориентированные, патриотические, просветительские проекты. Парки культуры и отдыха, таким образом, занимают одно из лидирующих место в системе культурной инфраструктуры мегаполиса, являются крупными центрами развития индустрии развлечений, организованного досуга, а также информационно-познавательных, игровых, спортивных и зрелищных мероприятий.

С 2014 г. городскими властями в Новосибирске разрабатывалась концепция развития озелененных общественных пространств, в рамках работы над которой проходило комплексное исследование рекреационных общественных пространств города. В ходе данной работы экспертами историками, экологами, архитекторами, ландшафтными дизайнерами, социологами, экономистами были всесторонне обследованы 38 городских озелененных территорий. Эксперты разных специальностей оценивали состояние зеленых зон по 175 критериям: изучали геоданные, экологическое состояние парков и скверов, проводили дендрологические исследования, изучали историю парков, их экономический потенциал. Они оценили состояние парков и скверов и дали рекомендации по их развитию. По итогам работы в 2017 г. была издана «Концепция развития озелененных общественных пространств общегородского значения “Зеленый Новосибирск”» [25]. Эксперты предлагают усовершенствовать систему управления зелеными зонами города, осуществить специализацию некоторых парков и определить функциональную программу каждого парка в зависимости от его истории, местоположения, природных особенностей, целевой аудитории. Очень актуальна сейчас идея создания дисперсных парков — то есть нескольких парковых зон, скверов, культурно-досуговых объектов, соединенных пешеходными тротуарами. В Новосибирске планируется создать два дисперсных парка. Один — Большой центральный, включающий в себя, наряду с Центральным парком, Оперный театр и Театр Музкомедии, их скверы, Краеведческий музей, Первомайский сквер и Сквер Героев революции, Сквер у Театра «Глобус», Сквер академии водного транспорта, бульвар Красного проспекта и другие объекты. Другой — Затулинский, объединивший Затулинский парк аттракционов, аллею на ул. Петухова, кинотеатр «Рассвет», аллею на ул. Зорге, стадион «Фламинго». В настоящее время ведутся работы по благоустройству парков и скверов города в рамках реализации данной концепции. Согласно генеральному плану развития Новосибирска, к 2030 г. площадь озелененных территорий Новосибирска должна составить 36 % [26].

Таким образом, для постиндустриального городского культурного ландшафта современного мегаполиса, население которого ориентировано на потребление комфортной среды жизни, плюрализм и удовлетворение своих самых разнообразных интересов, характерна диверсификация пространств труда и отдыха, повышение плотности сервисной, социально-культурной, досуговой, рекреационной

инфраструктуры, активное внедрение информационных цифровых технологий.

Современные ландшафтообразующие процессы в мегаполисах, одним из которых является Новосибирск, носят сложный, нелинейный характер. Культурный ландшафт города трансформируется, развивается под воздействием самых различных факторов — государственной политики и идеологии, экономических трендов и инновационных технологий, ценностей и потребностей различных групп городского сообщества. Современный городской культурный ландшафт многослоен, носит поликультурный характер. Он включает в себя как традиционную составляющую, обеспечивающую сохранение «коллективной памяти» городского сообщества, его идентичность, культурную преемственность, так и новационную, отражающую стремление горожан отвечать на вызовы эпохи, соответствовать стремительно меняющимся социокультурным реалиям.

Список литературы

1. *Каганский В. Л.* Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // Международный журнал исследований культуры : Научное рецензируемое электронное издание. — 2011. — № 4. — С. 26–40.
2. Культурный ландшафт как объект наследия / под. ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. — М. : Иститут Наследия ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.
3. *Алисов Д. А., Гефнер О. В., Золотова Т. Н., Хилько Н. Ф.* Культурные ландшафты советского города : сибирские города позднего социализма : монография. — М. : Институт Наследия, 2019. — 98 с.
4. Генеральный план города Новосибирска // ДСиА мэрии г. Новосибирска : [сайт]. — URL: <http://dsa.novo-sibirsk.ru/ru/site/1574.html> (дата обращения: 25.04.2020).
5. Индустриальные парки идут на смену заводам Новосибирска // Новости Новосибирска и Новосибирской области сегодня : [сайт]. — URL: <https://vn.ru/news-industrialnye-parki-idut-na-smenu-zavodam-novosibirska/> (дата обращения: 12.05.2020).
6. *Поповский Д. И.* К вопросу о переименовании новосибирской площади Свердлова в площадь имени архитектора А. Д. Крячкова // Баландинские чтения : сб. ст. научных чтений памяти С. Н. Баландина. Т. XI. — Новосибирск : Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, 2016. — С. 248–252.

7. *Гефнер О. В.* История страны в памятниках современного Новосибирска // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2019. № 3. — URL: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/3/00761.pdf>. (дата обращения: 27.05.2020).
8. Наука и инновации // Официальный сайт города Новосибирска : [сайт]. — URL: <https://novo-sibirsk.ru/to-citizens/economy/science/> (дата обращения: 10.07.2020).
9. Рейтинг религиозных принадлежностей жителей России 2017 // Русская вера. Старообрядческий сайт : [сайт]. — URL: https://ruvera.ru/news/reiyting_religioznyh_prinadlejnostey (дата обращения: 05.05.2020).
10. *Арсеньев А.* Цирковая фуражка против церковного купола // Новости Новосибирска : [сайт]. — URL: <https://ndn.info/publikatsii/24579-tsirkovaya-furazhka-protiv-tserkovnogo-kupola> (дата обращения: 30.04.2020).
11. Выбираем проект благоустройства площади у цирка. Результаты опроса // Опросы : [сайт]. — URL: <http://poll.novo-sibirsk.ru/result.aspx?quiz=116> (дата обращения: 30.04.2020).
12. Храмы России. Новосибирск // Храмы России : [сайт]. — URL: http://temples.ru/tree.php?ID=2614&mode=1&print=0&hide_icons=0&show_locate=0 (дата обращения: 05.05.2020).
13. *Полонникова А.* Шестиметровый памятник князю Владимиру открыли в Новосибирске // Новости Новосибирска и Новосибирской области сегодня : [сайт]. — URL: <https://vn.ru/news-shestimetrovyu-pamyatnik-knyazyu-vladimiru-otkryli-v-novosibirske/> (дата обращения: 05.05.2020).
14. Новосибирская митрополия Русской Православной Церкви // Новосибирская митрополия Русской Православной Церкви : [сайт]. — URL: <http://nskmi.ru/parish/> (дата обращения: 05.05.2020).
15. *Пичугина Е.* Маковки заколосились: в Новосибирске бум строительства храмов — в епархии жалуются на нехватку денег // НГС : [сайт]. — URL: <https://ngs.ru/more/66042934/> (дата обращения: 05.05.2020).
16. «Виртуальная история» в мобильных телефонах // Ты молод — молодежный информационный портал : [сайт]. — URL: <https://m.timolod.ru/news/7500/> (дата обращения: 07.06.2020).
17. Первые в России охранные таблички с QR-кодами появились на новосибирских памятниках архитектуры // Музей Новосибирска : [сайт]. — URL: <http://m-nsk.ru/pervyie-v-rossii-ohrannyye-tablichki-s-qr-kodami-poyavilis-na-novosibirskih-pamyatnikah-arhitekturyi> (дата обращения: 07.08.2020).

18. В России будут реализовывать проект «Умный город» // Новости сибирской науки : [сайт]. — URL: <http://www.sib-science.info/ru/institutes/umnyu-gorod-17012019> (дата обращения: 07.06.2020).
19. Технологии «Умного города» представят в рамках «Технопрома-2019» // Официальный сайт Новосибирска : [сайт]. — URL: <https://novo-sibirsk.ru/news/228383/> (дата обращения: 07.06.2020).
20. Результаты оценки хода и эффективности цифровой трансформации городского хозяйства Российской Федерации (IQ городов) по итогам 2018 года // Минстрой России : [сайт]. — URL: https://minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/2a5/Indeks-IQ_Krupneyshie.pdf (дата обращения: 07.06.2020).
21. *Бабинцева Е. С.* Виртуализация социального пространства города // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 10. — Ч. II. — С. 32–35.
22. *Гладкова Ж.* Географические названия жилмассивов: удачный маркетинговый ход или способ разрушить код Новосибирска? // Бизнес-портал «Континент Сибирь Online» : [сайт]. — URL: <https://ksonline.ru/347401/geograficheskie-nazvaniya-zhilmassivov-udachnyj-marketingovuj-hod-ili-sposob-razrushit-kod-novosibirska/> (дата обращения: 15.07.2020).
23. *Долженкова М. И., Мурзина О. Б.* Некоторые тенденции развития социально-культурной инфраструктуры постиндустриального города // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2014. — № 2. — С. 96–102.
24. *Гончаренко Н. М.* Современная городская скульптура в России : памятник или развлечение? // Дом Бурганова. Пространство культуры. — 2009. — № 1. — С. 59–64.
25. Зеленый Новосибирск. Концепция развития озелененных общественных пространств общегородского значения. — Новосибирск, 2017. — 128 с.
26. Генеральный план города Новосибирска // Архитектура Новосибирска: [сайт]. — URL: <http://nsk.novosibdom.ru/node/2867> (дата обращения: 10.08.2020).

Ю. Р. Горелова, Н. В. Высоцкая

**Ландшафтная составляющая образа Омска:
история и современность**

Аннотация. Статья раскрывает особенности формирования и развития ландшафтной составляющей современного города на примере города Омска. Описываются структура, функции и визуальные особенности.

Ключевые слова: культурный ландшафт города; инфраструктура культуры; современный город; образы города.

Образ всегда выступает посредником между сознанием человека и внешней реальностью. Несмотря на то, что образ — это скорее мыслительный конструкт и существует в ментальной реальности, основой его формирования является как раз та самая реальность. Не может существовать образа вообще. Всегда существует только образ конкретного предмета, события, явления, личности. Говоря об образе города, мы должны отдавать себе отчет, что во многом его формирование, в качестве основы, опирается на особенности архитектурно-ландшафтной среды конкретного пространства. Процесс формирования образа всегда связан с концентрацией, сгущением определенных представлений. Образ представляет собой систему наиболее ярких и мощных по выразительности знаков, символов, представлений и характеристик, отражающих сущностные черты чего-либо (в частности города). Он включает в себя визуальные и эстетические характеристики места, его эмоциональное воздействие, его символику; образ представляет собой неповторимый узор смыслов, основа которых находится в реальном географическом пространстве. В этой связи всегда интересно проанализировать тенденции динамики ландшафтных характеристик пространства и их отражение в ментальном пространстве того или иного сообщества.

Растительность в городском культурном ландшафте выполняет не только санитарно-гигиеническую, но и декоративно-эстетическую функции. Сады, парки, скверы, бульвары и другие формы озеленения городских территорий издревле создавались людьми как продукты сотворчества природы и человека.

С появлением первых городов нашей цивилизации человечество использовало и различные приемы формирования ландшафтов. По описаниям древнегреческих историков-путешественников

мы знаем о первых городах-государствах Месопотамии и Ассирии, в которых человек пытался воссоздать мифический рай, устраивая прекрасные сады для приемов и церемоний и для охоты, населяя эти сады экзотическими растениями и животными. Мы знаем о полубогендарном царе Урука Гильгамеше, который очень гордился садами своего города, в которых росли все виды фруктовых деревьев, цветы и овощи. Цари Ассирии украшали свои сады не только местными породами деревьев и кустарников, но и завезенными после военных кампаний саженцами и семенами прекрасных растений. И конечно, еще из школьной программы мы знаем о самых знаменитых садах Вавилона — Висячих садах, которые царь Навуходоносор создал для своей жены-мидийки, тосковавшей по горам своей родины. Раскопки показали, что сады занимали площадь в 1 га. Своды ярусов опирались на колонны высотой в 25 метров и поддерживали платформы, сложенные из плоских каменных плит и устланные слоем камыша. Для гидроизоляции камыш заливали асфальтом и покрывали листами свинца. Сверху насыпали слой земли, достаточный для выращивания больших деревьев. Ярусы соединялись широкими лестницами, выложенными цветной плиткой. Эти пять (по другим источникам — семь) террас, покрытых пышной растительностью, с лестницами, системой водоснабжения, как одно из семи чудес света были описаны древнегреческими историками Диодором и Страбоном.

Греческие города были искусно вписаны в природную среду, их окружали рощи оливковых деревьев, в том числе священные рощи. Сады располагались во внутренних дворах жилых домов, у храмов. Одним из видов публичных садов в Древней Греции были философские сады, предназначенные для ученых бесед и занятий. Обязательным условием устройства садов являлось размещение водоемов с мозаичным рисунком на дне, а цветы и кустарники высаживались в ящиках и кадках.

Садово-парковое искусство Древнего Рима наиболее полное свое выражение получило в садах дворцов и загородных усадеб знати. В композиции садов римляне использовали практически все известные на сегодняшний день приемы декоративного садоводства, включая малые архитектурные формы: скамьи, бассейны, фонтаны, декоративную скульптуру и др. Наследием римских садов являются наши современные решетчатые перголы и беседки.

В средневековой Европе садово-парковое искусство получает воплощение прежде всего в монастырских садах. Следуя аналогии библейского рая, монастырские сады размещались в прямоуголь-

ных либо квадратных дворах, имели регулярную структуру. При этом они делились по функциям: сад цветов для церковных служб, огород, виноградник, плодовый и аптекарский сады. Наибольшее распространение получил прием размещения в центре квадратного сада, на пересечении двух перпендикулярных дорожек колодца или большого дерева. В монастырских садах сформировался сад-лабиринт в виде стриженной изгороди. Монастырские сады России несколько отличались от европейских. Будучи и хозяйственными, и декоративными, они занимали до трети территории внутри монастырских стен и обязательно включали пруд, в котором разводили рыбу.

Большую роль в развитии ландшафтной архитектуры сыграла эпоха барокко. В Европе получил распространение итальянский террасный сад с расположенными на разных уровнях каскадами воды, бассейнами, гротами, нимфеями, павильонами, фонтанами. Террасы соединялись земляными пандусами, каменными лестницами и подводили к расположенному на склоне дворцу. Декорированные скульптурами аллеи и выложенные гравием или ракушками прогулочные дорожки вели к строго продуманным смотровым площадкам или «зеленым кабинетам», гротам, павильонам, которые неожиданно возникали среди растений. Всюду скрывались аллегории, предназначенные для прочтения и разгадывания. Барочные сады в равной степени были предназначены и для праздничных действ с цветными фейерверками по ночам, и для уединенного отдыха. Сад барокко обсаживался плотными рядами деревьев или кустарников, определяющими его четкие границы. Популярными в Европе ароматические растения создавали разнообразные обонятельные эффекты.

В XVIII в. регулярные сады барокко постепенно уступают место пейзажным садам классицизма, особое распространение получившим в Англии. На смену регулярно распланированным партерам, боскетам и декоративным бассейнам приходит планировка без прямых линий, при которой в саду все казалось созданным самой природой (хотя в пейзажном саду не было случайных элементов). Все природные элементы, ручьи, пруды, холмы, группы деревьев были тщательно спланированы с учетом наиболее их эффектного восприятия.

Расцвету русского регулярного паркостроения предшествовали кремлевские и отчасти монастырские сады Москвы допетровского времени. В декоративных садах при царских дворцах (в Измайлове, Коломенском, Кремле) регулярные элементы в виде

цветников, плодово-огородных участков сочетались со свободными контурами рощ, лугов, прудов. Кстати, древнерусское название сада — вертоград — прообраз райского Эдема, огражденного от всего греховного. Сады являлись обязательными элементами русских усадеб. Перед домом, обращенным фасадом на улицу, располагался парадный двор, за домом — разбивался регулярный сад с декоративными водоемами, партерами и боскетами. В России регулярный и пейзажный сады не противостояли, а дополняли друг друга.

Часть зеленых массивов, составлявших зеленый наряд города, не появлялась, а скорее, сохранялась. Кусочки дикой природы нечасто могли остаться нетронутыми и вписаться в структуру города. Это, в основном, поймы рек с прилегающим древесным массивом, или оставленные рощи при быстро растущем городе, окруженном лесами. Так были оставлены природные парки в Москве — Лосиноостровский, Битцевский и др.

В Омске к паркам такого типа можно отнести природный заповедник «Птичья Гавань» и территории в пойме Иртыша, вошедшие в городскую структуру «Парк Победы».

И все же, основной вариант появления парковых зон в современных городах — это их искусственное обустройство. Такая тенденция начала активно проявляться с середины XVIII в. В этот период происходит формирование нового типа городского пространства — сквера — озелененной площади (либо он мог располагаться на пересечении улиц). К этому времени многие города утрачивают статус крепостей, и на месте крепостных стен разбиваются бульвары (линейные объекты озеленения). Городские скверы и бульвары получили регулярную планировку, тогда как пейзажные композиции остались характерными только для садово-паркового искусства. Мероприятия, связанные с озеленением городских территорий, получили наибольший размах во второй половине XIX в. К этому времени проявляются негативные стороны промышленного производства и осознается потребность в озеленении городских территорий, в связи с чем начинают активно создаваться городские сады и парки. Естественно, что первые общественные сады возникли в Москве и Петербурге. В дальнейшем столичный опыт был распространен и на другие российские города.

Для Омска как для степного города проблема озеленения была особенно злободневной. Расположенный на границе со степью и изначально лишенный защитных «зеленых барьеров», Омск был открыт всем ветрам, в летнее время это приводило к тому, что над городом висело облако пыли. Во многом именно поэтому идея

города-сада была взята за основу рабочей группой архитектора А. В. Линецкого и инженера Д. А. Вернера при разработке проекта перепланировки Омска в 1921 г. Предложенный проект вызвал положительный резонанс в городе с его немощеными улицами и малочисленными зелеными насаждениями [1, с. 91].

Однако вернемся к самому началу зеленого строительства. Первым садом в Омске стал сад, разбитый одновременно с постройкой генералитетского дома архитектором И. И. Шпрингером в 1768 г. В 30-е гг. XIX в. на берегу Иртыша был разбит войсковой сад при училище линейного казачьего войска (будущий Сибирский кадетский корпус). Сад имел регулярную планировку с прямоугольной сеткой аллей. Одним из лучших садов этого времени был госпитальный сад с беседкой. В 1870-е гг. в южной части казачьей площади (около Никольского казачьего собора) был разбит Казачий сад, который с 1-го февраля 1977 года стал официально именоваться Театральным сквером.

В XIX в. до строительства Успенского кафедрального собора на его месте была роцца. После постройки собора рядом с ним был устроен Соборный сад. Впоследствии на этом месте был разбит сад (сквер) пионеров (впоследствии — площадь перед восстановленным Успенским собором). Кроме того, излюбленным местом прогулок жителей дореволюционного Омска была Загородная роцца (в районе современного городка Водников и Старозагородной роцци). Там, на берегу Иртыша, долгое время сохранялся участок березового леса. Площадь размером полтора на один километр была окопана рвом, территорию прорезали прогулочные дорожки, которые сходились к увеселительному павильону, расположившемуся на высоком берегу Иртыша.

Сады были разбиты с обеих сторон генерал-губернаторского дворца (один из корпусов художественного музея имени М. А. Врубеля на площади Ленина). В 1914 году Омская городская дума принимает решение о присвоении саду и прилегавшей к нему Томской улице имени поэта М. Ю. Лермонтова. Впоследствии на данной территории разместился сквер памяти борцов революции.

Небольшой бульвар существовал в устье реки Оми между берегом и валом крепости. Впоследствии на этой территории разместился сквер, называвшийся Молодежным, а позднее — Воскресенским. В 1851 г. между крепостью и Мокринским форштадтом от берега Оми до крутого подъема местности были произведены посадки деревьев, вследствие чего Омск приобрел «Любину роццу», впоследствии ставшую одной из центральных улиц города — улицей

Ленина (Любинским проспектом). Кроме того, зеленые посадки окружали практически все храмы города. Так, кроме казачьего сада у Никольского казачьего собора в середине XIX в. у Воскресенского собора были высажены яблони. Деревья высаживались в частном порядке самими горожанами перед домами. По оценкам неизвестного автора письма (1861 г.), «...как говорят заезжие путешественники, “Омск есть один из самых опрятнейших городов губернии, а насаженные ... перед домами деревья придают городу какой-то особенный характер”» [2, с. 112].

Активно озеленялся Омск и в первое десятилетие XX в. В этот период, например, был засажен бульвар на берегу реки Оми (от Ильинского моста до здания городской думы) и разбит сад, который существовал на месте современного кинотеатра имени Маяковского. В этот период идет активное озеленение в районе бывшего плаца крепости. В 1911 г. при подготовке к проведению Первой Сибирской сельскохозяйственной и торгово-промышленной выставки ее территория (в районе современной улицы Бульварной) была украшена зеленым нарядом, а в оформлении лесного павильона участвовал профессиональный лесовод Н. И. Грибанов.

В 1914 г. были засажены бульвар на берегу Оми, от моста до здания городской думы, и бульвар в районе современного кинотеатра имени Маяковского. В 1915 г. Степным обществом садоводства был распланирован новый сквер у Успенского кафедрального собора, который предполагал свободную планировку в стиле модерн (именно к этому периоду относится постепенный переход в парковом искусстве от классицизма к стилю модерн). Таким образом, уже в дореволюционном Омске существовали рукотворные и окультуренные зеленые массивы. Однако, к 1917 г. на одного жителя Омска приходилось только около одного квадратного метра зеленых насаждений общего пользования [3, с. 390]. При этом мечты о городе-саде не оставляли омичей. В первые же годы советской власти предпринимаются попытки озеленения города. Так, например, 1 мая 1917 г. воспитанники сельскохозяйственного училища посадили аллею деревьев от учебного корпуса (главный корпус Агроуниверситета) вниз до основной дороги (ул. Красный путь).

Большую роль в озеленении Омска в конце XIX — первой трети XX в. (кроме Д. А. Вернера, уже упомянутого нами в связи с разработкой проекта города-сада 1921 г.) сыграл ученый-лесовод В. В. Барышевцев, являвшийся председателем Степного общества садоводства [1, с. 92]. В апреле 1919 г. Д. А. Вернер выступил

в управе с докладом, в котором поддержал Степное общество садоводства в устройстве сада около Братской церкви. Кроме того, были поддержаны идеи об устройстве садов у Ильинской церкви и «по правому берегу Оми между мостами». В этот же период Д. А. Вернером были разработаны проекты реконструкции и озеленения театральной площади и примыкавшей к ней музейной улицы. Таким образом, преобразования Д. А. Вернера подготовили проект, составленный А. В. Линецким [1, с. 93].

В 1920 г. под руководством лесоведа Н. И. Грибанова и профессора В. А. Шингарева был заложен обширный парк Агроуниверситета, площадь которого к настоящему времени составляет около 8 га. Можно упомянуть и факт, что на первом в Омске субботнике 1920 г. рабочие и служащие затона в торжественной обстановке заложили южнее загородной рощи образцовый рабочий поселок-сад, положивший начало застройке городка Водников [4, с. 85]. В этом же году были спланированы и засажены деревьями скверы с южной и северной стороны Драматического театра и разбит сад при военном госпитале. В 1923 г. были высажены ели перед Домом Советов (здание Законодательного собрания Омской области). В 1923 году в сквере, расположенном у здания бывшего генерал-губернаторского дворца, впоследствии — мемориальном сквере памяти борцов революции, устанавливают памятник жертвам белого террора. Кроме того, в 1920-е гг. в рабочем поселке Куломзино (территория современного Кировского административного округа) открывается мемориал в память о погибших в восстании против адмирала Колчака 22 декабря 1918 г.

В 1924 г. на правом берегу Оми на месте бывшего детского сада был открыт сад «Аквариум» [4, с. 86]. В ведение города был передан расположенный в семи километрах от города вверх по Оми совхоз, где выращивали саженцы для озеленения города. Второй питомник был заложен в районе ипподрома. В Ново-Омске был благоустроен плодовый сад. В Ленинске приведен в порядок питомник у крахмально-паточного завода. К 1930 г. площадь зеленых насаждений общего пользования достигла уже 51 га и продолжала расширяться. Основным посадочным материалом тех лет были сибирская яблоня, клен, акация.

В мае 1940 г. на территории новой загородной рощи был открыт Центральный парк культуры и отдыха (современный парк 30-летия ВЛКСМ). Весной следующего года велись работы по созданию городского сада, который предполагалось образовать соединением сада при бывшем губернаторском доме и сквера

у бывшего Казачьего собора. Торжественное открытие сада должно было состояться 22 июня 1941 года, но празднику не суждено было сбыться — началась война.

Озеленение города не прекращалось даже в годы войны. В 1944 г. состоялся конкурс на проект благоустройства площади Дзержинского (напротив здания городской администрации). Призовые места заняли ленинградский архитектор П. М. Розенблюм и омич Е. А. Степанов, дендролог — Г. Г. Шкулов. Аллеи пролегали по ранее сложившимся пешеходным путям. Летом 1949 г. по оси здания городской администрации в центре цветочной клумбы была сооружена двухметровая цветочная ваза, замененная в 1951 г. цветочным шаром, а в 1958 г. — чугунным фонтаном в виде чаши сложного рисунка и бассейна, обнесенного фигурными плитами полированного гранита.

Осенью 1947 г. был разработан проект озеленения города. Омск имел около 2100 га зеленых территорий, но в основном за счет загородных рощ. В самом городе зелень составляла всего 211 га. Большое внимание было уделено развитию частных садов, для чего садоводы обеспечивались подачей воды и саженцами по льготному тарифу. Рассчитывалось окружить город сплошными лесозащитными полосами, включая в эту систему и огромный парк культуры и отдыха на левом берегу Иртыша. Первые гектары лесозащитной полосы были высажены в 1949 г. Мешало отсутствие посадочного материала. Наиболее массовые посадки деревьев были произведены в 1948 г. Напротив здания Управления железной дороги, на месте бывшего товарного двора был развернут сквер имени 30-летия комсомола по проекту архит. В. Д. Дооса и И. Н. Ратько. В 1946 г. участники субботника расчистили длинный участок правого берега Оми, примыкающий к мосту. Территория была засажена деревьями и кустарниками, образовавшими очаровательный сквер (впоследствии именовавшийся Молодежным и далее — Воскресенским). Около 1947–1949 гг. напротив кинотеатра «Художественный» был снесен ветхий деревянный кинотеатр «Гигант» в стиле модерн. В сквере организованы цветники, сквер отделен от ул. Партизанской оградой из бетонных балясин.

1950-е гг. стали временем, когда омичи как никогда ранее поверили в идею города-сада. В 1956 г. по инициативе председателя горисполкома Н. А. Рождественского и начальника отдела зеленого строительства Г. Г. Шкулова была разработана и внедрена схема озеленения. Главной особенностью данной схемы явился принцип взаимосвязанности и непрерывности зеленого наряда города, когда

озелененные улицы переходят в бульвары, которые объединяют скверы и выводят к паркам и набережным Оми и Иртыша. В этот период, например, появился и любимый омичами сквер Врубеля (архитектор Е. А. Степанов) на набережной Оми. В общей сложности система объединила три городских сада и четырнадцать скверов, бульваров и набережных. Летом 1958 г. в Омске состоялось зональное совещание по озеленению городов Урала и Сибири. То, что местом проведения совещания был выбран Омск, — явление не случайное. К этому времени город уже дважды (в 1956 г. и в 1958 г.) удостоивался премии всесоюзной сельскохозяйственной выставки за успехи по озеленению, и именно с этого времени за Омском закрепился образ города-сада, тиражируемый в том числе в произведениях художественного творчества [4, с 111].

Генеральный план 1958 г. предусматривал расширение садово-парковых массивов города. В частности, предполагал обустройство большого зеленого массива «Зелёный остров», где изначально предполагалось, кроме прочего, устройство спортивных площадок и яхт-клуба, что и было реализовано. Предполагалась разбивка парка на месте бывшего казачьего кладбища, расширение сквера на площади Серова, сквера на площади Победы у мясокомбината, а также сооружение Центрального парка культуры и отдыха на левом берегу Иртыша. Проект парка разработан московским «Гиппрокоммунстроем» (архитекторы В. Н. Антонинов и Г. Д. Воронова). В 1957 г. была благоустроена так называемая «Ленинская горка», спланированная еще в 1948 г. (раньше здесь стояла Ильинская церковь). После оформления откосов и устройства широких маршей лестницы в 1957 г. здесь был установлен 4-метровый монумент В. Ленина. В конце 1950-х гг. после реконструкции части набережной и строительства первого в России Дома Художника был заложен будущий сквер имени Врубеля.

В 1953 г. по середине старинной ул. Тарской заложен Первомайский сквер (архитектор Е. Степанов), начинавшийся от Тарских ворот с бронзовым памятником Ленину и Сталину (снесены в конце 1950-х гг.). Постепенно разросшийся сквер с кленами, лиственницами, сиренью со временем стал настоящим украшением центральной части Омска. Плотная стена деревьев ограждает аллеи от транспортных потоков. Западающие линии зелени содержат углубленные места для скамеек. На выходе полосы клумб к улице Ленина в 1957 году был устроен небольшой изящный фонтан. В 2005 году проведена реконструкция Первомайского сквера. Произведена частичная вырубка старых и высадка новых деревьев.

Со второй половины 1950-х гг. начинается активное озеленение пришкольных территорий, территорий перед больницами, поликлиниками и другими общественными зданиями. Так к 1959 г. были озеленены территории 105 школ, 85 лечебных учреждений и 140 организаций [4, с. 113]. Активно озеленяются территории при промышленных предприятиях.

В 1960-е гг. сквер пионеров обогатился бассейном со скульптурой Оленя и ранее — небольшим водоемом «Дети и пингины». От улицы Ленина сад отделял широкий цветочный партер. Напротив сада Пионеров, окружая здание областной администрации, раскинулся небольшой сквер, заложенный еще в 1920-е гг., с памятником Ленину по оси входа (ранее на этом месте стоял памятник Александру III, основателю реформ). До 2005 г. памятник Ленину окружали рослые ели, посаженные еще в 1923 г.

В середине 1960-х гг. был благоустроен «Выставочный сквер» на месте бывшего крепостного плаца, позже здесь были установлены легкие выставочные павильоны для ежегодных цветочных экспозиций. В начале 1960-х гг. благоустраивается территория сквера напротив бывшего генерал-губернаторского дворца (современный корпус музея имени М. А. Врубеля). По оси памятника революции устраивается цепочка цветочных клумб разной формы. В 1966 г. при реконструкции проспекта Маркса за счет целого квартала старинных зданий восточнее сквера увеличена его территория. Сделана подсыпка грунта в северо-западной части. Братские могилы перенесены с окраин Омска. Сквер переименован в мемориал Борцов Революции. 6 ноября 1967 года был зажжен Вечный огонь в память о тех, кто отдал свою жизнь за советскую власть. В сквере были установлены скульптурные портреты видных деятелей революционного движения в Сибири.

Крупный парк культуры был заложен в 1959 г. на левом берегу Иртыша, южнее Ленинградского моста (Рис. 1). Здесь были запланированы кинотеатр, летний театр, поле для состязаний и массовых праздников, стадион и зона тихого отдыха со свободной пейзажной планировкой. Планы были осуществлены лишь частично. Созданный на этом месте в 1975 г. мемориальный Парк Победы внес существенные коррективы в первоначальные замыслы. Авторами проекта комплекса являются скульптор Д. Б. Рябичев, архитектор Н. А. Ковальчук. Чертежи комплекса готовил институт «Омскгражданпроект» (архитектор М. М. Хахаев, инженер И. Ф. Ходженко). По масштабам омский мемориал Победы — один из крупнейших на востоке страны. Зона комплекса составляет 25 га

Рис. 1. Зона с пейзажной планировкой Парка Победы в Омске.

Фото Н. В. Высоцкой

и включает в себя площадь, которая способна вместить до 10 тыс. человек. Начинается мемориал Победы с остановок на автомагистрали. Подземный переход, широкая лестница и тротуар ведут к площади митингов, с которой открывается путь к композиционно-смысловому центру мемориала — четырнадцатиметровой скульптуре Солдата-победителя (Рис. 2). В 1996 году в парке возведена часовня в честь погибших в Великой Отечественной войне (архитекторы Г. Е. Чиркин, Ю. И. Бардычев, А. И. Мичуров, скульптор В. А. Трофимчук), освященная во имя трех святых русских воинов: Георгия Победоносца, Александра Невского и Дмитрия Донского.

22 июня 2003 г. на территории бывшего Казачьего кладбища состоялось торжественное открытие мемориального Сквера памяти и скорби в память об участниках Великой Отечественной войны, умерших от ран в омских госпиталях. Автор концепции создания мемориального Казачьего сквера — атаман Сибирского Линейного казачьего войска В. Морозов. Автор проекта реконструкции, благоустройства и озеленения — омский архитектор В. А. Баранов. Вся

*Рис. 2. Скульптура Солдата-победителя
в мемориальном комплексе «Парк Победы»
в Омске. Фото Н. В. Высоцкой*

проектная документация разработана совместно с проектным институтом «Горстройпроект». В основе архитектурного решения сквера лежит принцип восстановления исторической планировки аллей по архивным материалам. В его центре, на пересечении главных аллей, расположена церковь Всех Святых с храмовой площадью. В восточной части сквера, на главной аллее, размещаются мемориальная зона и памятный знак воинам Великой Отечественной войны, представляющий собой гранитный камень на постаменте с пятиконечной звездой и факелом для Вечного огня. На пересечении улиц Куйбышева и Красных Зорь размещен памятный знак — ротонда с куполом и крестом, в память обо всех захороненных в различное время на территории Казачьего кладбища.

Бульвар Победы расположился напротив цирка. В канун 40-летия Победы в 1985 г. на бульваре был открыт монумент Славы героев (скульпторы Л. И. Семенов, С. А. Голованцев, архитекторы В. А. Шевченко, Ю. Ф. Зайченко). В начале 1980-х реконструиру-

ется сквер, расположенный на правом берегу в устье Оми. В центре сквера в октябре 1980 г. в присутствии делегации из Венгрии был открыт памятник венгерскому революционеру-интернационалисту Карою Лигети, выполненный при участии художника В. А. Десятова скульптором Ф. Д. Бугаенко. В 2001 году памятник перенесен на территорию сада Юннатов, а сквер получил наименование Воскресенский. В 2001 году в сквере была произведена частичная вырубка деревьев и оформление цветочных клумб.

В 1980-е гг. на правом берегу Иртыша на Зелёном острове создается Парк культуры и водного спорта «Зелёный остров» (архитекторы Г. Чиркин, Л. Маслова, Г. Проскурина, 1985 г.). Решение о строительстве данного комплекса было принято в июле 1981 г. Строительство велось методом народной стройки при активном участии коллективов промышленных предприятий и организаций города. Комплекс был торжественно открыт 10 августа 1985 г. В 1996 г. в сквере пионеров был установлен цветомузыкальный фонтан, демонтированный в связи с решением о восстановлении Успенского кафедрального собора. 7 августа 1999 г. в Ленинском округе на перекрестке улиц Стальского и Труда был открыт сквер Юбилейный. В сквере высажены деревья и цветы и установлен своеобразный монумент — символ Ленинского округа — колесная пара, к которой прикован речной якорь. Эта композиция символизирует две основные отрасли (железнодорожный и речной транспорт), давшие жизнь округу.

В целях сохранения на территории Омска уникального естественно созданного природного комплекса в 1994 году постановлением Губернатора Омской области организован природный парк «Птичья гавань», в результате памятник природы областного значения приобрел статус природного парка регионального значения (Рис. 3). Обустройство Птичьей гавани осуществляется за счет средств бюджета Омской области с привлечением ресурсов федерального финансирования. Общая площадь природного парка вместе с озерами и водоемами составляет около 113 га. На природоохранной территории за последние 25 лет зарегистрировано 155 видов птиц, более половины из которых гнездятся и выводят там птенцов. На территории природного парка в конце XX — начале XXI веков встречалось 17 видов млекопитающих. Птичья гавань представляет собой территорию, ограниченную с востока, юга и запада насыпями автомобильных дорог, ведущих от автомагистрали через Ленинградский мост в поселки Рыбачий и Овчинно-меховой фабрики, а с севера — земляной дамбой, отделяющей от них Замарайку.

*Рис. 3. Природный парк «Птичья Гавань» в Омске.
Фото Н. В. Высоцкой*

Вся эта местность представляет собой чашеобразное понижение рельефа в направлении к Иртышу. Ранее на месте парка было русло Иртыша, но позднее река изменила русло. Старое русло отделилось от нового песчаными наносами и на его месте, благодаря сохранившимся родникам в старице, осталась длинная замкнутая протока — речка Замарайка. Названа так она была из-за застойной воды и скапливающихся гниющих остатков водных растений. В период строительства Ленинградского моста в 1956–1959 годах на берегу речки Замарайки был вырыт котлован. При строительстве дамбы речка оказалась перегорожена и заполнила котлован. Постепенно водоемы приобрели растительность и были населены различными животными и птицами. Зеленый наряд представлен лесопосадками из акации, ольхи, березы, черного тополя, клена, осины, ивы, боярышника. Всего в «Птичьей гавани» 214 видов растений. На сегодняшний день можно отметить, что территория природного парка заметно облагорожена. Кроме того, проведены необходимые мероприятия для поддержания природно-экологического баланса

территории (в частности — дноуглубительные работы, формирование обводного канала, ограждающего заповедную зону и др.). По замыслу устроителей в парке выделено несколько зон: заповедная природоохранная зона «абсолютного покоя» (закрыта от посещения и предназначена для гнездования птиц); зона познавательного туризма и экскурсий (предназначена для экологического просвещения и ознакомления с фауной и флорой водоемов); буферная зона (зона с экологической тропой с обзорными пунктами) и рекреационная зона (зона спортивного отдыха населения).

Если в середине 1950-х гг. в Омске было 435 га зеленых насаждений общего пользования, то в 1962 г. — уже 817,8; в 1974 г. — 856,7 га; 1984 г. — 1101,9 га; 1990 г. — 1238,5. К 1998 г. — 1330,7 га [3, с. 391]. Если в 1917 г. на одного жителя города приходилось 0,1 м зеленых насаждений, то сегодня в среднем на каждого омича приходится 12,3 м [3, с. 395].

Таким образом, стараниями омичей степной город действительно «оделся» зеленым нарядом. Стоит отметить, что кроме традиционных для Омска сибирской яблони, кленов, тополей и сирени, в этот период активно начинают высаживаться пирамидальные тополя. Дополнительно в посадках стали использовать ель, лиственницу, сосну, пихту.

К наиболее крупным по площади зеленым массивам современного Омска можно отнести: парк Победы — 213 га; парк 30-летия ВЛКСМ — 93 га; парк Советского округа — 46 га; парк Агроуниверситета — 39,5 га; культурно-спортивный комплекс «Зелёный остров» — 36 га. В Омске создано восемь парков, 10 садов, множество скверов и бульваров. Согласно перспективному плану озеленения в 1993 году начато строительство еще двух парков на левом берегу Иртыша — «Молодежного» по улице Дианова и «Детского».

Опросы общественного мнения неоднократно подтверждают значимость зеленой составляющей для формирования позитивного восприятия горожанами среды своего обитания. Кроме того, ученые-экологи рекомендуют создавать в городах «экологические каркасы», т. е. такую своеобразную непрерывную сеть зеленых зон, в которую будут входить и озелененные улицы, и любые озелененные территории общественных зданий, и более крупные ландшафтные образования — скверы и парки. А чтобы этот зеленый каркас был устойчивым, способным к самовосстановлению, просто необходимо, чтобы он соединялся с «дикой» природой. Такое положение может стать прочным «фундаментом» для полноценной и устой-

чивой жизни городских ландшафтных объектов. Это обусловлено и необходимостью распространения семян, и миграциями животных, птиц и насекомых, чью жизнь не всегда видно горожанину, но которая является неотъемлемым элементом экологической цепочки. Примером нарушения такой цепочки могут являться новые города-наукограды, которые возникали во времена Советского Союза, как правило, в лесных природных зонах. Как Академгородок в Новосибирске. И хотя в городе были оставлены небольшие сосновые рощицы, они были разрозненными и оторванными от «дикого» леса, что не позволило многим из них выжить. На XXI Всемирном Конгрессе Международного Союза Архитекторов в Берлине, темой которого была «ресурсная архитектура», были сформулированы новые направления современной архитектурной культуры. Одно из них — «Форма отсутствия (TERRAINVAGOE): сохранение в структуре города “пустынных мест”, природных, охраняемых ландшафтов».

К началу XXI века в Омске, как и в большинстве российских городов, мы имеем ландшафтные решения, которые принимались и осуществлялись в 1950-е — 1960-е гг., когда страна восстанавливалась и приходила в себя после войны. Естественно, что для такого массового озеленения выбирались породы дешевые, быстрорастущие и, к сожалению, недолговечные. Тополь, вяз, ива были очень распространены. Кроме недолговечности, все они дают неконтролируемую поросль. Часто в озеленении встречаются и инвазивные виды, такие, как клен американский. По этим причинам наши города не имели должного ландшафтного вида, а имели хаотично озелененные улицы, непроходимые заросли в некоторых парках и скверах. Часто эти отжившие свой физический срок деревья представляли угрозу для жизни и здоровья граждан. Результатом такой ситуации стало то, что с конца XX века практически повсеместно стала проводиться замена старых деревьев на более долговечные и более декоративные породы, которые не создают проблем с порослью и самосевом. Это: липа, дуб, клен остролистный, ива шаровидная, тополь пирамидальный, яблоня декоративная; хвойные — ель колючая, кедр, сосна, и даже экзотические виды — орех маньчжурский и бархат амурский. А также появился большой ассортимент декоративных кустарников: разные виды спирей, пузыреплодников, боярышников, розы морщинистой, сирени обыкновенной и сирени венгерской, калины «буль де неж» (Рис. 4), гортензии метельчатой (Рис. 5). Такое разнообразие делает ландшафт более насыщенным, привлекательным и художественно выразительным.

*Рис. 4. Калина «Буль де неж» в сквере Борцов Революции Омска.
Фото Н. В. Высоцкой*

*Рис. 5. Гортензия метельчатая у Ельцин-центра в Екатеринбурге.
Фото Н. В. Высоцкой*

С большим выбором посадочного материала появилась возможность озеленять города местными породами, делать ландшафт более узнаваемым, идентифицирующим определенное место. Как характерны улицы Сочи с пальмами и магнолиями, так и в городах центральной России, Урала, Западной и Восточной Сибири могут быть свои зеленые «маркеры». И они появляются на протяжении последних десятилетий. Это липовые аллеи на улицах и бульварах Москвы; прекрасные топиарные формы из той же липы в Санкт-Петербурге (Рис. 6). В Екатеринбурге к липам добавляются шаровидной формы краснолистные яблони и шаровидные кусты сирени венгерской. Приятно, когда от посещения города остается еще и определенное ландшафтное впечатление, которое помогает воспринимать город целостно, наряду с архитектурными памятниками, создавая запоминающийся образ. В Омске идентификаторами являются ива шаровидная (Рис. 7) и тополь пирамидальный (Рис. 8). Эти деревья — культурная достопримечательность города; выведены известным

*Рис. 6. Топиарные формы липы в Санкт-Петербурге.
Фото Н. В. Высоцкой*

омским ученым-селекционером Генрихом Гензе. И теперь можно увидеть эти деревья и в аллеиной посадке в историческом центре города, и в омских скверах.

На начало 1990-х гг. большинство скверов и бульваров Омска были озеленены деревьями неценных пород, уровень благоустройства был представлен асфальтовыми дорожками, скамейками и наличием освещения. Парки районного и городского значения, так называемые Парки Культуры и Отдыха, имели, конечно, большее наполнение, но оно было одинаковым на территории всей страны: аттракционы для детей и взрослых, спортивные площадки, открытая сцена и, опять же, асфальтовые дорожки со скамейками.

Серьезные изменения начали происходить в сфере озеленения в 1990-е гг. Именно в этот период само понятие «ландшафтный дизайн» прочно вошло в обиход как в среде профессионалов, так и управленцев и обычных горожан. Seriously выросли запросы общества к визуальным характеристикам и уровню благоустройства общественных территорий.

Рис. 7. Ива шаровидная (ива Гензе)
в театральном сквере Омска.
Фото Н. В. Высоцкой

Рис. 8. Тополь пирамидальный
(тополь Гензе) в дендропарке.
Фото Н. В. Высоцкой

Современные горожане хотят иметь возможность в парках и скверах реализовать различные виды активного и культурно-познавательного досуга; видеть красивый, качественный дизайн, который бы соответствовал и климату, и ландшафту, и менталитету людей, живущих в определенном месте.

Мы согласны с О. Б. Сокольской, по мнению которой объекты садово-паркового искусства должны рассматриваться в комплексе с историко-культурным наследием и природными ресурсами территории [5, с. 5]. В связи с этим важно отметить, что специализация садов и парков, как правило, определяется сложившейся культурно-исторической средой городов и их общественных центров [6, с. 133–136].

Современные исследователи склоняются к мнению о том, что в приоритете должно быть использование различных по своей специфике ландшафтных объектов. Необходимо создавать городские парки с различной функциональной специализацией, что должно способствовать повышению уровня и качества городской среды и рекреационных ресурсов территории [7, с. 64]. При учете рекреационной избирательности горожан появляется возможность создания

оптимальных условий для отдыха горожан при наличии крупных в административно-хозяйственном плане единиц.

Примером такого комплекса может служить центральный парковый комплекс Москвы. Он включает в себя ЦПКиО имени Горького, Нескучный сад, спортивный комплекс «Лужники», МГУ имени Ломоносова, Новодевичий монастырь, каждый из этих объектов имеет свою «специализацию». Парк Горького имеет зрелищно-развлекательную функцию; Нескучный сад — тихий, прогулочный; «Лужники» и парк при МГУ имени Ломоносова реализуют спортивно-оздоровительную функцию; а Ботанический сад университета — познавательная, тематическая зона ландшафтно-прогулочного парка Воробьёвы горы, заканчивающегося у Новодевичьего монастыря.

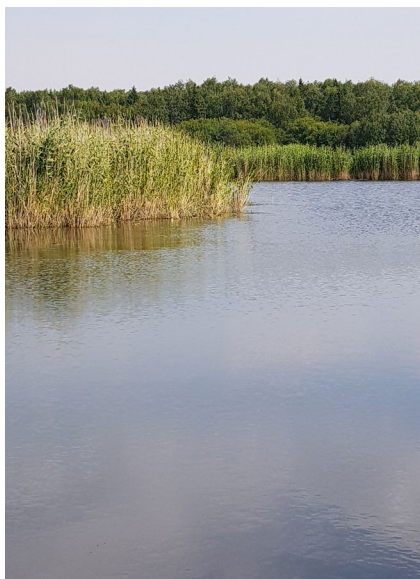
В других крупных российских городах прослеживается такая же тенденция, но не до конца сформировавшаяся, скорее, по экономическим причинам. В Омске примером может служить сложившийся парковый комплекс «Парк Победы», который включает зону дикой природы с протоками и озерами, мемориальный парк Победы с монументально-декоративным комплексом, Птичью гавань с культурно-познавательной туристической тропой (Рис. 9) и охраняемыми территориями гнездования птиц (Рис. 10). Непосредственно к «Парку Победы» примыкают территории оздоровительного санатория, территория школы спортивной гребли и территория развлекательного комплекса «Пиратский остров». Парковые зоны нуждаются в реконструкции, и при определенном благоприятном стечении обстоятельств могли бы значительно расширить влияние этого паркового комплекса на жизнь и досуг жителей города и области.

Еще одним крупным парковым комплексом, нуждающимся в обновлении и реконструкции, является парк «Зелёный остров» и через магистраль примыкающий к нему дендросад имени Г. Гензе, парк у Дворца Творчества, природная территория гостиницы «Иртыш» и парк Аграрного Университета имени Столыпина.

В 2020 г. началась долгожданная реконструкция «Зелёного острова», в своей ландшафтной части превратившегося в непроходимые заросли из-за порослей клена американского и тополя бальзамического. Согласно утвержденному проекту предполагается расчистка парковой зоны от зарослей. Парк приобретет ясную инфраструктуру, дорожки для пешеходов и велосипедистов, набережную залива. В парке будут высажены ценные породы деревьев и кустарников. Реконструкция будет осуществляться этапами и продолжится не один год. Также будет оборудована пляжная зона,

*Рис. 9. Туристическая тропа
в Птичьей Гавани Омска.
Фото Н. В. Высоцкой*

*Рис. 10. Охранная территория
в Птичьей Гавани Омска.
Фото Н. В. Высоцкой*

а залив с яхтами будет доминантой этого спортивно-оздоровительного парка на берегу. Дендросад имени Гензе является объектом тихого познавательного отдыха в своей дендрологической, устроенной половине. Хочется верить, что существующая сегодня борьба горожан за вторую половину сада, которая имеет пока «дикий», природный вид, увенчается успехом, и город будет иметь большую территорию дендросада, которая будет включать в себя и «верхнее» озеро с утками, и «нижнее» — с ондатрами, и еще больший ассортимент деревьев, кустарников и травянистых (Рис. 11).

Именно такой видят судьбу дендросада омичи, несмотря на попытки администрации города приспособить ее к бизнесу. Парк Дворца Творчества и прилегающая к нему территория гостиницы имеют природный вид и включают в себя кусочки реликтового соснового бора, березовую и дубовую рощи. Хочется, чтобы и дальше эти территории оставались природными, чтобы благоустройство их было минимальным (места отдыха, освещение); а вот санитарная чистка — уборка старых, мертвых деревьев, веток — осуществлялась регулярно.

Рис. 11. Верхнее озеро в «дикой» части Дендропарка им. Г. Гензе, Омск. Фото Н. В. Высоцкой

Рис. 12. Территория Аграрного Университета в Омске. Фото Н. В. Высоцкой

Парковая зона Аграрного университета с красивыми старыми деревьями, озером, оранжереей, оригинальными скульптурными композициями (Рис. 12) тоже нуждается в реконструкции и благоустройстве. Даже в своем современном неблагоустроенном состоянии он пользуется успехом, так как территория его — немаленькая (39 га). Хотелось бы, чтобы шире была представлена его культурно-познавательная функция. Чтобы был широко представлен весь ассортимент плодовых и декоративных деревьев и кустарников, выращиваемых в регионе. Чтобы не только оранжерея, но и учебные делянки с плодовоовощными и злаковыми культурами тоже, хотя бы иногда, попадали в экскурсионные маршруты.

Отдельно нужно сказать о включении разнообразного ассортимента травянистых в парки и скверы нашего города. Пока он чрезвычайно скуден. В основном, это — газоны из дикорастущих сорных трав, клумбы и рабатки из летников (бархатцы и петуния, как правило). Между тем, с 1980-х гг. прошлого века города Америки и Европы наряду с традиционными однолетниками все шире используют многолетники, в том числе дикорастущие. В России же использование

таких растений до сих пор не получило должного распространения. Только в последнее десятилетие можно увидеть многолетние растения, в том числе природные виды, в городском озеленении Москвы, Екатеринбурга и других городов. Опыт высадки многолетних цветов и растений есть и в Омске. Кроме того, природные виды в парках и скверах проявляются в виде больших по площади миксбордеров, которые всегда присутствовали в английских парках, а с конца XX в. распространились по всей Европе. В Омске только недавно расширился ассортимент деревьев и кустарников в скверах. В больших парках этот процесс только начинается. Появления больших миксбордеров, рабаток из многолетников-дикоросов, наверное, придется еще подождать, хотя в ландшафтных студенческих проектах они появляются регулярно.

Список литературы

1. *Спирина И. В.* Из истории «Омск — город-сад» (по материалам ГАОО) // Сибирский сад — территория мечты : Сборник материалов научно-художественного проекта. — Омск — Новокузнецк, 2002 / науч. ред. В. Г. Рыженко ; ред. Г. Ю. Мысливцева. — Омск : Издательство ОГИК музея, 2004. — С. 91–94.
2. Цит. по: *Миненко Н. А., Федоров С. В.* Омск в панораме веков. — Омск : Омскпромстройбанк, 1999. — 352 с.
3. Земля, на которой мы живем. Природа и природопользование Омского Прииртышья / отв. ред. В. Р. Плюхин ; науч. ред. Ф. И. Новиков. — 2-е изд. — Омск : Манифест, 2006. — 575 с.
4. *Кочедамов В. И., Горелова Ю. Р.* Омск. Как рос и строился город / отв. ред. : В. И. Селюк, С. Ю. Первых. — Омск : Издательский дом «Наука», 2014. — 251 с.
5. *Сокольская О. Б.* Теоретическое и экспериментальное обоснование восстановления объектов садово-паркового наследия на Приволжской возвышенности : автореф. дис. ... д-ра сельскохозяйств. наук. — Волгоград, 2013. — 46 с.
6. *Sokolskaya O. B.* The Basic Methods of Historical Landscape Park Formation in Privolzhskaya Vosvishennost / eds : M. Ignatieva and G. Stewart // Historical Landscapes in the Modern. — St. Petersburg State Polytechnic University, Publishing house of Polytechnic University, St. Petersburg, 2009. — P. 133–136.
7. *Теодоронский В. С., Леонова Н. И.* О развитии озелененных пространств г. Смоленск // Вестник ландшафтной архитектуры. — 2019. — № 17. — С. 58–65.

О. В. Петренко

**Динамика культурного ландшафта
постсоветской Тюмени (2000–2020):
познавательный потенциал исследования**

Аннотация. В статье подчеркивается социокультурная и научная актуальность изучения постсоветской истории сибирских городов. На примере Тюмени 2000–2020 гг., за двадцать лет прошедшей путь от «столицы деревень» к городу с современной экономической, социальной, культурной инфраструктурой, оцениваются теоретические и практические возможности изучения постсоветского города. Раскрывается познавательный потенциал междисциплинарного подхода и термина «культурный ландшафт», предлагается возможная методика исторического исследования.

Ключевые слова: городская история России; культурный ландшафт города; постсоветская Тюмень; динамика; потенциал; историография; источники; методика исследования.

Российский город XXI в. развивается в контексте отечественной политической и экономической конъюнктуры, формирующегося информационного общества, а также мировых процессов глобализации и глокализации. Современный, постсоветский этап урбанизации в нашей стране характеризуется стремлением городского сообщества совершенствоваться и добиваться роста показателей в различных сферах — экономике, материальной и социокультурной инфраструктуре, информационном пространстве и технологиях — стремлением включиться в мировую практику и одновременно выявить, сформировать и сохранить городскую идентичность, уникальность, бренд. Особенно четко эти тенденции и отсутствие отдельных их составляющих прослеживаются в городах российских регионов, имеющих историческую, социокультурную и экономическую специфику, в частности в Сибири. Еще одним противоречивым явлением становится высокая доля миграции населения из отдельных провинциальных, в нашем случае сибирских, городов в центральные и южные. Причины этого процесса обнаруживаются в неудовлетворенности горожан уровнем жизни, материальной и социокультурной инфраструктурой, в утрате патриотических чувств и т. д. В то же время в Сибирском регионе выделяются города, обладающие высокой экономической

и социальной привлекательностью для населения. Ярким представителем таких городов является Тюмень. Как мы уже отмечали ранее [1, с. 23], в 2018 и 2019 гг., согласно исследованию Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ по проекту «Индекс качества городской среды», она получила характеристику «город с благоприятной городской средой» [2, 3]. Отметим, что городская среда оценивалась в этом проекте по следующим маркерам: шесть пространств (жилье и прилегающие пространства, улично-дорожная сеть, озелененные пространства, общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства, социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства, общегородское пространство), шесть критериев (безопасность, комфортность, экологичность, идентичность и разнообразие, современность, эффективность управления), тридцать шесть индикаторов выделялись в соответствии со спецификой конкретного места, при этом одним из ключевых индикаторов становится культурно-историческое наследие и его сохранение [3]. Интересно, что эти маркеры отражают существенную часть характеристик культурного ландшафта города, которые выделяются в своих исследованиях географ, автор информационно-аксиологического культурно-ландшафтного подхода Ю. А. Веденин [4, с. 187–206; 5] и историк, городовед Д. А. Алисов [6, с. 11; 7]. Отмеченное акцентирует внимание на научной актуальности темы.

Сошлемся на мнение известного историка, источниковеда, историографа и библиографа И. Л. Беленького: «Целостность города как сложнейшего феномена исторического, культурного, социально-экономического, политического бытия в XX столетии, в эпоху все возрастающей урбанизации, с особой отчетливостью обусловила полидисциплинарность и многоаспектность его изучения и постижения в исторической науке, других социальных науках, культурологии, теории и истории архитектуры и градостроительства, социальной и экономической географии, в различных областях проектного знания» [8, с. 82]. Эта характеристика с небольшими корректировками принадлежит и XXI столетию, когда на смену полидисциплинарности приходит междисциплинарность, многоаспектность изучения усложняется такими особенностями объекта, как многослойность, многомерность. Проблемы российских городов, их истории и современности неизменно вызывают исследовательский интерес и научные дискуссии. Город становится объектом внимания и обсуждения на различных международных,

всероссийских, региональных отраслевых и междисциплинарных научных форумах по урбанистике и городской проблематике, объединяющих как практиков, специалистов городского планирования и развития (управленцев, архитекторов, строителей, ландшафтных дизайнеров, бизнесменов, представителей туристической отрасли и т. д.), так и изучающих город ученых (архитекторов, гуманитарных географов, экономистов, социологов, философов, культурологов, культурных антропологов, историков). Под влиянием фиксируемых в мировой гуманитарной практике познавательных поворотов в отечественной исторической науке развиваются новые исследовательские направления в изучении истории и культуры городов, ориентированные на поиск и применение новых познавательных средств, расширение предметных полей — историческая урбанистика (урбан-история рассматривает город как социально-экономический феномен) [9, 10] и городская история (и/или городоведение, с приоритетом социокультурной специфики и созидательной деятельности человека, сообщества) [11].

Несмотря на отмеченную актуальность и интерес исследователей к современной городской проблематике [12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19], сохраняется слабая изученность постсоветской (современной) истории сибирских городов, Тюмени в частности. Этот период представлен в энциклопедиях (городских, областных, региональных, универсальных), в статьях социологов, журналистов, архитекторов и искусствоведов, рассматривающих отдельные фрагменты «современности» городов. Историки, как правило, обращаются к ретроспективе, к дореволюционной, советской и первых постсоветских лет. В то же время хронологические рамки постсоветского периода, а также новые познавательные инструменты и проблемные поля, имеющиеся в распоряжении исследователя, позволяют обратиться к его изучению, выявлению разрывов и преемственности с советским прошлым. Учитывая открывшиеся познавательные возможности и перспективы, этот вызов приняли омские историки-городоведы.

Исследовательской группой исторического факультета Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского во главе с В. Г. Рыженко изучается динамика трансформаций культурного пространства, наблюдающаяся в крупных и малых городах и поселениях Западной Сибири «в условиях исторических переходов и смены общественного устройства, идеологических, социокультурных установок, политики памяти и коммеморативных практик формирования образов и символов прошлого» (РФФИ, проект № 18-09-00329) [20]. Историки применяют междисциплинарную

исследовательскую модель, соединяющую концепции структурирования поселенческих локальных культурных пространств в виде «loci-совокупностей» (д-ра филос. наук А. В. Дахина), две теоретико-методологические опоры: «Культурно-цивилизационный ландшафт — опорная матрица образа города» и матрицы трехуровневой иерархии Фигур памяти (д-ра ист. наук В. Г. Рыженко) [13, с. 54; 21, с. 159; 22, с. 45]. Территориальные рамки проекта ограничены крупными и малыми городами Западной Сибири (Новосибирском, Омском, Ишимом, Тарой, Тюкалинском, Куйбышевым/Каинском), находящимися в зоне влияния Московско-Сибирского тракта и Транссибирской железнодорожной магистрали.

С 2016 г. научным коллективом Сибирского филиала Института Наследия (Омск) под руководством известного специалиста по истории и культуре городов Сибири Д. А. Алисова осуществляется научный проект по изучению культурного ландшафта Сибирских городов (Томска, Тюмени, Омска, Новосибирска) в исторической ретроспективе, с учетом преемственности и разрывов прошлого и настоящего. В 2016–2018 гг. разрабатывалась научная тема «Культурные ландшафты городов Сибири: аксиология, история, практики», в 2018–2020 гг. — «Культурный ландшафт постсоветского города: особенности формирования и трансформации». Учеными достигнуты существенные результаты практического и теоретического плана. Д. А. Алисовым разработана междисциплинарная концепция культурного ландшафта города, исторический предмет изучался коллективом с опорой на исторические, культурологические, социологические познавательные инструменты, теоретические возможности гуманитарной географии, классического и информационно-аксиологического подходов культурного ландшафта, а также образа города. Ключевые идеи и результаты работы апробированы в 2-х сборниках научных трудов [14, 15] и 2-х монографиях [23, 24], на всероссийских научных форумах, которые были организованы и проведены учеными Сибирского филиала Института Наследия 30 сентября и 1 октября 2020 г. в Омске, по итогам работы которых были изданы сборники материалов [25, 26]. С 2018 г. автор данной статьи как старший научный сотрудник Сибирского филиала Института Наследия и отмеченного исследовательского коллектива изучает культурный ландшафт постсоветской Тюмени 2000–2020 гг. На первом и втором этапах изучались теория и историография проблемы, информационный слой и отдельные элементы такого ландшафта [27, 28], сложившийся на данный момент и формирующийся источниковый комплекс. Разработка и апробация

модели исследования — это третий этап, и последний — применение на практике и презентация полученных результатов. В данной статье представим возможности изучения культурного ландшафта Тюмени 2000–2020 гг., преемника советского культурного ландшафта, динамично меняющегося/развивающегося в контексте современных экономических, информационных, социокультурных вызовов и социального заказа. За первое двадцатилетие нового века «столица деревень» превратилась в город с современной экономической, социальной, культурной инфраструктурой

Культурный ландшафт постсоветской Тюмени: историография, источники, методология исследования

Традиционный историографический обзор интересующей нас проблемы предлагаем структурировать по следующим разделам. Особенности изучения городов российскими историками 1990–2020 гг. с точки зрения методологической и проблемной актуальности для нашего исследования. Теоретический и практический опыт изучения города с применением познавательных инструментов концепта и подхода культурный ландшафт. Информационный слой культурного ландшафта Тюмени, раскрывающий его основные маркеры.

Отечественная историография изучения истории и культуры российского города довольно представительна, отдельные ее аспекты отражены в традиционных разделах имеющихся на данный момент текстов «городских исследований» (так называемая проблемная историография), в обобщающих теоретический и практический опыт учебных пособиях [29, 30, 32]. Сегодня назрела необходимость ее специального исследования и монографической презентации. Первые шаги к библиографическому и историографическому осмыслению российского и регионального исследовательского опыта (в том числе интересующей нас сибирской линии) сделаны еще в советское время [33], продолжают в постсоветское [11, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42]. Важными представляются работы, анализирующие зарубежный опыт [43, 44] и включающие отечественные поиски в мировую практику [45, с. 268–269; 46; 10; 47].

Историю изучения российского города условно делят в соответствии с периодизацией исторической науки на дореволюционную (конец XVIII в. — начало XX в.), советскую (1930-е — кон. 1980-х гг.)

и постсоветскую (с 1990-х гг.). Нас будет интересовать постсоветская историография. Отметим специфику отмеченного периода.

Сегодня общим местом и рамочным словосочетанием, не требующим дополнительных комментариев, становится упоминание о том, что российская гуманитарная наука в 1990-е гг. находится под влиянием познавательных поворотов. Впервые на этот феномен обратили внимание специалисты по всеобщей истории, историографы и методологи — А. Л. Стрещицкая, Л. П. Репина, В. В. Зверева и др. Понятие «познавательный поворот» используется в современном мировом социогуманитарном знании для характеристики определенного сдвига в теории и практике познания, определявшего выбор приоритетного подхода и нового ракурса предмета изучения, установления взаимоотношений с другими дисциплинами, качественном изменении способов получения и представления научного результата. В западной академической литературе отмечается несколько значимых «познавательных поворотов», в их числе: социоисторический (1950–1970-х гг.); антропологический (1950–1970-х гг.), культурный (1970–1990-х гг.); лингвистический и нарратологический (1960–1990-х гг.); когнитивный и новый исторический (1970–1990-х гг.), визуальный (1980–1990-х гг.), пространственный и др.

Социоисторический познавательный поворот поставил под вопрос традиционные приемы исторического познания и исторического описания, актуализировал новое профессиональное сознание и новый образ исторической науки как дисциплины аналитической, проблемной, открытой для междисциплинарных практик. Антропологический и культурный повороты обратили внимание историков на социально и культурно детерминированного человека во времени и пространстве, активного субъекта культуры, преобразующего мир творческой деятельностью. Прагматический поворот связан «с поисками синтетической исследовательской модели, построенной на принципе дополнительности макро- и микроанализа, объяснения и понимания, переориентирует исследовательский интерес историка с изучения структур на изучение деятельности, включающей “механизмы” индивидуального выбора в социальных практиках повседневности» [48, с. 378]. Пространственный поворот обусловил обращение к познавательным инструментам культурной и гуманитарной географии, изучением проблем пейзажа, ландшафта, социокультурного пространства и т. д.

Обращаясь к осмыслению феномена восприятия советскими историками фиксируемых в 1950–1970-х гг. в зарубежной практике

социо-исторического и культурно-антропологического поворотов [49, 50], мы пришли к следующим выводам. В 1960-х гг., в условиях либерализации общественно-политической жизни, последовавшей за смертью И. В. Сталина, и в атмосфере хрущевской оттепели (Л. А. Сидорова), постепенно происходила либерализация исторической науки. В это время осуществляется пересмотр догматических положений марксистско-ленинского наследия, историки получают доступ в архивы, переосмысливают труды русских ученых рубежа XIX–XX вв., устанавливаются более гибкие коммуникации с зарубежной наукой посредством переводов и публикации научных трудов известных западных гуманитариев, а также научных обменов и поездок для работы с источниками, участия в международных конгрессах историков. Благодаря интеллектуальным усилиям «одинок» — источниковедов и методологов, «неофициальных медиевистов», «историков культуры» и культурологов, продолжается поиск новых познавательных возможностей для исторических исследований. Рефлексия историков, философов, литературоведов над феноменом «культуры» свидетельствовала о становлении нового гуманитарного мышления — «мышления в рамках логики культуры» (В. С. Библер). Оно стимулировалось в том числе идеями тартуско-московской семиотической школы лингвистов и литературоведов, в трудах которых отчетливо проявляется «новое понимание культуры» (Ю. М. Лотман, Е. Б. Егоров, М. Л. Гаспаров, Б. А. Успенский, В. Н. Топоров, В. В. Иванов), а также работами специалистов зарубежной древней и средневековой истории из ИВИ АН СССР и ИМЛИ АН СССР (А. Я. Гуревич, М. А. Барг, С. С. Аверинцев, Л. М. Баткин, А. П. Каждан, Г. С. Кнабе) и специалистов по изучению истории России (Н. Я. Эйдельман).

В таком интеллектуальном контексте на рубеже 1960–1970-х гг. складывается новое научное направление, обозначившее себя как «культурология». Этим термином, по свидетельству Л. М. Баткина, в 1970–1980-е гг., «схватывалось надцеховое методологическое единство тех, кто не ограничивается специальными задачами многообразных отсеков гуманитарных исследований», так «историки, философы, филологи, искусствоведы, лингвисты, психологи, социологи и т. п. устремились в общий смысловой мир <...>, в культуру» [51, с. 16]. Омский историк и культуролог А. В. Свешников выделяет характерные для нового междисциплинарного подхода черты: перемещение культуры с периферии в центр внимания; осознание необходимости понять человека иной эпохи/культуры (как интеллектуалов, так и простых людей); стремление увидеть в историчес-

ком персонаже «живого человека» со своими чувствами, страстями и эмоциями, порой неосознанными; установка на изучение культурного бессознательного (близкого зарубежной «ментальности») [52, с. 603]. Таким образом в отечественной исторической науке был запущен «механизм» культурно-антропологического поворота, действовавший пока неявно, вызревая в неформальных междисциплинарных сообществах, его основные идеи витали в воздухе, транслировались в научных исследованиях и реферативных сборниках, в ходе общения между единомышленниками, в научных дискуссиях. Новые веяния из мировой гуманитарной науки с середины 1960-х и в начале 1980-х гг. стали проникать в мышление, сознание советских исследователей, а в конце 1980-х гг. — активно привноситься и/или творчески осваиваться. Одновременно создается и укрепляется коммуникативное пространство, в котором эта проблема обсуждается и развивается. Так, в конце XX — на рубеже XXI вв. наблюдается процесс институализации новых подходов по изучению «Человека в истории», близких к истории ментальности (культурное бессознательное у А. Я. Гуревич) и микроистории (казус у Ю. Л. Бессмертного). Созданы научные центры при Институте всеобщей истории РАН, издавались научные альманахи «Одиссей. Человек в истории», «Казус» и др. Это определило бум культурно-антропологически ориентированных междисциплинарных исследований, в том числе по городской проблематике.

Вторым интеллектуальным трендом становится методология и методика «новой исторической науки» (М. Блок и др.) с междисциплинарным подходом и приоритетными направлениями: социальной историей, исторической демографией, исторической антропологией.

Отметим еще одну линию, повлиявшую на городоведческие исследования, — актуализация в исследовательской среде и институализация «истории культуры». Так, еще в конце 1950-х гг. был образован сектор Истории советской культуры при Институте истории АН СССР под руководством М. П. Кима, в конце 1960-х гг. в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР появляется сектор культурного строительства (в дальнейшем формируется группа историков социокультурных исследований во главе с В. Л. Соскиным), наконец, при Министерстве культуры РСФСР организован научно-исследовательский Институт культуры [53]. Изучение культуры активизировалось также в высших учебных заведениях. Так в 1961 г. в структуре исторического факультета МГУ был создан кабинет

истории русской культуры, а в 1971 г. он преобразован в лабораторию (во главе с А. М. Сахаровым, с в 1978 г. — Б. И. Краснобаевым). Отличительными чертами исследований сотрудников лаборатории было признание единства материального и духовного компонента культуры, а также отраслевой подход. К концу 1970-х гг. происходит становление истории культуры как отрасли исторической науки. По проблемам новой дисциплины разворачиваются научные дискуссии, выходят работы известных историков и историографов культуры М. П. Кима, В. Т. Ермакова, Б. И. Краснобаева и др. Историки обращаются к определению места истории культуры среди других отраслей исторической науки и культуроведческих дисциплин, к выработке общего понятийно-терминологического аппарата, к разработке методологии.

Вскоре определились тенденции сближения отмеченных нами подходов к истории культуры (официального и культурологического), в частности, в связи с идеей человеческого измерения культуры. Интересным опытом такого сближения представляется круглый стол, посвященный проблеме «Предмет и методы истории культуры», проведенный в январе 1979 г. редакцией журнала «История СССР» совместно с Научным советом АН СССР по комплексной проблеме «История мировой культуры» и лабораторией истории русской культуры исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова [54]. Участники встречи — историки, философы, этнографы, филологи и искусствоведы (Б. И. Краснобаев, В. Т. Ермаков, А. Я. Гуревич, И. Д. Ковальченко, М. М. Барг, Э. С. Маркарян, Б. Б. Пиотровский, Д. С. Лихачёв, М. С. Каган и др.). На наш взгляд, это была удачная попытка совместного обсуждения и решения старых методологических, источниковедческих, историографических проблем истории культуры и назревших вновь проблем: необходимости преодоления недостатков отраслевого подхода, формирования нового взгляда на явления культуры как на целостную, качественно определенную систему в общей структуре общественной жизни прошлого и настоящего. Кроме того, круглый стол стал площадкой для диалога гуманитариев и естественников. Это был первый пробный шаг на пути к пониманию «культуры как сложного и многослойного объекта, требующего междисциплинарного и межотраслевого изучения», к чему, как отмечает омский историограф и историк культуры В. Г. Рыженко, пришли историки культуры во второй половине 1980-х гг. [55, с. 6].

Следует отметить также выделение и попытку институционального оформления еще одного направления исторической

науки — история города. В 1971 г. на историческом факультете МГУ одновременно с лабораторией истории культуры была создана лаборатория истории русских городов [40, 56]. Исследователи, осознавая необходимость научного обобщения накопленного за предыдущие годы материала по истории городов, усиленно разрабатывают городскую проблематику. С 1976 г. по 1990 г. лаборатория городской истории издавала сборники трудов «Русский город» (всего вышло 8 выпусков). Центром городских исследований в Сибири стал Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР в Новосибирске, здесь с 1974 г. выходили сборники научных статей о дореволюционных городах Сибири, о проблемах урбанизации Сибири.

В конце 1970-х — 1980-х гг. в контексте формирования, развития и сближения новых научных направлений — культурологии (в гуманитарном сообществе историков, философов, литературоведов и др.) и истории культуры (в отечественной исторической науке), в поле зрения исследователей попадает культура, как обуславливающая/определяющая развитие города сила («историческая категория», по словам Д. Я. Резуна). Несмотря на то, что все еще преобладал социальный (отраслевой) подход, историки обращают внимание на «взаимовлияние различных пластов городской культуры» (Д. Я. Резун), в методике исследования появляется концептуальное понятие «культурный потенциал». Как отмечает в своем историографическом обзоре Д. Я. Резун [34], к концу 1980-х гг. в сибирской исторической урбанистике сложилось несколько направлений: историческое, историко-демографическое, экономико-географическое, историко-архитектурное, что обеспечило базу для выработки междисциплинарного подхода к проблеме изучения города в постсоветской историографии.

С 1990-х гг. исследователи, провозглашая принципы междисциплинарности и контекстуальности, изучают город как многомерный/многослойный объект, как социокультурное [57, 58] и культурно-историческое явление [59, 60, 61], как результат деятельности человека и общества, а также место/пространство для их формирования и самореализации (творческой, духовной, материальной и т. д.), вслед за культурологами и филологами читают город как текст, исследуют его образ и т. д.

Проблемное поле административно-политической, социально-экономической истории города дополняется историей культуры, новой социальной историей, новой локальной историей, историей повседневности, гендерной историей города. Востребуется

историографическое и методологическое наследие отечественных (И. М. Гревс, Н. П. Анциферов) и зарубежных (М. Вебер, К. Линч, Р. Парк и др.) ученых. Разрабатываются и применяются новые подходы к изучению города: цивилизационный, антропологический (в различных его вариациях — социальной, культурной, исторической), социокультурный, историко-культурологический, семиотический, средовой, пространственный. Пространственный поворот в исторической науке обнаруживается в использовании соотносящихся с пространством концептуальных понятий — социокультурное и культурное пространство [62, 63, 64, 65], городская среда, социокультурный, культурно-цивилизационный [66, с. 21; 67] и/или культурный ландшафт, знаковое место, Гений Места и Дух Места. Влияние этого поворота обнаруживается и в развитии исторической локалистики (исторического краеведения, новой локальной истории, местной истории и др.), в применении локального, регионального подходов и познавательных инструментов «новой» географии (ландшафтный и функционально-сетевой подход [68]; географический образ, ментальная карта, геокультурное пространство, семиотика пространства) и т. д. Активизируются региональные историки, формируются оригинальные школы и исследователей коллективы исторических урбанистов и городоведов. Отметим сибирских представителей: в Новосибирске — Д. Я. Резун, М. В. Шиловский, В. А. Исупов, В. И. Исаев и др. (социально-экономические и демографические исследования дореволюционного города, частично советского, проблемы урбанизации); в Омске — Д. А. Алисов, В. Г. Рыженко, их ученики (историко-культурное/культурологическое направление); в Барнауле — В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров, А. Р. Ивонин и др. (новая социальная и новая локальная история, история повседневности, гендерная история, демография) [39]; в Томске — Н. М. Дмитриенко, В. П. Андреев (локальная и новая социальная история); в Иркутске — В. П. Шахеров, М. Г. Меерович и др. (социально-экономическое направление, дореволюционный город); в Улан-Уде — А. С. Бреславский (образы и мифология города, демография и историческая урбанистика постсоветского периода), в Красноярске — С. А. Рафикова, Н. В. Гонина, в Тюмени — А. В. Скочин, С. С. Пашин (процессы индустриализации и урбанизации), в Ханты-Мансийске — М. В. Ершов, в Сургуте — А. И. Прищепа, И. Н. Стась (социально-экономические проблемы урбанизации и градостроительная политика в советских сибирских городах) и др. [40]. Историки все чаще обращаются к не характерному для них в силу малой удаленности от времени изучения

хронологическому периоду, к современности — действительности настоящего, текущего времени.

Теоретический и практический опыт изучения города с применением познавательных возможностей концепта культурный ландшафт обнаруживается нами в конце XIX — начале XX вв. В это время популярностью у отдельных российских историков пользуется идеографический подход (и/или метод), в котором они органично сочетают лучшие познавательные инструменты позитивизма и неокантианства. Любой, даже коллективный, объект (история государства и отдельного города, исторический источник и т. д.) изучался как целостность, имеющая свое индивидуальное лицо (А. С. Лаппо-Данилевский), как личность и феномен культуры (И. М. Гревс), популярными становятся родиноведческие и краеведческие практики (местная, локальная история). На рубеже XIX—XX вв. И. М. Гревс — представитель петербургской школы историков, медиевист, историк культуры (большое влияние на него оказали французский историк Фустанж де Куланж, дружба с А. С. Лаппо-Данилевским и В. И. Вернадским) обращается к изучению города, его культуры, формирует оригинальную научную школу гуманитарного градоведения (культурологии города), которая развивается и привлекает все больше последователей вплоть до 1920–1930-х гг. Нас интересуют идеи И. М. Гревса и его ученика Н. П. Анцифорова, их стремление к «целокупному» познанию, комплексному изучению города во взаимосвязи социального, культурного и природного. При помощи локального и экскурсионного методов, подкрепленных добротной источниковой и историографической базой, город предстает в их работах как «своеобразная коллективная личность», культурно-исторический комплекс и «синтетический памятник культуры» — у Гревса [69], сложный социальный и/или культурно-исторический организм — у Анцифорова [70, 71, 72].

Исследователи интеллектуальной истории и идей И. М. Гревса неоднократно цитировали его определение города, которое ярко представляет философско-методологические (в современном определении — культуролого-методологические) взгляды городоведа. «Города — это и лаборатории, и приемники, хранители культуры, и высшие показатели цивилизованности — пишет ученый. — В них происходит сгущение культурных процессов, насыщение их результатов. <...> Город-центр, в одно время, культурного притяжения и лучеиспускания, самое яркое и наглядное мерило уровня культуры, а история города — прекраснейший путеводитель ее хода и судьбы» [69, с. 22–23]. В 1921 г. он формулирует основы своих

подходов к познанию города: «Надобно изучать его биографию, познать его именно как своеобразную коллективную личность, — и эта биография даст превосходно конкретизированную часть биографии данной страны и народа. <...> Прежде всего, взгляд историка рассматривает город на земле в рамке окружающей природы как физической среды, в которой развивается его многообразная жизнь. Здесь имеется в виду страноведение местности данного города в широком смысле: ее геология, рельеф и орошение, климат и почва, флора и фауна, естественные богатства и, наконец, мир человека, антропология и особенно этнография населения» [69, с. 24–25]. Для познания города Гревс разрабатывает методику исследования, важным инструментом изучения и «вживания» в место становится экскурсионный метод. К идее гуманитарных экскурсий он приходит в 1899 г., определяет их потенциал при изучении римского землевладения. «Именно тогда, — пишет Л. И. Сизинцева, — рождается в практике И. М. Гревса концепция историко-культурного ландшафта как исторического источника, разрабатываются приемы его критики и использования» [73, с. 38]. Исследования начинались в кабинете — с изучения имеющихся письменных источников и литературы по истории города: тщательное знакомство с предысторией и географией, экономическими, историко-культурными особенностями; восстановление картины рождения города; изучение его топографии, истории формирования плана города. Затем изучение панорамы города сверху и со стороны. Углубление в реальную биографию города. Изучение города «по следам его великих людей или сквозь яркие эпохи его старины», исследование по строителям для представления о формировании архитектурного облика. Познание города через литературные произведения. Затем изучение по частям, большим районам, улицам или урочищам, штудирование отдельных памятников, музеев. Знакомство с окрестностями города. Конечной целью изучения города, как отметил И. М. Гревс в предисловии к книге своего ученика, становится «познание его души, его лика, восстановление его образа как собирательной личности» [70, с. 24].

Н. П. Анциферов объяснял, что душу города (его психологию) составляет «исторически проявляющееся единство всех сторон его жизни (сил природы, быта населения, его роста и характера его архитектурного пейзажа, его участие в общей жизни страны, духовное бытие его граждан)» [70, с. 48]. Памятуя об условном значении терминов, он выделяет три стороны природы города — анатомию (структуру: место, план, ядро, рост, элементы города), физиологию

(социальная жизнь: функции, социальный состав населения) и психологию (душу: городской пейзаж, исторические судьбы, хранилище воспоминаний, характер населения, художественные вкусы) [70, с. 29].

Интересно также, что ученый вслед за учителем считал важным проникновение в образ города через работу с городским природным/географическим и историко-культурным ландшафтом, в ходе которой «выделяется из того, что видно теперь, все то, что было тогда, в эпоху, изучаемую исследователем», тем самым устанавливается живая связь с прошлым [72, с. 328]. Историко-культурный ландшафт Анциферов понимает широко — как место (*locus*), включающее следующие характеристики: расположение в географическом пространстве, строение улиц и площадей, социально-экономическая и культурная специфика (творчество, быт), памятники старины, архитектурное наследие, топографическая номенклатура (городские названия). Таким образом, культурный ландшафт для Анциферова, как и для его учителя, выступает предметом исследования и одновременно многослойным источником по истории и культуре города.

Согласимся с исследователями (Д. С. Лихачёв, В. Г. Рыженко, Р. С. Колокольчикова, Л. И. Сизинцева, Л. В. Кошман, Е. Н. Мастеница и др.), что И. М. Гревс и Н. П. Анциферов предложили и апробировали ряд новаторских идей по изучению города, намного опередивших свое время, воплотившихся в современных нам историко-антропологических, социокультурных, историко-культурологических исследованиях, в том числе городской истории. Среди них — целостный взгляд на объект, необходимость комплексного изучения города как традиционными историческими методами, так и при помощи набирающих популярность на рубеже XIX–XX вв. локального и экскурсионного (в авторском варианте) методов, с привлечением и исторической критикой разнообразных источников: письменных, материальных и нематериальных, и, что важно для нас, города, его культурного ландшафта как исторического источника.

Лишь в 1990-е гг. историки вновь обратили свое внимание на познавательный потенциал географического концепта «культурный ландшафт» для изучения города. В это время исследователи переосмысливают и востребуют зарубежный опыт, забытое наследие отечественных городоведов, обращаются к междисциплинарным практикам — наработкам и подходам философов, культурологов, представителей культурной географии, в частности к географии

искусства и концепции культурного ландшафта Ю. А. Веденина. Интересен опыт разработки возможностей концепта «культурно-цивилизационный ландшафт» и апробации практических результатов в научных статьях, учебных пособиях, монографиях омскими историками культуры В. Г. Рыженко и В. Ш. Назимовой [21, 22, 62, 66, 67, 74]. С помощью этого «инструменталистского термина» (В. Г. Рыженко), производного и/или тесно связанного с понятием «культурное пространство», авторы акцентируют ведущую роль организованной деятельности людей в преобразовании «Места». Подчеркивают, что организующим фактором являются «социально-политические установки, геополитические и экономические государственные интересы, однако уникальность облику и атмосфере “местного” пространства, по их мнению, придает включение в структуру и образ такого ландшафта духовно-творческой (проектной) деятельности “штучной” интеллигенции и ряда сообществ — носителей инновационных идей и идеалов» [67, с. 30]. Отметим, что термин «культурно-цивилизационный ландшафт» обозначает третье измерение подхода В. Г. Рыженко к изучению города (и любых других поселений) — «цивилизационную координату», связанную с особенностями культуры и социокультурными процессами изучаемого периода. Два других измерения: временная (учет конкретно-исторической динамики) и территориально-поселенческая или пространственная (определенное место) координаты [62, с. 19; 67, с. 30]. В 2010 г. В. Г. Рыженко немного корректирует свой подход с учетом интеллектуального и социокультурного контекста, так появляется междисциплинарная исследовательская модель «Культурно-цивилизационный ландшафт — опорная матрица образа города», соединяющая подходы интеллектуальной истории, социальной истории, новой культурной истории, регионоведения, культурологии, исторической урбанистики, гуманитарной географии [67, с. 4].

К проблеме культурного ландшафта города в дискуссионных докладах [75, 76] обращались также представители междисциплинарного сообщества — научного семинара «Культурный ландшафт», созданного в 1993 г. на базе географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Руководители и авторы концепции дискуссионной площадки — географы В. Н. Калуцков, Т. Н. Красовская, активные участники — географы, культурологи, историки, этнографы-антропологи. Вскоре формируется одно из направлений деятельности семинара — «культурный ландшафт города» [77]. Позже это направление стали разрабатывать фило-

софы, культурологи, историки, географы и историки архитектуры, каждый исследователь выбирает свой ракурс проблемы и методику изучения с опорой на различные подходы к культурному ландшафту. Философы оценивают потенциал этого подхода, позволяющего «избежать крайностей “одномерных” трактовок пространства городской культуры» [78]. Междисциплинарные коллективы ученых обращаются осмыслению теории и практики культурного ландшафта города [79]. Историки архитектуры [80, 81], а также исследователи городов как объектов культурного наследия обращаются к изучению культурного ландшафта исторических городов в контексте сохранения их градостроительной и культурно-исторической специфики [16, 17]. Историки также экспериментируют с познавательными возможностями концепта [82, 83] и теорией культурного ландшафта при изучении конкретных городов в конкретных хронологических рамках [6, 14, 15, 84, 85].

В отечественном интеллектуальном пространстве выделяют 6 подходов к определению и изучению культурного ландшафта (М. В. Рагулина, В. Н. Стрелецкий, В. Н. Калущков и др.). Критерии выделения — акцентирование роли тех или иных ландшафтных компонентов или цели исследования. Среди подходов: классический физико-географический (взгляд на культурный ландшафт как на целесообразно измененный природный, антропогенный — Г. А. Исаченко, В. А. Низовцев, Б. Б. Родоман); информационно-аксиологический (о нем ниже); этнокультурный (этнос как актор формирования и главный компонент культурного ландшафта — М. В. Рагулина, В. Н. Калущков); образный (интерпретация ландшафта посредством моделирования географических образов, семантики, мифологии и полимпсеста — Д. Н. Замятин, О. А. Лавренова, И. И. Митин); феноменологический (предложен В. Л. Каганским, выделяет закономерности формирования культурного ландшафта, статусную матрицу в категориях центр — провинция — периферия — граница); эстетический (Е. Ю. Колобовский и В. А. Николаев признают большую роль в формировании культурного пространства эстетического чувства) [86].

В Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Института Наследия), как мы отмечали ранее [28, 87], разрабатывались и применялись четыре подхода к изучению культурных ландшафтов. С 1992 г. развивается и апробируется информационно-аксиологическая концепция (Ю. А. Веденин, Р. Ф. Туровский, М. Е. Кулешова), с 2001 г. — образное направление (в рамках образной географии —

Д. Н. Замятин, когнитивной географии — Н. Ю. Замятина, мифо-географии — И. И. Митин, географии искусства и семиотической концепции культурного ландшафта — О. А. Лавренова). В 2007 г. в институте начинают работать известный представитель теоретической географии, автор понятия «поляризованный культурный ландшафт», доктор географических наук Б. Б. Родоман (классическое направление) и один из основоположников школы этнокультурного ландшафтоведения, доктор географических наук В. Н. Калуцков.

Отметим интересные и принципиальные для нас в методологическом плане идеи информационно-аксиологической концепции осмысления и представления культурного ландшафта города в работах директора Института Наследия, доктора географических наук, автора подхода Ю. А. Веденина и его соратников — кандидата географических наук, специалиста в области теории и практики изучения, управления и правовой защиты культурных ландшафтов М. А. Кулешовой, кандидата политических наук, исследователя российского политического культурного ландшафта Р. Ф. Туровского.

Веденин конструирует авторскую информационно-аксиологическую модель изучения культурного ландшафта в конце 1980-х гг., со временем корректирует ее в соответствии с текущим социокультурным и познавательным контекстами [88, 89, 90, 4].

В «Очерках географии искусства» (1997) Ю. А. Веденин, рассматривая сложившиеся на тот момент в географической науке представления, интерпретирует термин «культурный ландшафт» в соответствии с ноосферной концепцией В. И. Вернадского, определяет его как целостную и территориально-локализованную совокупность природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединенного действия природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и рутинной жизнеобеспечивающей деятельности людей. Ученый структурирует культурный ландшафт по вертикальным и горизонтальным ориентациям. Вертикальность объясняет через «слоистость» ландшафта, в котором существуют два взаимосвязанных слоя — природный (это естественная и преобразованная людьми природа) и культурный (материальная и духовная культура; культурное наследие и современная культура, в последней он выделяет традиционную и инновационную культуру) [88, с. 11]. Горизонтальные структуры культурного ландшафта Веденин выделяет на основе представления об иерархической организации разномасштабных территориальных единиц — территори-

альных культурно-природных комплексов (например, городского и сельского, усадебного и монастырского). Комплексы состоят из множества взаимодополняющих друг друга, обладающих уникальными характеристиками и многослойностью общностей культуры и природы, которые формируются под влиянием природных, этнических, социокультурных, политических и экономических факторов. Территориальные общности ученый определяет «как локализованные в пространстве и во времени совокупности однородных элементов или событий, характеризующих процессы и результаты культурной деятельности или природного развития» (устойчивые ареалы видов растений и животных, сложившаяся планировка поселений и архитектурные формы, типы орудий труда, обычаи и нравы, приемы искусства и т. д.) [88, с. 15].

Ю. А. Веденин подчеркивает, что высокая степень структурированности и иерархическая организованность культурного ландшафта является залогом баланса между распространением новаций и сохранением традиций. Корректируя схему горизонтальной структуры культурного пространства Д. Джексона, он выделяет «территориальный каркас культурного ландшафта», который включает два типа ядер — центры инновационной и очаги традиционной культур, пути коммуникаций, а также зависимые от силы ядер и свойств пространства зоны распространения элементов культуры. В городах, отмечает автор, ослабевает роль природных компонентов и доминирует инновационная культура, особенно это заметно проявляется в крупных столичных центрах. Городской ландшафт характеризуется высокой плотностью застройки, экспансией твердого покрытия, развитой сетью искусственных элементов в ландшафте, высокой насыщенностью художественными и культурно-интеллектуальными процессами инновационного характера. «В центрах инновационной культуры — пишет Веденин, — формируются «сгустки» интеллектуально-духовной энергии, определяющие прогрессивное развитие ландшафта как части ноосферы. Именно они являются основными источниками новых идей, технологий, разработок, питающих всю территорию ландшафта» [88, с. 18]. Далее автор высказывает спорную точку зрения, которую критикуют региональные историки-городоведы: центры инноваций характеризуются строго выраженной иерархией, центры первого порядка — чаще столичные города, центрами более низкого уровня являются губернские (областные) и уездные (районные) города [88, с. 19]. Омские ученые В. Г. Рыженко, В. Ш. Назимова подчеркивают в своих работах, что центрами сгущения социокультурных

процессов («интеллектуально-духовной энергии» по Веденину) может быть «любой город, независимо от его величины и административного статуса» [91, с. 26]. В поздних работах Ю. А. Веденина противопоставление центра и периферии/провинции становится не таким выраженным. Ученый отмечает важную роль любых городов как ретрансляторов культурных инноваций.

Следуя за Ведениным, Р. Ф. Туровский проводит эксперимент по многоуровневому культурно-ландшафтному районированию — делению местности на сложные комплексы культурных ландшафтов. Предлагает выделять типы ландшафтов и объединять их по культурно-историческим особенностям в зависимости от целей исследования. Культурный ландшафт Туровский понимает как дифференцированную территорию, состоящую из множества ячеек — здания, улицы, парки, поля сражений, священные рощи и др. Исследователь делает важные для историков культуры замечания о том, что культурный ландшафт имеет не только пейзажную (внешнюю) форму проявления. «Составной частью ландшафта — пишет он, — являются исторические события, происходившие на данной местности, знаменитые люди, которые жили и творили на этой территории, образцы культуры, созданные в этой местности и описывающие эту местность (книги, картины и др.), этнокультурные особенности местного населения, язык, религия, бытовая и хозяйственная культура» [92, с. 25]. Туровский выделяет три нематериальные компоненты ландшафта: информационную (база данных о местной культуре), аналитическую (исследования специалистов) и идеальную/духовную (вся совокупность творческих проявлений человека).

В коллективной работе «Культурный ландшафт как объект наследия» (2004 г.) Веденин корректирует свое определение. Ноосферную концепцию В. И. Вернадского ученый дополняет «экологией культуры» Д. С. Лихачёва, представление о новом этапе развития Земли — культурной составляющей с нравственно-духовными ценностями (аксиологией). Культурный ландшафт автор понимает как «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» [90, с. 17–16]. При этом делает акцент на изучение такого ландшафта, как объекта наследия, сложной системы материальных и духовных ценностей, обладающей высо-

кой степени экологической, исторической и культурологической информативности. Веденин также подробно останавливается на информационной составляющей своего подхода [90, с. 68–82]. Он пишет, что вокруг культурного ландшафта формируется информационный слой, который создает образ ландшафта и одновременно входит в него как одна из составляющих. Важной частью информационного слоя, вместе с объектами природы и материальной культуры, являются профессиональные и профанные представления местного населения, журналистов, ученых, художников, реставраторов и других специалистов о культурном ландшафте, о способах его созидания и сохранения. Устойчивый слой такой информации обеспечивает вхождение ландшафта в национальное или мировое культурное пространство.

М. Е. Кулешова, развивая взгляды Веденина на определение культурного ландшафта и его «территориальный каркас», разрабатывает и успешно применяет на практике концепцию «природно-культурного каркаса территорий» [93, 94, 95]. Подход исследователя основан на взаимодействии природных (в том числе экологических) и антропогенных (культурных) начал в формировании ландшафта: «Понятие “природно-культурный каркас” предлагается для обозначения ключевых структур территории, где природные и культурные компоненты находятся в сложной взаимосвязи и взаимообусловленности и предопределяют характер и направленность геоэкологического и одновременно социокультурного развития, а также особенности формирования культурного ландшафта, образуемого в результате такого развития» [94, с. 82]. Кулешова ссылается на проведенные в ряде российских регионов исследования, отмечает, что наиболее ценные историко-культурные объекты и культурные центры в своем распределении (по узловым и линейным структурам: высотным доминантам и островам, гидроморфным осям — речным долинам, сетям озер; историческим путям сообщения — дорожная, коммуникативная сеть) взаимосвязаны с природным каркасом и преобразуют его в природно-культурный каркас [94, с. 95]. К культурным центрам автор относит исторические поселения (в том числе города), духовные центры, музейные комплексы и т. д.

В поисках дополнительных познавательных инструментов осмысления городского культурного ландшафта М. Е. Кулешова востребует интеллектуальное наследие Н. В. Анциферова. В ходе анализа его книги «Душа Петербурга» выделяет систему показателей, характеризующих ландшафт города: «положение на местности

и взаимодействие с городским окружением, начальный импульс развития, контрастность или подобие исходному ландшафту; планировочная структура и история планировочного развития; основные высотные доминанты, главные планировочные оси — градостроительный каркас; главные архитектурные пейзажи и урочища — ядра каркаса; основные визуальные, планировочные, функциональные связи; основные природные структуры и процессы как географические детерминанты; чувственное восприятие — цветовая гамма, звуки, запахи, погоды; топонимика; семиотика — символические компоненты ландшафта; семантика — историческая ассоциативность» [95, с. 161].

В монографии «География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия» (М., 2018) Веденин подводит итоги своих многолетних исследований, переосмысливает основные концептуальные положения своего подхода, обращается к проблемам исторического города [4].

Автор ссылается на документы ЮНЕСКО, отмечает, что в мировой практике такой город рассматривается как культурный ландшафт, как объект наследия. В этой связи характеризует город как многомерное культурно-природное образование, сформировавшееся в результате взаимодействия человека и природы, актуализирует учет таких его свойств, как целостность (предмет охраны — вся среда, в том числе окружающий ландшафт) и историческая репрезентативность (степень сохранности исторической планировки, изученность как историко-культурного и природного феномена — достаточное количество публикаций, медиа-материалов, развитая музейная сеть и т. д.).

Ю. А. Веденин предлагает рассматривать исторический город как «документ», свидетельствующий об истории страны, места, общества, людей. Ученый подчеркивает, что история города, вся «совокупность материальных и информационно-ментальных элементов, характеризующих историческую память места, является важнейшим компонентом города, одним из актуальнейших градобразующих факторов» [4, с. 170]. Веденин различает два понятия: историческое городское пространство (совокупность территориально закрепленных объектов, явлений и информации об историческом прошлом) и историческую городскую среду (часть первого, воспринимаемая населением как часть окружающей среды, взаимодействующей с ним). Он настаивает на необходимости целенаправленного формирования исторического пространства и среды. Для этого необходимы: поиск, фиксация, музефикация, охрана

объектов наследия — природного, культурного, топонимического; формирование у населения осознания ценности наследия как значимой системы жизнеобеспечения посредством организация экскурсий и культурно-экологических троп, обучения краеведению, и т. д. Ю. А. Веденин обращает внимание также на формы фиксации новой истории — музейные экспозиции, публикации и визуальные формы информации, создание историко-культурных и мемориальных зон, связанных с великими деятелями науки, культуры, искусства. Все это, по мысли автора, насыщает город исторической памятью, объединяет исторические объекты, инфраструктурные элементы, информацию в единый исторический ландшафт. В качестве подтверждения своих положений он приводит данные по проводимым Институтом Наследия в 1990-е гг. социологическим исследованиям о месте наследия в жизни горожанина и характерных чертах родного города (в том числе глазами приезжих) в малых городах Боровске, Козельске, Мосальске, Обнинске Калужской области. На контрасте с малыми городами в «Географии наследия» Ю. А. Веденина представлен раздел «Особенности организации культурного пространства в крупном историческом городе — на примере Москвы» [4, с. 187–206]. «Москва — это сложный историко-культурный и природный комплекс, характеризующийся длительным и вместе с тем чрезвычайно напряженным и противоречивым процессом развития, затрагивающим почти все стороны его многообразной жизнедеятельности: экономической, социокультурной, пространственной, экологической, — пишет автор. — В Москве сформировалась совершенно особая среда обитания» [4, с. 187]. Характеристика этой среды, отмечает Веденин, зависит не только от качества жилья, уровня благоустройства города, его обустроенности, количества рабочих мест и многих других параметров, описывающих сам город и его динамичные структурные элементы (производственные, социальные, градостроительные, ландшафтно-архитектурные, природные и т. д.). Большое значение имеют также: взаимоотношения населения, ощущающего свою принадлежность к столице России, с отмеченными элементами; особенности адаптации некоренного населения; специфика менталитета и поведения жителей, их реакция на городские институты и на поведение власть имущих, на динамику городского ландшафта и др.

Ю. А. Веденин завершает исследование культурного ландшафта мегаполиса ностальгически позитивными строками: «Москва туристская и Москва — город, где проживает более десятка миллионов людей, характеризующийся чрезвычайно выразительной

историко-культурной и природно-экологической средой. Это обусловлено богатым архитектурным наследием, насыщенностью исторического пространства разнообразными ассоциациями, связанными с замечательными художниками, поэтами, писателями, жившими когда-то в этом городе и посвятившими ему множество ярких страниц в своих произведениях. <...> Пытливый наблюдатель все еще может сформировать на основе своего собственного опыта свою собственную Москву, с ее эффектными и очень скромными, камерными картинами, Москву, богатую символикой, характеризующей разнообразие исторического пространства этого города» [4, с. 206].

С 2016 г. культурно-ландшафтное направление исследований в области городской проблематики развивают вдохновленные идеи Ю. А. Веденина и его соратников ученые Сибирского и Южного филиала Института Наследия.

В. В. Бондарь и О. Н. Маркова — сотрудники Южного филиала Института Наследия определили предметную область своего исследования культурным ландшафтом исторических городов Северо-Западного Кавказа (Анапа, Армавир, Ейск, Краснодар, Сочи и станица Тамань), сконцентрировали внимание на понимании культурного ландшафта этих городов как особой категории недвижимого материального наследия [17]. Диахронно-синхронный анализ процессов возникновения и пространственных трансформаций исторических поселений, сравнительное и контекстное исследования (в том числе с помощью натурного обследования) компонентов и показателей исторических поселений с учетом региональных и общероссийских тенденций урбанизации позволил исследователям установить территории распространения исторических культурных ландшафтов, их состав, свойства, степень подлинности и сохранности, ценностные показатели историко-градостроительной среды. И, это важно в современных условиях перманентного обновления законодательства и списка объектов культурного и природного наследия, практическая значимость проделанной работы состояла также в том, что авторы сопоставили полученные результаты с законодательно установленными границами территорий и их охраняемыми качествами — «предметами охраны», определили слабые стороны проектной документации отдельных городов (Ейск, Сочи).

Научный проект Сибирского филиала Института Наследия по изучению культурного ландшафта сибирских городов (Томска, Тюмени, Омска, Новосибирска) мы характеризовали выше, здесь представим особенности его познавательного инструментария.

Руководитель научного проекта, доктор исторических наук Д. А. Алисов, обращаясь к теории культурного ландшафта города, настаивает на том, что он как объект многомерен, следовательно, его определение должно носить многомерный и открытый, а не плоский и закрытый характер [6]. Историк, учитывая мировые тенденции методологического плюрализма в познании, опираясь на исторический подход и используя возможности классического географического и информационно-аксиологического подходов к культурному ландшафту, предлагает многовекторный, многомерный подход [97] к определению «культурный ландшафт города». Такой подход, по мысли автора, предполагает «его многоосевое развитие и наличие разных наборов теорий и методологий изучения для каждой отдельно взятой “оси” его формирования» [6]. Д. А. Алисов конструирует авторскую концепцию культурного ландшафта города, опираясь на системный, цивилизационный, средовой, культурно-ландшафтный подходы, по трем осям его формирования и развития (материальное, антропогенное, историческое), выделяет «основные маркеры и индикаторы культурного ландшафта города» [6, с. 11; 6]. Модель прошла апробацию при изучении культурного ландшафта советского Омска [23, с. 31–49], постсоветского Томска. Считая, что «в культурном ландшафте города возможно рассматривать только “преобразованную” человеком природу», автор подчеркивает, что при его изучении следует четко различать морфологическую структуру материального и морфологическую структуру нематериального, т. к. их изучение возможно на разных теоретико-методологических основаниях [6]. К маркерам — индикаторам формирования и развития культурного ландшафта города Д. А. Алисов относит: преобразованные человеком географические (природные) объекты; архитектурные сооружения и памятники; топонимические системы; коммеморативные практики; городские праздники; городскую символику и символические объекты; восприятие городской среды [6, с. 6].

Интересным опытом изучения постсоветского городского культурного ландшафта в рамках этнокультурного подхода представляется исследование В. Н. Калуцкова и С. Ю. Ухова [98]. Предметные рамки — Грозный, Махачкала и Кызыл. Познавательные инструменты — авторская методика динамического анализа ландшафтных трансформаций на основе комплексного подхода к изучению городского культурного ландшафта Н. Анциферова, визуально-социологического подхода К. Линча и метода пространственной локализации социокультурной информации. Применялся, хоть и не артикулировался, палимпсестный подход, в рамках которого

город рассматривается как «многослойный феномен, объединяющий прошлые и современные функции, идеологии и физические контексты» [99, с. 148]. Исследователями изучалось ретроспективное состояние городского ландшафта (сознательно ограниченного городскими центрами, отражающими культурный каркас и историю города, его уникальный палимпсестный ландшафт) в соответствии с историческими данными, анализировалась городская топонимия как один из важных носителей культурного кода города. Методика включала: социологический опрос (составление ментальных карт для определения в их представлении границ центра, географических рамок исследования), составление списка городских топонимов по туристическим картам раннего времени и сравнение с современными, привлечение источников по культурным, материальным (памятники, музеи) и нематериальным маркерам (национальные праздники). Компоненты культурного ландшафта распределены по слоям: советский, советский национальный, национальный, новый национальный и русский. «Полнота палимпсеста городского ландшафта, — отмечают авторы, — “обеспечивается” двумя разнонаправленными тенденциями — стремлением сохранить историю города, с одной стороны, и желанием изменить город в соответствии с веяниями времени, с другой» [98, с. 127]. В ходе исследования было выявлено, что в Грозном доминирует чеченский слой (события последних лет с национальными героями), в Махачкале — дагестанский слой представлен национальными героями советского времени, современный слой — на втором месте. В Кызыле преобладает советский слой, как и в большинстве городов России. В то же время появляются компоненты русского слоя, одной из причин называется политика централизации регионов. Авторы приходят к заключению, что эклектичное сочетание слоев разных масштабов и исторических эпох, присущее изучаемым городам, создающее неповторимые пространства, подтверждает, что городской культурный ландшафт как объект исследования является качественным показателем социокультурных и политических изменений, имевших место в Чеченской Республике, Тыве и Дагестане. С распадом СССР культурный ландшафт менялся в соответствии с общими трендами постсоветского пространства. Главными факторами формирования нового ландшафта стало: их отношение к советскому прошлому, политика региональных властей и в меньшей степени гражданская позиция. Подобное исследование проведено Калущковым и в отношении столиц Ближнего Зарубежья (Минск, Ташкент, Баку) [100].

Как видно из представленного обзора, в отечественном интеллектуальном пространстве существует довольно представительная методологическая база, открывающая познавательный потенциал теории «культурного ландшафта» для междисциплинарного, системного изучения многомерного, многослойного города.

Акцентируя внимание на второй составляющей информационно-аксиологического подхода Ю. А. Веденина, выделяем информационный слой культурного ландшафта современной Тюмени, существенной частью которого представляется внушительный историографический корпус опубликованной и представленной в электронном виде в сети Интернет научной, научно-популярной, справочной литературы [27]. Отмеченный слой структурируется в соответствии с целями и логикой исследования.

Первый блок представляет литература, посвященная истории Тюмени, — научные и краеведческие тексты, «юбилейные» книги-фотоальбомы, энциклопедии.

Библиография [101] интересующей нас проблемы довольно представительна, она насчитывает более 150 изданий. Это — коллективные монографии и сборники [102–111], работы и научные статьи, посвященные локальным сюжетам истории и культуры Тюмени 2000–2020 гг. (музейные экспозиции, архитектурный облик, топонимика и др.). Краеведческие альманахи: краеведческий журнал «Лукич» (2003–2018), литературно-краеведческий альманах «ЛИК» (2010–2017), краеведческий альманах «Мое достояние. Тюмень-425» (2011), Литературно-художественный и историко-краеведческий альманах «Врата Сибири» (1999–2017). Отдельно следует отметить работы тюменских историков-краеведов — А. С. Иваненко, Ю. Л. Мандрика, А. А. Петрушина. Особенностью их текстов является частое пренебрежение научно-справочным аппаратом, популярный стиль изложения, текущая социокультурная актуальность сюжетов.

Юбилейные тексты и книги-фотоальбомы характеризуются высокой тенденциозностью и обусловленностью социальным заказом, выполняют вспомогательную роль в деле брендинга территории, повышения туристической привлекательности, отмечают яркие страницы в истории и достижениях города. Однако плюс этих работ в том, что они представляют интересный источник открытой и, что важно, скрытой информации по исторической и культурной динамике города, представляют к тому же уникальный визуальный ряд.

Справочные издания в отличие от исследовательских и краеведческих работ дают относительно целостное представление об основных элементах сформировавшегося культурного ландшафта города, снижает информативность удаленность от настоящего времени публикации и специфика этого научно-практического жанра. Справочная литература предназначена для изложения в сжатом виде сведений разнообразного характера (научного, прикладного и др.), что определяет форму нарратива, особенности структуры всего издания. Для справочного текста характерны широта тематических рамок, стремление к максимальной полноте сведений по конкретному вопросу, лаконичная форма изложения и удобное для быстрого поиска необходимой информации расположение материала.

Справочную информацию о современной Тюмени содержат: иллюстрированные научно-практические каталоги [112], энциклопедии [113–118], календари знаменательных и памятных дат («Календарь знаменательных и памятных дат Тюменского края» (2004–2020), информационно-аналитические сборники [119], статистические сборники [120–122], путеводители, карты города.

Интересный проект по созданию интернет-ресурса, представляющего хронику знаковых событий в истории Тюмени (от неолита и до современности) осуществлен ТООО «Содействие охране культурного наследия Тюмени» совместно с Информационно-библиотечным центром ТюмГУ в рамках муниципального гранта администрации г. Тюмени (№ 89-ДМГ от 26.04.12). Созданная по проекту «Виртуальная летопись Тюмени» (https://bmn.utmn.ru/tyumen_virtual_chronicle) имеет грамотный научно-справочный аппарат, ссылается на самые разные исторические источники и репрезентативную библиографию, иллюстрирует текст яркий и представительный визуальный ряд (более 200 иллюстраций, фотографий, видео и аудио). Этот уникальный анализирующий и обобщающий существующую информацию о городе опыт можно отнести к научно-справочным работам.

Представим монографические издания, раскрывающие социокультурный, географический и экономические контексты бытования современной Тюмени. Коллектив ученых Тюменского государственного университета во главе с известным историком, специалистом по проблемам нефтегазового освоения Западно-Сибирского района Г. Ю. Колевой посвятил социально-экономическим проблемам урбанизации Тюмени раздел монографии, а также отдельные фрагменты в общей картине области [110]. Описывают ключевые события с основания города, отмечают

динамику экономического развития и строительства города к началу XX в. В остальной части Тюмень упоминается эпизодически, в статистических данных общей характеристики области как нефтегазового комплекса, хронологию доводят до 1987–1990 г. Географическое и экономическое развитие Тюмени на стыке тысячелетий представлено учеными Новосибирска в многотомной серии «География Сибири» [111].

Работы, раскрывающие особенности инфраструктуры культуры постсоветской Тюмени, ее духовной и материальной составляющей, представляют второй блок историографического информационного слоя. Отметим тексты активизировавшихся в последние десятилетия историков архитектуры, учащихся архитектурно-строительных институтов, обратившихся к истории и современному состоянию архитектурного наследия Тюмени [123–131]. Заметны отраслевые работы и энциклопедии по истории и современному состоянию вузов, библиотек, музеев и др. элементов духовной инфраструктуры [131–135], социологические исследования развития музейной, библиотечной сети, выявляющие мнение и отношение жителей города к элементам культурной инфраструктуры [136, 137].

Интересным опытом осмысления современного состояния Российских евразийских городов и их среды является проект, осуществленный междисциплинарным коллективом по заказу Москомархитектуры. В научно-популярной книге, изданной по итогам исследований, даются общие сведения о городах по периодам (в том числе по Тюмени), сравнительный анализ статистических данных по современности, исторический анализ данных о возникновении и становлении городов в контексте истории России (8 этапов с 862 по 2017 г.), отмечается специфика процесса градообразования на каждом этапе [138]. Работа содержит яркую и наглядную инфографику. Отмечены проблемы современной Тюмени, в частности — наличие большого количества производственных территорий, в том числе с низкой эффективностью использования. В заключении авторы выводят простейшие (общепризнанные) ключевые условия формирования, выживания и роста города — сообщество жителей, территория (ландшафт), система жизнеобеспечения (инфраструктура) и внешние силы (власть, торговля и обмен, мировоззренческие элементы — религия, идеология, и т. д.). В современном городе наличествует как минимум 3 условия, но только при представительстве власти и наличии торговой площадки можно рассчитывать на рост и устойчивое развитие городов, подчеркивают авторы [138, с. 187].

Как видно из обзора, сложившийся историографический информационный слой закрывает отдельные лакуны (аспекты) формирования, бытования и изменения культурного ландшафта современной Тюмени, однако не дает целостного представления о нем.

Обращаясь к представлению методологии нашей работы, отметим, что исследование предлагаем проводить с опорой на историко-антропологический, историко-культурный, системный («целокупный»), модифицированный в соответствии с предметом исследования и логикой исторического исследования информационно-аксиологический подход культурного ландшафта, на познавательные инструменты социокультурной интеллектуальной истории, рассматривающей все виды творческой деятельности (не только мыслительной) в широком политическом, экономическом, социокультурном и историческом контексте.

Под культурным ландшафтом мы понимаем результат сотворчества человека и природы, природно-культурный территориальный комплекс (сложная территориальная система), в формировании и развитии которого определяющую роль играет культура [4, с. 90], т. е. хозяйственная, социальная и духовная деятельность человека/общества. Культурный ландшафт города — селитебный (селенческий) тип культурного ландшафта. Селитба — формирование пространственной инфраструктуры (В. Н. Калуцков), создание поселений и их устройство (М. Е. Кулешова).

Инфраструктура культуры — система условий создания, сохранения, трансляции и воспроизводства культурных ценностей, развития культурной жизни и творчества (музеи, библиотеки, архивы, культурные центры, театральные, концертные, выставочные залы, мастерские, системы управления культурной жизни) [66, с. 22]. Выделяем культурную и материальную инфраструктуру культуры.

Прочтение текста культурного ландшафта находится в прямой зависимости от восприятия и моделирования образов места. И наоборот, образ места обретает особую значимость, если он воспринимается не сам по себе, а в контексте культурного ландшафта (О. А. Лавренова). Образ — живое, наглядное представление, отражение. Географический образ — феномен культуры, «система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко, и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию (место, ландшафт, регион, страну)» (Д. Н. Замятин); определенным способом организованная, внутренне целостная информация о месте (визуальная или иного рода).

Справедлива идея Д. Н. Замятина, что культурный ландшафт, воспринимаемый и наблюдаемый через призму культуры, социокультурных ценностей, знаков и символов, тесно связанных с эмоциональным, рациональным и концептуальным переживанием пространства, способствует активному порождению и формированию географических образов (образов места).

Учитывая современные познавательные повороты (культурный, антропологический, когнитивный, пространственный), актуализацию междисциплинарных практик, обращаясь к интеллектуальному наследию классиков отечественного градovedения И. М. Гревса и Н. П. Анциферова, к идеям представителей культурной и гуманитарной географии (Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой, Р. Ф. Турского, Д. Н. Замятина), к историко-культурологическим моделям исследования города В. Г. Рыженко, а также опираясь на предложенные Д. А. Алисовым методологические основания изучения культурного ландшафта города, разработана и реализовывалась исследовательская стратегия, включающая несколько познавательных этапов.

Первый этап — эвристический, включал анализ библиографических баз данных (электронных каталогов, опубликованных библиографических указателей) Российской государственной библиотеки, Тюменской областной научной библиотеки имени Д. И. Менделеева, Центральной городской библиотеки Тюмени, электронной научной библиотеки eLibrary.ru. Это позволило определить степень изученности проблемы, выявить тексты для историографического и/или источниковедческого анализа, т. к. работы более раннего периода, очерки краеведов, отраслевые тексты архитекторов, искусствоведов, составителей истории библиотек и др. мы рассматриваем в качестве источников.

Следующий этап — поиск источников и формирование представительного источникового комплекса, который включает отмеченные выше интеллектуальные источники, традиционные законодательные и делопроизводственные документы (планы, отчеты, протоколы проверок, конкурсные программы и т. п.), справочные издания (информационно-аналитические сборники, статистические сборники, путеводители, карты города), юбилейные издания и периодику — газеты, журналы и их электронные версии, разнообразные тексты сети Интернет, отражающие динамику социокультурной жизни Тюмени. Хронологические рамки исследования (2000–2020) с одной стороны, осложнили — с другой облегчили работу по составлению источниковой базы. Обнаружилось, что на

данный момент уже сложился внушительный информационный источниковый слой, однако он в большинстве своем находится не в привычном печатном, а в электронном виде. Это информация, размещенная на специальных административных, научных, культурных, институциональных (ведомственных), туристических, общедоступных интернет-ресурсах, в том числе в группах соцсетей, на проблемных форумах. До недавнего времени такой вид документов рассматривался историками как дополнительный, существенно уступающий в качестве и достоверности источникам печатным. Однако в условиях так называемого тренда современности — цифровизации, с учетом того, что в нашей стране внедрение цифровых технологий в различные области жизни общества поставлено и решается на уровне национальных проектов («Цифровая культура», «Цифровая экономика» 2019–2024 гг.), при грамотном источниковедческом анализе и критике упомянутые проблемы снимаются.

В одной из наших статей мы уже представляли информационные возможности по интересующей нас проблеме следующих непрерывно развивающихся интернет-ресурсов [139]. Это — официальный сайт Министерства культуры РФ (<http://www.mkrf.ru/>) и курируемый им гуманитарно-просветительский проект — портал культурного наследия и традиций России «Культура.РФ» (<http://www.culture.ru/>). Для нас принципиально повторить, что «официальные порталы органов государственной власти являются одним из механизмов создания и распространения позитивного образа города, удобным и наглядным способом их презентации» [139, с. 67]. На таких ресурсах представлены обязательные характеристики: визитная карточка территории; устав и символика; основные сведения о городе, его географии и административном делении, истории и знаменательных событиях, культуре и населении, о деятельности подведомственных организаций, достопримечательностях, объектах культурного наследия и инфраструктуры; фотогалерея и новостная лента (Правительство Тюменской области — <https://admtumen.ru>; Администрация г. Тюмени — <http://www.tyumen-city.ru>). Единственный минус размещенных текстов — не всегда есть сведения об источнике информации, что затрудняет его проверку на достоверность.

Также мы уже останавливались на отражении культурного ландшафта Тюмени сайтами департаментов культуры области и города. Специфика деятельности этих учреждений, направленная на реализацию государственной политики и управления в сфере культуры и сохранения историко-культурного наследия, опреде-

ляет отбор информации и структуру ресурсов. Благодаря информационно-аналитическому центру культуры и искусства при Департаменте культуры Тюменской области (<http://www.kultura-to.ru>) сайт департамента имеет яркое, интересное мультимедийное оформление, относительно удобную навигацию. Информационный слой составляют: новостная лента (анонсы, пресс-релизы) и календарь событий культурной жизни области (есть фильтр по организациям и муниципальным районам); сведения о музеях, театрах, библиотеках области, также в разделе «культура в цифрах» содержатся данные о деятельности информационно-аналитического центра. Интересен опыт обратной связи и «всплывающего» приглашения от имени руководителей и деятелей культурно-досуговых учреждений посетителям сайта к обсуждению в виде открытой дискуссии (форума) по различным проблемам культуры Тюмени. На данный момент это диалог о театре (видимо, как дополнительное подведение итогов 2019 г. — Года театра), где можно «задать интересующий <...> вопрос о театре, его развитии в Тюменском регионе и просто порассуждать на тему театрального искусства» [140].

Оформление интернет-ресурса Департамента культуры администрации г. Тюмени (<http://cultura.tyumen-city.ru>) скромнее, однако от этого не страдает его информативность. Здесь представлены сведения о департаменте, подведомственных ему учреждениях культуры, планируемых и прошедших мероприятиях (планы, анонсы, положения, фотогалерея и др.), памятниках истории и культуры (объектах культурного наследия и монументального искусства Тюмени), о текущих и архивных проектах департамента («День города», «Новый год», «Календарь памятных дат военной истории Отечества», «Профилактика экстремизма и терроризма», «Афиша для старшего поколения» к Международному дню пожилых людей). В разделе «Документы» помещены ключевые постановления администрации города и правительства РФ, Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», Закон Тюменской области от 16.02.2004 № 204 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», приказ № 102 и № 239 об утверждении порядка учета (от 09.08.2019 г.) и реестр объектов монументального искусства города Тюмени. На сайте присутствует также обзор статей СМИ о культуре города.

Огромным информационным потенциалом обладают интернет-порталы учреждений культуры Тюмени (Тюменское музейно-

просветительское объединение, библиотечные объединения, Тюменское концертно-театральное объединение и др.).

Особо отметим уникальные проекты Централизованной городской библиотечной системы (ЦГПБ). Первый — портал «Электронная библиотека Тюменского писателя» (<http://writer-tumen.ru>) открыт 27 мая 2015 г. как полнотекстовый ресурс краеведческой направленности для популяризации творчества тюменских авторов. С согласия авторов здесь размещено более 9000 оцифрованных произведений из 340 изданий, в том числе краеведческие работы по истории Тюмени Ю. М. Беспаловой, А. С. Иваненко, В. Е. Копылова, Ю. Л. Мандрика, А. А. Петрушина и др. Контент сайта активно пополняется. Каталог текстов структурирован по алфавиту и фамилиям авторов (по алфавиту), также по тематическим разделам (поэзия; художественная проза и публицистика; альманахи, сборники, журналы; краеведческие исследования; детская литература). Отдельно представлены разделы: «Стихи и песни о Тюмени», «Аудио», «Видео», «Книжные новинки».

Краеведческий портал Тюмени «ГородТ» — второй инновационный проект ЦГПБ (<https://gorod-t.info/>). Создан 1 декабря 2017 г., его отличает живая подача материала с ярким фото- и видеорядом, наличие функциональных постоянно пополняемых специалистами и краеведами разделов. На главной странице компактно размещены новости, анонсы обновлений, справочная информация, ссылки на партнеров. Управляющие вкладки расположены сверху, после известной цитаты классика о Тюмени и формы поиска. Многослойная «Карта» раскрывает объекты с отсылками к статьям об архитектурном наследии, городской скульптуре, музеях, памятниках и памятных знаках, театрах и концертных площадках, библиотеках, мемориалах, образовательных учреждениях, религиозных объектах. Раздел «Проекты» представляет статьи по краеведческим темам: «Пешком по Садовой» (о судьбе домов с улицы Садовой), «Проездом в Тюмени», «Виртуальные экскурсии», «Тюмень тыловая», «Тюмень театральная», «Бабушкин альбом». В 2018 г. здесь было только 3 проекта [139], в 2020 — 6. В разделе «Маршруты» объекты выстроены в соответствии с пешеходным маршрутом, продолжительность которого не должна быть более одного часа (в 2018 г. было лишь 3 маршрута — «Дорога памяти», в память о Великой Отечественной войне; «Ул. Дзержинского» и «Первые храмы»; к 2020 г. появилось еще 2 — «По местам памяти Судостроительного завода», «Памяти купца Текутьева»). «Хронограф» отражает события, произошедшие в тот или иной день в Тюмени, с отсылками

к статьям о них (имеется календарь для выбора даты). Раздел «События» представляет афишу культурной жизни Тюмени, сопровождается ссылками к источнику информации и подробному описанию места, коллектива, человека, которые задействованы в событии. Разделы «Пространство» и «Культура» включают подразделы со статьями и заметками соответствующей тематики. В первом случае это архитектурное наследие (173 статьи), городская скульптура (47), мемориалы (9), мемориальные доски (177), памятники и памятные знаки (84), парки и скверы (43), предприятия (35), религиозные объекты (21), улицы и районы (97). Всего в этом разделе 906 текстов (в 2018 г. было всего 417).

В разделе «Культура» имеются подразделы: история (56 статей), кино (3), книги (56), наследие (30), образование (21), сцена (37). Всего в разделе 203 текста (в 2018 г. — 112). Вкладка «Люди» представляет персональную историю Тюмени, содержит краткие сведения о людях, судьбы которых связаны с Тюменью. Информация распределена по алфавиту и сферам деятельности: Геология. Нефть (28), Герои Отечества (47), Культура (81), Медицина. Спорт (21), Наука. Образование (33), Общество. Управление (53), Почетные граждане (55), Промышленность (16). Итого представлено 334 персоналии (в 2018 г. было меньше — 230). В статьях имеются ссылки на близкие или авторские сайты, помещен богатый фото- и видеоряд, на источник имеется закрытая ссылка, однако, к сожалению, нет списка библиографии или использованной литературы, как это принято в справочных текстах. На сайте присутствует дополнительное меню с обратной связью, с подпиской на рассылку, с возможностью сделать перепост материала в соцсети, с формой, через которую можно прислать свой материал для размещения.

В условиях ограничений передвижения из-за угрозы распространения COVID-19 не только в междугороднем, но и в пространстве собственного города, была продолжена поисковая работа в сети Интернет, которая выявила интересные с точки зрения информативности, формата бытования (сбора, создания, хранения и представления) и доступности для анализа бесплатные ресурсы картографических источников. Первый — Яндекс-карты, где к карте города, в нашем случае — Тюмени, прилагается уникальный фоторяд — к конкретной точке на карте привязано фото с панорамой этого объекта в окружающем пространстве с возможностью передвижения в пределах допустимого. Еще одним плюсом является возможность сравнения того же места в другой временной период (от 2009 до 2020). Таким образом можно проследить динамику

материальных элементов инфраструктуры Культуры. Яндекс предлагает современные карты и спутниковые снимки, каждый объект сопровождают краткие сведения, есть возможность создавать и редактировать, распечатывать карту, сохранять или пересылать на другое устройство (<https://yandex.ru/support/maps/?lang=ru>).

Второй ресурс — retromap.ru, реализуется с 2009 г., открывает еще большие исследовательские возможности [141]. Автор проекта — Сергей Тарасов, выпускник Московского физико-технического института (МФТИ), кандидат наук. Через сайт retromap.ru предоставлен доступ к 50-ти подробным современным он-лайн картам и 15 вариантам подобных снимков из космоса, топографические, ландшафтные, транспортные, спутниковые, физические, административные карты всего мира; представлены старые планы всех основных городов России и некоторых мировых столиц, старые карты основных регионов мира, зарегистрировано более 11 500 пользователей. Разработкой программ, оцифровкой и привязкой карт занимается виртуальная команда из разных городов России. На сайте более 3,5 тыс. карт. Есть доступ к историческим материалам, инструмент для работы с картами, консультации и общение со специалистами и посетителями, возможность анализировать и использовать материалы в любой работе. Востребованность сайта можно проследить по многочисленным ссылкам на сайт. Кроме того, существует страница в «живом журнале», в фейсбук, где автор общается с пользователями, собирает источники. Удобная структура сайта, система размещения и получения информации со всплывающими вспомогательными окнами (выбор карты по дате, месту, масштабам), со справочным разделом — «как работать с картами». Сверху страницы размещены управляющие вкладки: «Координаты текущей карты», «2 карты», «Что там», «Поделиться», «Выбор карты», «Мои карты», «Города и теги», «Новинки», справа — кнопка навигации по разделам сайта: основные разделы, форум сайта, прочие («Поделиться», «Список всех карт», «Миниатюры карт», «Улицы Москвы», «Каталог карт РГБ», «Галерея», «Карта сайта», «Кто сейчас работает на сайте», «История Москвы в картинках», «Истории на карте», «Поддержка проекта сайта»). Ниже слева направо: кнопка «Левая панель», где размещена информация и выходные данные карты, адрес текущей точки, также разделы «Описание» и «Комментарии», «Сравнение карт», «Поиск карт по местности», «Выбор по тегам», горячие клавиши — «Координатная сетка», «Дорожная сетка», «Центр карты», «Наложение карт и слоев»; «Название текущей карты», ссылка на

описание и комментарии на форуме, где дополнительно модератор сообщает о том, кто предоставил эту карту; значок количества просмотров; хештеги (#год, #домашняя папка, #город, #область). Третьей строкой идут виртуальные вкладки с имеющимися на сайте картами и кнопкой выбора карт по годам до 2001, после этого времени по Тюмени используются современные карты различных бесплатных сервисов геоданных — в том числе зарубежные и отечественные (как Яндекс, Wiki). На сайте есть английская и мобильная версия, активная обратная связь. Полный доступ к сайту и возможность общаться в форуме предоставлены только после регистрации. В Форуме ресурса размещен раздел «FAQ и помощь — начните работу на сайте отсюда», где подробно рассказывается как работать с картами, как их анализировать, сравнивать, как размещать собственный материал и т. д. Кроме того, сам форум, обсуждаемые темы, комментарии могут стать дополнительным источником.

Представим функционал и возможности сайта: автоматический и рациональный поиск; точные выходные данные карты; синхронный просмотр и сравнение карт (позволяет посмотреть рядом и сравнить карты разного времени; в том числе со снимками из космоса); наложение полупрозрачных слоев одной карты на материнскую (для еще более наглядного сравнения). Далее: при нажатии на любую точку на карте работает функция «что там», включаете поиск документов и изображений для выбранного объекта — открывается ссылка на фото места или здания по возможности того же года, что и карта (источник — сайт pastvu.com, либо wikipedia.org). Реализована функция «поделиться», при нажатии на которую выходит «всплывающее» окно с адресными ссылками на карту; можно скопировать URL, координаты центра карты и положения курсора. Здесь же помещен адрес объекта с индексом, QR-код, а также ссылки на соцсети и html-код для размещения фрагмента на сайте.

На данный момент на сайте размещены интерактивные фотокопии планов Тюмени 1808, 1861, 1885, 1895, 1905, 1917, 1921, 1937 и 1941 гг., карта 1960 г., туристическая схема 1981 г. Тюмени и окрестностей, туристическая схема 1986 г., туристический план 1990 г., окрестности Тюмени 1991 г., карта Тюмени 1991 г. Все эти карты можно сравнить с современной, при этом используя удобные инструменты ресурса. Как видно из краткого описания, этот ресурс представляет собой уникальный источниковый слой и рабочий инструмент для исследователя. Анализ и сравнение карт позволит не только проследить динамику появления и исчезновения, место расположения (протяжения) геопространств, конкретных объектов,

топонимов, но и получить важные источники по актуализации и угасанию исторической и социальной памяти культурного ландшафта города.

Обращаясь к третьему этапу изучения города, мы предлагаем раскрыть его культурный ландшафт (далее — КЛ), опираясь на следующие познавательные акценты.

Контекст формирования и развития КЛ Тюмени: политический (влияние общемировой и общероссийской, региональной ситуации, центральной и местной власти — госзаказ/соцзаказ), экономический, исторический (различные наслоения дореволюционного и советского прошлого) и социокультурный (запрос общества и культурной политики) контексты, с учетом изменения текущих приоритетов.

Географические, экономические, исторические и социокультурные особенности города, ментальности его населения

Динамика инфраструктуры города. Предлагается выделение материальной и культурной инфраструктуры. Материальная составляющая — так называемые «ландшафтные структуры» — здания, памятники и мемориальные комплексы, дороги, улицы, мосты, парки, сады, скверы и бульвары (также их образ и топонимика). Культурная инфраструктура — учреждения/объекты культуры и образования, осуществляющие наполнение/созидание антропогенного КЛ города — вузы, музеи и библиотеки, театры, кинотеатры, ДК, спортивные комплексы и т. д.

Историческая и культурная память города/горожан. Как известно, формируют и поддерживают память города/горожан учреждения культуры (библиотеки, музеи, театры, кинотеатры), топонимическая система, коммеморативные практики и городские праздники, городская символика и объекты (знаковые архитектурные и исторические памятники, места). Каждый материальный и духовный объект несет в себе информацию о прошлом и настоящем города, он оказывает влияние на историческую и культурную память.

Образ города — восприятие Тюмени горожанами и гостями.

Персональная история КЛ. Люди, внесшие значимый вклад в формирование, созидание всех слоев КЛ (здесь применимы взгляды на ведущую роль человека/знаковой личности И. В. Гревса, В. Г. Рыженко, Ю. А. Веденина).

Завершающий этап исследования предполагает посещение города, изучение отмеченных акцентов при помощи включенного наблюдения, натурного обследования, проверка полученного знания, при необходимости — корректировка.

Характеристика историографического и источникового комплексов, включающих в том числе и электронные ресурсы, позволяет сделать определенные выводы. Можно утверждать, что сегодня уже сформирован значительный, а благодаря цифровым технологиям — еще и доступный, информационный слой эффективных познавательных подходов и репрезентативных источников, позволяющий изучать культурный ландшафт современной Тюмени в динамике с учетом преемственности и разрывов прошлого и настоящего, как многомерный/многослойный целостный объект в исторически проявляющемся единстве всех сторон его жизни (Н. П. Анциферов).

Список литературы

1. *Петренко О. В.* Общедоступные библиотеки в культурном ландшафте современной Тюмени // Культурные ландшафты сибирского города : проблемы теории и практики : сб. науч. работ / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. : Институт Наследия, 2020. — С. 22–56.
2. Тюмень // Индекс качества городской среды : [сайт]. — URL: <https://индекс-городов.рф/#/cities/2180> (дата обращения: 11.11.2020).
3. Методика // Индекс качества городской среды : [сайт]. — URL: <https://индекс-городов.рф/#/methodology> (дата обращения: 11.11.2020).
4. *Ведешин Ю. А.* География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. — М. : Новый Хронограф. — 2018. — 472 с.
5. *Ведешин Ю. А.* Культурно-ландшафтное пространство Москвы : проблемы охраны и развития // Наследие и современность. — 2018. — № 4. — С. 44–58.
6. *Алисов Д. А.* Культурный ландшафт малого города : вопросы теории и методологии // Культурные ландшафты сибирского города : проблемы теории и практики [электронное издание]. — М. : Институт Наследия, 2019. — С. 4–17.
7. *Алисов Д. А.* Культурный ландшафт города : концепция, структура, индикаторы // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики) : материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) [Электронное издание] / под ред. Д. А. Алисова, О. В. Петренко. — Омск : Сибирский филиал Института Наследия, 2020.
8. *Беленький И. Л.* Город. Урбанистика. Материалы к библиографии отечественной и переводной литературы (1960–1990-е гг.) // Россия и современный мир. — 2000. — № 1. — С. 82–91.

9. Историческая урбанистика : прошлое и настоящее города. Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). — Курган : ООО «Курганский Дом печати», 2015. — 820 с.
10. *Агеев И. А.* Методологический ресурс исторической урбанистики в современных исследованиях городских пространств // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 385. — С. 79–84.
11. *Рыженко В. Г.* Сибирское городоведение рубежа XX–XXI веков : поиски подходов к изучению культурного пространства города // История и культура городов России : от традиции к модернизации : материалы Всерос. науч. конгр., посвящ. 290-летию Омска (Омск, 12–14 окт. 2006 г.) / ред. Д. А. Алисов, А. В. Бородавкин, П. П. Вибе и др. — Омск : Наука, 2006. — С. 14–17.
12. Бреславский А. С. Постсоветский Улан-Удэ : культурное пространство и образы города (1991–2011 гг.). — Улан-Удэ : Бурятский госуниверситет, 2012. — 156 с.
13. *Рыженко В. Г.* О методиках выявления трансформаций образов прошлого в локальных культурных пространствах постсоветской России // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2018. — № 4. — С. 53–57.
14. Культурные ландшафты сибирского города : проблемы теории и практики [Электронное издание] / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. : Институт Наследия, 2019 — 154 с.
15. Культурные ландшафты современного города : сборник научных работ [Электронное издание] / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. : Институт Наследия, 2020. — 130 с.
16. *Бондарь В. В.* Опыт характеристики культурного ландшафта исторического поселения : город Армавир // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики) : материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) [Электронное издание] / под ред. Д. А. Алисова, О. В. Петренко. — Омск : Сибирский филиал Института Наследия, 2020.
17. Культурные ландшафты исторических поселений как особая категория наследия (на материалах Северо-Западного Кавказа) : монография / В. В. Бондарь, О. Н. Маркова. — М., 2020. — 334 с.
18. *Лейбович О. Л., Кабацков А. Н., Шушикова Н. В.* Большой город в постсоветском пространстве // Мир России. — 2004. — № 1. — С. 91–105.
19. *Уварова Т. Б., Самарина Т. Н., Орлов Ф. О.* Малые города центральной России в постсоветских урбанистических процессах : социокультурные особенности (по материалам обследования г. Лебедянь) // Малые

- города — большие проблемы. Социальная антропология малого города : сб. мат. — М., 2014. — С. 224–254.
20. Трансформации локальных культурных пространств : от символики советской эпохи к современным образам и символам памяти о прошлом // Российский фонд фундаментальных исследований : [сайт]. — URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/project_search/o_2071993 (дата обращения 20.11.2020).
 21. *Рыженко В. Г.* Историко-культурологическая модель изучения трансформаций локальных культурных пространств поселений (конец XX — начало XXI века) // Сибирь, Россия, мир в исследовательском и образовательном пространстве : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. памяти проф. В. И. Соболева (Новосибирск, 11–12 апреля 2018 г.) / под ред. В. А. Зверева. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2019. — Ч. 1. — С. 159–164.
 22. *Рыженко В. Г.* Возможности интеллектуальной истории для разработки региональных и локальных исследовательских проектов // Всеобщая история и историческая наука в XX — начале XXI века : сб. ст. и сообщений : в 2 т. / сост. и отв. ред. Г. П. Мягков, Е. А. Чиглинецв. — Казань : Издательство Казанского университета, 2020. — Т. 1. — С. 44–48.
 23. *Алисов Д. А., Гейфнер О. В., Золотова Т. Н., Хилько Н. Ф.* Культурные ландшафты советского города: сибирские города позднего социализма : монография. — М. : Институт Наследия, 2018. — 121 с.
 24. *Горелова Ю. Р.* Образ города в восприятии горожан : монография [Электронное издание]. — М. : Институт Наследия, 2019. — 154 с.
 25. Образные характеристики городской среды как ресурс развития территории : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 1 октября 2020 г.) [Электронное издание] / отв. ред. Ю. Р. Горелова, О. В. Петренко. — Омск : Сибирский филиал Института Наследия, 2020. — 392 с.
 26. Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики) : материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) [Электронное издание] / под ред. Д. А. Алисова, О. В. Петренко. — Омск : Сибирский филиал Института Наследия, 2020.
 27. *Петренко О. В.* Информационный слой культурного ландшафта современной Тюмени // Культурные ландшафты сибирского города. Проблемы теории и практики. — М. : Институт наследия, 2019. — С. 18–25.
 28. *Петренко О. В.* Опыт изучения городского культурного ландшафта в Институте культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва в 1992–2013 гг. : к постановке проблемы // Проблемы культуры городов

- России : культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики): материалы X Всероссийского научного симпозиума (Омск, 30 сентября 2020 г.). — Омск : Сибирский филиал Института Наследия, 2020.
29. *Алисов Д. А.* История культуры главных административных центров Западной Сибири в трудах историков и краеведов // Алисов Д. А. Культура городов Западной Сибири (вторая половина XIX — начало XX века) : учеб. пособие. — Омск : ООО «Издательский дом «Наука», 2005. — 196 с.
 30. *Шахеров В. П.* Изучение сибирского дореформенного города // Шахеров В. П. Города Сибири в дореформенный период : учеб. пособие. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. — С. 7–15.
 31. *Пономарева М. А.* Историография и методология исторической урбанистики // Историческая урбанистика : теория и практика : учебник для вузов / под ред. Поповой Н. А., Пономаревой М. А. ; Южный федеральный университет. — Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2014. — 320 с.
 32. *Колокольчикова Р. С.* Историческая урбанистика : учебное пособие / под редакцией А. Н. Егорова. — Череповец : ЧГУ, 2018. — 113 с.
 33. *Резун Д. Я.* Современная урбанистика и сибирское городоведение XVII — первой половины XIX вв. // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX вв. — Новосибирск, 1987. — С. 222–247.
 34. *Резун Д. Я.* О периодизации развития исторической урбанистики Сибири XVII–XX вв. // Городская культура Сибири : история и современность. — Омск, 1997. — С. 16–32.
 35. *Алисов Д. А.* Культура главных административных центров западной Сибири в трудах советских историков и краеведов (1917–1985 гг.) // Народная культура : личность, творчество, досуг (Этнокультурный и творческий потенциал личности) : Сборник статей и материалов Всерос. науч. конф., посвящ. памяти члена-корреспондента Международной академии высшей школы, профессора Михаила Ефимовича Бударина / отв. ред. И. А. Селезнева, Л. В. Секретова, Н. А. Томилев. — Омск, 2003. — С. 298–299.
 36. Российский город XX века и советская культура в новейших исследовательских практиках // Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А. Пространство советского города (1920-е — 1950-е гг.) : теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири) / Отв. ред. В. Г. Рыженко. — Омск : ООО «Издательский дом «Наука», 2004. — С. 14–89.

37. *Алисов Д. А.* Культура городов Азиатской России (Западная Сибирь) второй половины XIX — начала XX веков в современной отечественной литературе (1985-2005 годов) // История и культура городов России : от традиции к модернизации / отв. ред. Д. А. Алисов, Ю. Р. Горелова, Н. А. Томилов. — Омск : ООО «Издательский дом «Наука», 2006. — С. 9–14.
38. *Томилов Н. А.* Культура городов в исследованиях российских ученых-этнографов // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография / отв. ред. Д. А. Алисов, Ю. Р. Горелова. — Омск : ООО «Издательский дом «Наука», 2010. — С. 20–24.
39. *Гончаров Ю. М.* Барнаульская школа исторического городоведения на рубеже XX — XXI вв. // Историческая урбанистика : прошлое и настоящее города : сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). — С. 14–28.
40. *Стась И. Н.* Историческая урбанистика в Сибири // Историческая урбанистика : прошлое и настоящее города: сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). — С. 28–46.
41. *Стась И. Н.* Урбан-история на Юге России : взгляд из Сибири // Новое прошлое / The New Past. — № 3. — 2017. — С. 96–116.
42. *Стась И. Н.* Историческая урбанистика в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2019. — № 3 (50). — С. 93–104.
43. *Ястребицкая А. Л.* Европейский город (средние века — раннее новое время). Введение в современную урбанистику. — М., 1993. — 270 с.
44. *Ретина Л. П.* Город, общество, цивилизация : историческая урбанистика в поисках синтеза // Город как социокультурное явление исторического процесса. — М. : Наука, 1995. — С. 32–38.
45. *Ретина Л. П.* Теоретические основания и перспективы региональной истории // Преподаватель XXI век. — 2013. — № 3. — С. 266–273.
46. *Трубина Е. Г.* Город в теории : опыты осмысления пространства. — М. : Новое литературное обозрение, 2010. — 520 с.
47. *Пономарева М. А.* История одного города : от глобальных изменений до повседневных практик // Новое прошлое / The New Past. — 2017. — № 3. — С. 10–24. — DOI 10.23683/2500-3224-2017-3-10-24.
48. *Лубский А. В.* Повороты методологические в историческом познании // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. — М. : Аквилон, 2014. — С. 386–388.
49. *Петренко О. В.* Социоисторический и культурно-антропологический поворот в отечественной исторической науке: еще раз о том, как

- все начиналось // Стены и мосты : междисциплинарные подходы в исторических исследованиях : материалы Международной научной конференции (Москва, 13–14 июня 2012 г.). — М. : Совпадение, 2012. — С. 244–251.
50. *Петренко О. В.* Культурно-антропологический поворот и проблема творческой личности в отечественной исторической науке // Культурологические исследования в Сибири. — Омск : ООО «Издательский дом «Наука», 2012. — № 2 (37). — С. 11–22.
51. *Баткин Л. М.* О том, как Гуревич возделывал свой аллод // Одиссей. — М., 1994. — С. 5–27.
52. *Свешников А. В.* Культурологические и структуралистские тенденции в отечественной гуманитарной мысли 1970-х гг. // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. — Омск, 2005. — С. 603–627.
53. *Зак Л. М.* Советская культура в исторической науке 60–70-х годов. Методология. Общие проблемы // Зак Л. М. История изучения советской культуры. — М., 1981. — С. 61–84.
54. Предмет и метод истории культуры // История СССР. — 1979. — № 6. — С. 95–171.
55. *Рыженко В. Г.* Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы : вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. — Екатеринбург, Омск, 2003. — 370 с.
56. *Карлов В. В. В. Л. Янин и «Лаборатория истории русских городов»* // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук : сборник материалов XX Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием 23 апреля 2020 г. — Киров, 2020. — С. 134–141.
57. Город как социокультурное явление исторического процесса. — М. : Наука, 1995. — 351 с.
58. Городская культура Сибири : история, памятники, люди : сб. науч. ст. / Отв. ред. Д. Я. Резун. — Новосибирск : Новосиб. университет, 1994. — 190 с.
59. Городская культура Сибири : история и современность : сб. науч. тр. / отв. ред. канд. ист. наук Д. А. Алисов. — Омск : ОмГПУ, 1997. — 153 с.
60. Городская культура Сибири : традиции и новации : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Покровский (отв. ред.) и др. — Новосибирск : ИИ СО РАН, 2002. — 185 с.
61. Проблемы культуры городов России : сб. материалов / отв. ред. Д. А. Алисов. — Омск, 1996–2012.
62. *Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А.* Пространство советского города (1920–е — 1950–е гг.) : теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характе-

- ристики (на материалах Западной Сибири) / Отв. ред. В. Г. Рыженко. — Омск : ООО «Издательский дом «Наука», 2004. — 292 с.
63. *Малкова И. Г.* Основы междисциплинарного исследования социокультурного пространства города // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2-х ч. — Тамбов : Грамота, 2012. — № 10 (24). — Ч. II. — С. 122–126.
64. *Кошман Л. В.* Культурное пространство русского города XIX — начала XX вв. К вопросу о креативности исторической памяти. // Человек и культура. — 2013. — № 2. — С. 42–115. — DOI 10.7256/2306-1618.2013.2.639.
65. *Мастеница Е. Н.* Культурное пространство города : пути постижения и интерпретации // ТРУДЫ СПБГИК. — 2015. — № 212. — С. 223–237.
66. *Рыженко В. Г., Быкова А. Г.* Культура Западной Сибири : история и современность : Учебное пособие. — Омск, 2001. — 327 с.
67. *Рыженко В. Г.* Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект) : монография. — Омск : Изд-во Ом. гос. Ун-та, 2010. — 340 с.
68. *Белов А. В.* Изучение города в контексте региона. Попытка обоснования функционально-сетевого подхода // Историческая урбанистика : прошлое и настоящее города : сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). — С. 91–104.
69. *Гревс И. М.* Монументальный город и исторические экскурсии. (Основная идея образовательных путешествий по крупным центрам культуры) // Экскурсионное дело. — 1921. — № 1. — С. 21–34.
70. *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга. — Петербург : Изд-во «Брокгауз-Ефрон», 1922. — 226 с.
71. *Анциферов Н. П.* Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. — 2-е изд., испр. и доп. — Ленинград : Сеятель, 1926. — 151 с.
72. *Анциферов Н. П.* Краеведный путь в исторической науке (историкокультурные ландшафты) // Краеведение. — 1928. — № 6. — С. 321–338.
73. *Сизинцева Л. И.* У истоков экскурсионного изучения города. Из практики И. М. Гревса // Анциферовские чтения : Материалы и тезисы конференции 22 декабря 1989 г. — Л., 1989. — С. 37–39.
74. *Рыженко В. Г., Назимова В. Ш.* Культурно-цивилизационный ландшафт малых сибирских городов в экстремальных условиях (XX век) // Проблемы культуры городов России. Материалы III Всерос. науч.-практ. семинара. — Ишим-Омск, 1997. — С. 14–21.

75. Коломейцева О. В. Культурный ландшафт Российского города // Юбилейная научная конференция «Культурный ландшафт : теория и практика» (3-11 ноября 2003 г.) : [интернет-конференция]. — URL: <http://www.kultland2003.narod.ru/1-4.html> (дата обращения: 20.11.2020).
76. Архив семинара / Географический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова : [сайт]. — URL: <http://www.geogr.msu.ru/science/mdis/land/archive/> (дата обращения: 20.11.2020).
77. Калуцков В. Н., Красовская Т. Н. Семинар «Культурный ландшафт» — 10 лет пути // Культурный ландшафт : Теоретические и региональные исследования. Третий юбилейный выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт» / Отв. ред. В. Н. Калуцков, Т. М. Красовская. — М. : Изд-во Моск. Ун-та, 2003. — С. 5–9.
78. Тулиганова И. В. Город как культурный ландшафт // Вестник Поволжского института управления. — 2007. — № 13. — С. 163–168.
79. Смолицкая Т. А., Король Т. О., Голубева Е. И. Городской культурный ландшафт : Традиции и современные тенденции развития. — М. : URSS; ЛИБРОКОМ, 2016. — 272 с.
80. Скуднева М. В. Культурный ландшафт исторического города Сибири : автореферат дис. ... канд. архитектуры : 18.00.01 / Новосиб. гос. архитектур.-строит. ун-т. — Новосибирск, 2005. — 26 с.
81. Вольская Л. Н., Скуднева М. В. О культурном ландшафте исторических городов Сибири // Известия высших учебных заведений. Строительство. — 2005. — № 6 (558). — С. 67–70.
82. Михеева Г. А. Проблемы формирования и функционирования культурного ландшафта русского провинциального города в XV–XIX вв. : На примере города Малмыжа Кировской области : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. — Чебоксары, 2006. — 21 с.
83. Жиров А. А. Тильзит — Советск : изменение культурного ландшафта города после войны // Национальное культурное наследие России : региональный аспект : мат. V Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. С. В. Соловьевой. — Самара : Самарский государственный институт культуры, 2017. — С. 261–265.
84. Кисиленко А. П. Принципы формирования культурного ландшафта исторического центра Белгорода // Наука. Искусство. Культура. — 2016. — № 2 (10). — С. 158–165.
85. Ермолаева Ю. Н. Формирование культурного ландшафта города Якутска // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 3. — С. 112–115.
86. Кулешова М. Е., Стрелецкий В. Н. Формирование и эволюция представлений о культурном ландшафте // В фокусе наследия. Сборник

- статей, посвященный 80-летию Ю. А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия. — М. : Институт географии РАН, 2017. — С. 313–329.
87. *Петренко О. В.* Теоретические основания изучения объектов наследия : опыт Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения : Материалы IV Всеросс. с международным участием науч.-практ. конф. (Новосибирск, 22–23 окт. 2020 г.) / Отв. ред. д-р ист. наук О. Н. Шелегина, д-р ист. наук Г. М. Запороженко; Ин-т истории СО РАН. — Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2020. — С. 62–75.
88. *Веденин Ю. А.* Очерки по географии искусства. — М. : Институт Наследия; СПб : Дмитрий Буланин, 1997. — 224 с.
89. *Веденин Ю. А.* География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. — М. : Новый Хронограф. — 2018. — 472 с.
90. Культурный ландшафт как объект наследия / отв. ред. Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. — М. : Институт Наследия; СПб. : Дмитрий Буланин. — 2004. — 620 с.
91. О возможностях историко-культурологического изучения российского города XX в. // Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А. Пространство советского города (1920-е — 1950-е гг.) : теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири) / Отв. ред. В. Г. Рыженко. — Омск : ООО «Издательский дом «Наука», 2004. — С. 17–39.
92. *Туровский Р. Ф.* Культурные ландшафты России. — М. : Институт Наследия, 1998. — 210 с.
93. *Кулешова М. Е.* Природно-культурный каркас и его роль в решении экологических проблем // Материальная база сферы культуры. Информкультура. — М., 1999. — Вып. 1. — С. 76–81.
94. *Кулешова М. Е.* Факторы культурно-ландшафтной дифференциации территории — природный каркас, его экологические функции и природно-культурный каркас // Культурный ландшафт как объект наследия. — С. 82–104.
95. *Кулешова М. Е.* Наследие и природно-культурный каркас территорий // Известия Самарского научного центра РАН. — 2007. — № 1. — С. 7–14.
96. *Кулешова М. Е.* Систематика культурных ландшафтов // Культурный ландшафт как объект наследия. — С. 145–162.
97. *Попов В. Б.* Многомерный подход в научной литературе : вехи концептуального осмысления // Філософ. Дослідження, 2010. — Вип. 12, Ч. I. — С. 199–211.

98. *Калуцков В. Н., Ухов С. Ю.* Постсоветский городской культурный ландшафт и его основные тренды // Географическая наука Узбекистана и России : общие проблемы, потенциал и перспективы сотрудничества / Отв. ред. Ф. Х. Хикматов и А. Г. Дружинин. Материалы Международной научно-практической конференции (Ташкент, 13–19 мая 2019 г.). — Ташкент, 2019. — С. 126–131.
99. *Митин И. И.* Место как палимпсест : мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии : экспертные мнения, аналитика, концепты / Под ред. А. Г. Дружинина и В. Н. Стрелецкого. — Ростов-н/Д : Изд-во Южного фед. Ун-та, 2014. — С. 147–156.
100. *Калуцков В. Н., Чугункова А. С.* Трансформация столичного ландшафта постсоветских стран (на примере Ташкента, Баку и Минска) // Псковский регионологический журнал. — 2020. — № 1 — (41). — С. 67–76.
101. Вехи, события, лики Тюменской эпохи. Ч. 1. Тюменская область. Города и районы : библиографический указатель / ГАУК ТОНБ; сост. Н. В. Колобова; ред. О. Ю. Левина; отв. за вып. О. Б. Адамович. — Тюмень, 2014. — 168 с.
102. Тюмень начала XXI века : монография / В. П. Клюева, В. И. Ульянов; ред. В. Р. Цибульский. — Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. — 335 с.
103. Город как культурное пространство : материалы регион. науч. конф. Тюмень, 20–21 февраля 2003 г. — Тюмень : Экспресс, 2003. — 300 с.
104. Тюмень : образ, душа, судьба / Тюм. гос. ун-т ; ред. Н. П. Дворцова; сост. Н. Н. Горбачева и др. — Тюмень : Тюмень, 2004. — 480 с.
105. Возрождение исторического центра г. Тюмени. Тюмень в прошлом, настоящем и будущем : материалы науч.-практ. конф. — Тюмень : Вектор Бук, 2004. — 128 с.
106. Первый вуз земли Тюменской. 1930–2005 : тюменский государственный университет / гл. ред. Г. Ф. Шафранов-Куцев. — Тюмень : ТГУ, 2005. — 352 с.
107. Печатные СМИ Тюменской области : век XIX — век XXI. В 2 т. / ред. : В. С. Горбачев, А. В. Туринцев. — Тюмень : Тюменский издательский дом, 2013.
108. Словцовские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. краевед. конференций. — Тюмень, 2000–2007, 2016. — (Вып. XII–XIX).
109. Земля Тюменская : Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. — Тюмень, 2000–2017.
110. *Колева Г. Ю.* Становление индустриально-урбанистического общества на территории Тюменской области : монография / Г. Ю. Колева,

- И. Н. Стась, И. И. Шорохова; под ред. Г. Ю. Колевой. — Тюмень : ТюмГНГУ, 2013. — 284 с.
111. Тюменская область // География Сибири в начале XXI века: в 6 т. / гл. ред. В. М. Плюснин. — Новосибирск : Академическое изд-во «Гео», 2016. — Т. 5. Западная Сибирь / Отв. ред. Ю. И. Винокуров, Б. А. Красноярова. — С. 278–319.
112. *Козлова-Афанасьева Е. М.* Архитектурное наследие Тюменской области : научный каталог. — Тюмень : ООО «Изд-во Искусство», 2008. — 448 с., 1502 ил.
113. Тюменская область от А до Я. В 4 т. — Тюмень : Сибирский издат. дом, 2003–2006.
114. *Азов Н. И.* Тюмень // Большая Тюменская энциклопедия. — Тюмень, 2004. — Т. 3. — Р–Я. — С. 285–287.
115. Тюменская область. Народы. Языки. Культуры. — Тюмень : Экспресс, 2007. — 441 с.
116. *Азов Н. И., Резун Д. Я.* Тюмень // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. — Новосибирск : «Историческое наследие Сибири», 2009. — Т. 3. — С–Я. — С. 338–340.
117. Тюмень // Большой энциклопедический словарь Сибири и Дальнего Востока / гл. ред. А. П. Статейнов. — Красноярск : Буква Статейнова, 2012. — Т. 2. — С. 324–326.
118. *Горячко М. Д., Павлинов П. С.* Тюмень // Большая российская энциклопедия. — Москва, 2016. — Том 32. — С. 618–619.
119. Образование в Тюменской области (2001/2002–2005/2006 учебные годы) : стат. сб. В 2 т. / Федер. служба гос. статистики, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Тюм. обл. — Тюмень, 2006.
120. Культура в Тюменской области (2001–2005) : стат. сб. / Федер. служба гос. статистики, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Тюм. обл. — Тюмень : Изд-во Территор. органа Федер. службы гос. статистики по Тюм. обл., 2006. — 111 с.
121. Культура и искусство Тюменской области : информационно-аналитический сборник : 2011–2017 гг. — Тюмень, 2018. — 60 с.
122. Тюмень : прошлое и настоящее в цифрах : стат. сб. / Федер. служба гос. статистики, Террит. орган Федер. службы гос. статистики по Тюм. обл.; ред. Н. Ф. Менова. — Тюмень, 2011. — 407 с.
123. *Заварихин С. П., Жученко Б. А.* Архитектура Тюмени. — Тюмень : Изд-во «Радуга-Т», 2004. — 296 с.
124. *Пухлякова М. Ю., Ситникова Е. В.* Деревянная архитектура Тюмени конца XIX — начала XX в. // Вестник ТГАСУ — 2018. — Т. 20. — № 1. — С. 32–46.

125. *Ситникова Е. В., Пухлякова М. Ю.* Вклад Тюменского купечества в формирование культового зодчества г. Тюмени // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. — 2016. — № 3 (56). — С. 70–81.
126. *Вольнец Е. И., Куликова И. В.* Градостроительное развитие исторических районов города Тюмени конца XIX — начала XX в. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. — 2019. — Т. 21. — № 2. — С. 24–36.
127. *Бухвалова А. Ю., Клюкина А. И.* История градостроительства города Тюмени и современные проблемы сохранения исторической планировки // Баландинские чтения. — 2018. — Т. 13. — № 1. — С. 394–400. — DOI 10.24411/9999-001A-2018-10060/
128. *Егорова А. В.* Стиль модерн в архитектуре г. Тюмени // Сибирское купечество : истоки, деятельность, наследие : материалы третьей Всероссийской научной конференции. — Томск : Томский государственный архитектурно-строительный университет, 2019. — С. 67–69.
129. Формирование архитектурного облика городов Западной Сибири в XVII — начале XX веков и местное купечество (Тобольск, Тюмень, Томск, Тара, Омск, Каинск) / В. П. Бойко, Е. В. Ситникова, О. В. Богданова [и др.]. — Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2017. — 324 с.
130. *Ситникова Е. В.* Историко-архитектурное наследие купцов Колокольниковых в г. Тюмени // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. — 2015. — № 4 (51). — С. 36–48.
131. *Курмачев В. А.* Храмы города Тюмени : Время. События. Люди. 1700–2003 гг. : монография / ред. А. В. Чернышов. — Тюмень : РУТРА, 2003. — 607 с.
132. *Белов С. Л.* Экспозиционная деятельность Тюменского областного краеведческого музея : прошлое, настоящее, будущее (к 125-летию музея) // Земля Тюменская : Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея : 2004. — Тюмень, 2005. — Вып. 18. — С. 325–332.
133. Тюменское радио. Век XX — век XXI / сост. : А. К. Омельчук, В. А. Шилина, Ю. В. Шакурская. — Тюмень : Инфо-Плюс, 2009. — 382 с.
134. *Ильина Л. Е.* Историко-культурное наследие Западной Сибири (на примере экспозиционной деятельности Тюменского областного краеведческого музея имени И. Я. Словцова в конце XX — начале XXI века) // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 7. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/> (дата обращения: 14.10.2018).
135. *Литовченко В. П.* Дома как люди. От особняка купцов Брюхановых до здания Информационно-библиотечного центра : монография /

- В. П. Литовченко, А. Л. Вычугжанин, А. А. Петрушин. — Тюмень : Тюменский гос. ун-т, 2015. — 214 с.
136. *Костова Р. С.* Социальная роль библиотеки в жизнедеятельности населения г. Тюмени // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2011. — № 2. — С. 78–82.
137. *Скульмовская Л. Г.* Музей как участник формирования социально-культурной среды // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики) : материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.).
138. Тюмень // Развитие евразийских городов : Обзор особенностей развития / авт. коллектив. — М., 2018. — С. 337–338.
139. *Петренко О. В.* Информационный слой культурного ландшафта современной Тюмени в сети Интернет // Сохранение культурного наследия и художественное достояние регионов России : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. — Омск, 2018. — С. 66–72.
140. *Пономарева О. С.* Поговорим о театре... // Департамент культуры Тюменской области : [сайт]. URL: <http://www.kultura-to.ru/new/index.php/pogovorim-o-teatre/> (дата обращения: 20.11.2020).
141. Презентация проекта // RETROMAP.RU : [сайт]. URL: http://retromap.ru/retromap_2020.pdf (дата обращения: 20.11.2020).

А. В. Кузнецова

**Город Куйбышев Новосибирской области:
трансформация культурного ландшафта
в период перехода от советской эпохи
к современности***

Аннотация. В статье рассматриваются особенности отражения памяти о прошлом в культурном ландшафте исторического малого города в период перехода от советской эпохи к современности. Обращение к фигурам, местам памяти, а также топонимике Куйбышева (Каинска) позволило выявить основные тенденции увековечивания памяти, характерные для постсоветского периода, их отличия от советских традиций увековечивания.

Ключевые слова: историческая память; мемориальное пространство; город; культурный ландшафт; места памяти; топонимика; город Куйбышев.

Мемориальный поворот рубежа XX–XXI вв. в исторической науке привел к актуализации изучения проблем, связанных с исторической памятью: процессов ее формирования, функций, особенностей взаимодействия памяти и истории, памяти и науки. Востребованными стали такие направления исследований, как изучение механизмов коммеморации, путей формирования исторических образов в массовой и групповой памяти, в мемориальной политике. Одним из значимых аспектов в русле данной проблематики является исследование особенностей культуры памяти на разных исторических этапах. По определению А. В. Святославского, культура памяти включает в себя деятельность по увековечению современной мемориализатору культуры, а также реконструкцию культуры, ушедшей в прошлое [1, с. 9]. К настоящему моменту разработка озвученных проблем ведется исследователями различных гуманитарных дисциплин как в теоретико-методологическом ракурсе, так и в качестве конкретных прикладных разработок. Сложился целый ряд направлений и авторитетных научных школ: в зарубежной гуманитаристике стоит отметить концепции коллективной памяти М. Хальбвакса [2], культурной памяти Я. Ассмана [3], теорию

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00329

П. Нора о «местах памяти» [4]. В отечественной историографии данная проблематика плодотворно разрабатывается Российским обществом интеллектуальной истории во главе с Л. П. Репиной [5, 6]; И. М. Савельевой и А. В. Полетаевым [7]; А. В. Святославским [8] и др.

Мы опираемся на упоминаемую выше концепцию «мест памяти» французского историка П. Нора — одну из самых востребованных в современной исторической науке. П. Нора ввел в научный оборот понятие «места памяти» для обозначения неких символических артефактов, следов прошлого, преобразованных обществом с помощью целенаправленной политики власти, научных изысканий или под влиянием культуры и ставших востребованными, «продаваемыми». Он определяет «места памяти» как «всякое значимое единство, материального или иного порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [4, с. 79]. При этом они не обязательно являются местами в географическом понимании этого слова: это может относиться и к людям, событиям, празднествам, предметам, названиям улиц, мемориалам, зданиям, храмам, музеям, архивам, песням и другому. Условием для отнесения объекта к «месту памяти» выступает получение этим объектом какого-либо символического значения, отражающего значимое событие прошлого. К проблеме локализации памяти обращается и Я. Ассман, подчеркивая, что «память нуждается в месте, стремится определиться в пространстве» [3, с. 40]. В отечественной науке к проблемам «мемориализации пространства», создания «мест памяти» обращаются И. М. Савельева и А. В. Полетаев. Они говорят о том, что в тех случаях, когда исторические объекты в пространстве или целые местности наделяются особыми культурными смыслами, они становятся «местами памяти», музеефицируются, к ним «привязываются» различные ритуальные празднества — коммеморации [7]. А. В. Дахин вводит понятие «Лосі-совокупность» для обозначения совокупности значимых мест в пространстве. Общегородская «Лосі-совокупность» состоит из фоновых практик (повседневных условий жителей города, выступающих маркером городской идентичности), топонимики города и институтов городской коммеморации (музеев, библиотек и т. п.) [8, с. 168–169]. А. В. Дахин подчеркивает, что места — «Лосі» — представляются в качестве символов, выражающих историческую память, в том случае, если в них помимо вещественной, материальной составляющей заложена нематериальная — образы исторических событий [8, с. 170].

Актуальным направлением современных гуманитарных исследований является изучение города как социокультурного феномена. Культурное пространство города рассматривается как система, состоящая из разнородных пластов, связанных с определенными историческими и политическими периодами жизни города. При этом устоявшегося определения для понятий «культурное пространство» и «культурный ландшафт» не сложилось: существуют различные точки зрения и концепции.

В частности, А. С. Ступина подчеркивает, что важнейшими элементами, составляющими культурное пространство города, являются: городской ландшафт, социокультурная сфера, образовательная и научная жизнь, театральный мир и художественная среда. При этом культурное пространство для нее — это культура, отраженная в общественном сознании [9, с. 8]. А. С. Бреславский под культурным пространством города понимает систему культурных контекстов, включающую устойчивые признаки города и соответствующие им реалии и знаковые места городского ландшафта [10, с. 12]. Д. А. Алисов подчеркивает, что культурный ландшафт города — многомерное образование, включающее в себя три основных оси: материальную, отражающую вещественный, видимый результат деятельности людей; антропогенную (духовную) — содержащую «творения человеческого разума, культурные характеристики (искусственно созданные) городского пространства и населения. Третьей осью является Время, т. е. История» [11, с. 6]. С позиций семиотического дискурса культурный ландшафт представляется «как система матриц и кодов культуры, выражающихся в знаках и символах, непосредственно связанных с территорией и/или имеющих на территории свое материальное выражение» [12, с. 41].

«Опорной» с методологической точки зрения концепцией для нашего исследования является разработанная В. Г. Рыженко модель изучения образа города, в которой в качестве основного элемента используется понятие «культурно-цивилизационный ландшафт». Согласно данной концепции, связи между различными элементами матрицы образа города и их преобразования обеспечивает целенаправленная деятельность людей [13, с. 12–17]. Позднее эта модель была дополнена включением в матрицу музеев [14]. Значимой для нашего исследования стала также условная типология «фигур памяти», согласно которой фигуры и места памяти можно распределить по трем уровням: фигуры и места общегосударственной значимости; фигуры и места регионального значения; фигуры локального значения, связанные с инициативой «снизу» [15].

Обратимся к рассмотрению особенностей трансформации мемориального пространства в культурном ландшафте малого города в период перехода от советской эпохи к современности на материалах г. Куйбышева (Каинска) Новосибирской области. Под мемориальным пространством историки понимают совокупность памятных мест и коммеморативных практик. Е. И. Красильникова подчеркивает, что мемориальное пространство — это не набор реально существующих мест памяти, а, скорее, «умозрительная конструкция, существующая в общественном сознании той или иной социальной группы в то или иное время, изменчивая и не всегда внятная» [16, с. 33]. Помимо информации, полученной во время натурного обследования (проведенного летом 2019 г. В. Г. Рыженко и А. В. Кузнецовой), в качестве источников привлекались сведения из краеведческих изданий, местной периодики, интернет-ресурсов. Местные газеты представлены подборками сектора краеведения МКУК «Центральной библиотечной системы г. Куйбышева»: материалами из папок «Для нас он память в камне сохранил... О жизни и творчестве участника ВОВ, скульптора, поэта, почетного гражданина г. Куйбышева П. В. Мартыненко»; «Наш Каинск старинный: история города на страницах местной печати». Среди интернет-ресурсов наиболее информативными оказались: Новосибирский Краеведческий портал (<http://kraeved.ngonb.ru>) и информационный сайт «Восемь плюс один. Новости Барабинска. Новости Куйбышева» (<http://8plus1.ru>).

Куйбышев (прежнее название — Каинск) — малый город в Новосибирской области, административный центр Куйбышевского района. В 1722 г. было основано укрепление Каинский Пас, и уже в 1782 г. поселение получило статус уездного города [17, с. 212]. Быстрое развитие было предопределено расположением на Московско-Сибирском тракте: исследователи отмечают, что именно линия тракта (проходящая по современным улицам Войкова и Краскома) оказала влияние на складывание дальнейшей планировочной структуры города [18, с. 32–35]. В начале XX века Каинск постепенно теряет свой статус экономического центра округа: из-за того, что новая транспортная артерия — Транссибирская железная дорога — была проложена в стороне от города [19]. В 1935 году Каинск был переименован в Куйбышев. Современный Куйбышев интересен большим количеством сохранившихся архитектурных памятников конца XIX — начала XX вв.: в городе зарегистрировано 36 объектов культурного наследия, среди которых памятники архитектуры и истории регионального и местного значения [20, с. 17].

В 1990 г. Куйбышеву был присвоен статус исторического города Российской Федерации [21, с. 18].

Значимой частью городского культурного ландшафта является топонимика: совокупность наименований создает особый символический ландшафт, отражает особенности отражения памяти о прошлом. В Куйбышеве, как и в других городах, на сегодняшний день мы имеем тот набор топонимов, который складывался в течение многих лет. Наиболее интенсивная трансформация топонимических координат относится к советскому периоду: именно для советской власти было характерно встраивание топонимики в идеологическую политику. Новые наименования улиц отражали становление новой советской культуры с новыми символами и фигурами памяти: они именовались в честь погибших в годы Гражданской войны большевиков: например, улицы П. К. Пиотровского, Я. М. Папшева, М. Добровицкого (в честь него названа улица Краскома) [22] и др.; или в честь значимых для советского государства фигур: В. И. Ленина, Ф. Энгельса, С. Н. Халтурина (народовольца, совершившего покушение на Александра II и участвовавшего в убийстве прокурора Киевского окружного суда В. С. Стрельникова [23]) и др. Массовое переименование улиц стало одним из значимых факторов (наряду с закрытием и сносом церквей, возведением новых памятников, строительством заводов и фабрик, жилищным строительством), превративших дореволюционный, торгово-купеческий Каинск в новый: социалистический, промышленный город Куйбышев.

После Великой Отечественной войны ряду улиц были присвоены имена героев: в частности, Я. Г. Агафонова, П. Е. Гуляева, А. В. Борискина, Л. С. Константинова, П. В. Мартыненко [24, 25] и др.

Новый переходный период в истории России — переход от советской эпохи к постсоветской — привел к новому витку трансформации топонимики на постсоветском пространстве. Однако эта тенденция не нашла своего отражения в изучаемом нами культурном ландшафте г. Куйбышева (Каинска): здесь не наблюдается ни отказа от советских фигур памяти, ни возвращения прежних, дореволюционных наименований. Это относится даже к достаточно спорным историческим фигурам: в частности, одна из улиц Куйбышева по-прежнему носит имя одного из организаторов расстрела царской семьи П. Л. Войкова. Натурное обследование центральной части г. Куйбышева, а также обращение к электронному картографическому материалу (в частности, к сервису Яндекс.

*Рис. 1. Мемориальный дом-музей В. В. Куйбышева.
Фото автора*

Карты [26]) показало, что к настоящему времени сохранили свои названия практически все улицы, получившие свое наименование в советский период, кроме Советского переулка.

Обратимся к монументальным и символическим местам памяти для выявления динамики трансформации культурного ландшафта Куйбышева (Каинска) в постсоветский период. Как и в ситуации с топонимическими наименованиями, наиболее ярко трансформация мемориального пространства города проявилась в период становления советской власти, сопровождающегося резким отказом от чествования прежних фигур памяти и формированием нового «пантеона» героев. Основным направлением становится увековечивание памяти о героях Гражданской войны: устанавливаются памятники на могилах погибших [27], обелиск «Борцам за Власть Советов» на Центральной площади города [20, с. 200]. После переименования Каинска в Куйбышев в 1936 г. начинается активное увековечивание имени В. В. Куйбышева: установка памятника [20, с. 199]; мемориальных досок на фасадах домов [20, с. 197], где жил революционер; открытие мемориального музея (Рис. 1).

Рис. 2. Мемориал в сквере Воинской славы: пилоны с именами погибших в Великой Отечественной войне. Фото автора

В середине XX века акцент в увековечивании памяти смещается на героев Великой Отечественной войны: устанавливаются памятники погибшим рабочим на территориях предприятий [28, с. 7, 9, 11]; паспорта улиц, названных в честь героев войны [28, с. 13]; в сквере Воинской славы появился Мемориальный комплекс «Воинам-землякам от благодарных потомков» [29, с. 282] и другое.

Помимо военно-мемориального направления для советского периода характерно увековечивание памяти о некоторых фигурах из дореволюционного прошлого, оцененных как «борцы за права народных масс»: в частности, декабристы, которые останавливались в Каинске в 1826 г. на пути в ссылку в Восточную Сибирь. В 1960-е годы на фасаде дома, где они останавливались, была установлена мемориальная доска с информацией об этом, сохраняющаяся и в настоящее время [20, с. 188]. В постсоветский период по-прежнему актуальным остается сохранение памяти о Великой Отечественной войне: в 1994 г. мемориал в сквере Воинской славы (или Первомайском сквере) был дополнен комплексом из 11-ти пилонов с именами 5052 погибших (с дальнейшим пополнением списка) (Рис. 2). [30].

*Рис. 4. Информационный стенд «Пограничные округа России».
Фото автора*

установлена мемориальная доска Н. А Сологубу, Герою Советского Союза, а в 2018 г. — Герою Советского Союза А. Л. Бугаеву: оба были выпускниками этого колледжа [33]. В 2015 г. у здания администрации города Куйбышева открыта мемориальная доска, посвященная шести героям Советского Союза и двум героям Социалистического труда, проживавшим в Куйбышевском районе [34]. В 2016 г. в Первомайском сквере был установлен образец боевой машины десанта — самоходная артиллерийская установка 2С9 «Нопа» [35]. В 2018 г., во время празднования 100-летия со дня образования пограничных войск, в сквере Воинской славы была установлена мемориальная доска с текстом: «Мы охраняли первые метры нашей Родины» [36]. В 2019 г. здесь же установили символический информационный стенд «Пограничные округа России» (Рис. 4.) [37]. В этом же году в сквере состоялось открытие площадки с установленным образцом боевой техники 1942 года — 76-мм дивизионной пушкой (ЗиС-3) [38].

К новым направлениям мемориализации, появившимся в постсоветский период, относится установка памятников жертвам

Рис. 5. Памятник «Землякам – жертвам репрессий»

(Источник: «Виртуальный музей ГУЛАГа». URL: <http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=690548005&language=1>)

политических репрессий. В марте 1990 г. на месте расстрелов и захоронений 1930-х гг. на старом кладбище Куйбышева появился Закладной камень. Позднее, в октябре 1994 здесь был установлен памятник «Землякам — жертвам репрессий» (Рис. 5), выполненный скульптором П. В. Мартыненко [39].

Еще одна группа памятников конца XX — начала XXI вв. — памятники героям локальных военных конфликтов: в Афганистане, Чечне. Например, памятник «Воинам-интернационалистам, участникам боевых действий в локальных и других войнах», установленный в 2004 г. на площади Борцам за Власть Советов (сейчас сквер «Городская площадь»). В 2006 г. памятник был демонтирован, а в 2007 г. новый памятник с тем же названием был открыт в сквере Воинской славы (автор В. А. Шебуняев) [28, с. 19]. В 2002 г. на здании ОВД г. Куйбышева установлена мемориальная доска А. А. Песчанко — капитану милиции, погибшему во время Чеченской войны [28, с. 121]; в 2006 г. на здании Гимназии № 1 имени А. Л. Кузнецовой была установлена доска в память выпускника гимназии И. А. Митрохина, погибшего в 1980 г. в Афганистане [28, с. 111].

Еще одной тенденцией в культурном ландшафте постсоветского пространства стало строительство новых храмов, а также восстановление тех, которые были утрачены в советские годы. В г. Куйбышеве это также нашло свое отражение: в 2008 г. на месте снесенного в 1930-е гг. Спасского собора установили мемориальный камень [21, с. 20]. В 2019 г. было окончательно принято решение о восстановлении собора: министерство культуры дало разрешение на перенесение памятника В. В. Куйбышеву (установленного в 1943 г. на месте снесенного Спасского собора [40]), и в июле 2019 г. он был перенесен к зданию администрации города. Строительство Спасского собора планируется завершить к 1922 г. — к 300-летию г. Куйбышева [41].

Иоанно-Предтеченская церковь, построенная в 1904 г. — единственное из культовых сооружений старого Каинска, сохранившееся и не утратившее своего назначения до настоящего времени. Исследовательница Д. И. Гончарова описывает судьбу этой церкви в советскую эпоху, вплоть до начала 1990-х: в здании церкви находились в разное время склады, дом культуры, кинотеатр «Октябрь». В 1987 г. решением Новосибирского облисполкома здание церкви было признано памятником архитектуры. С 1988 г. здесь размещался Куйбышевский краеведческий музей. А в 1990 г. здание было передано в ведение Новосибирской епархии Русской Православной Церкви, повторно освящено и возвращено верующим [42, с. 274–276].

Важным элементом культурного ландшафта города являются музеи: через экспозиции и выставки они участвуют в формировании общественного сознания, исторической памяти жителей и образа города. Музейный комплекс г. Куйбышева в настоящее время включает в себя: Краеведческий музей, экспозиционно-выставочный зал и мемориальный дом-музей В. В. Куйбышева.

Краеведческий музей был открыт в 1988 г. в здании Иоанно-Предтеченской церкви. С 2002 года музей располагается в здании по ул. Коммунистическая, 29, построенном в 1911 г. Здание музея интересно тем, что в нем как бы сочетаются две эпохи — культура купеческого Каинска и советская культура: помимо мемориальной доски, посвященной находившемуся здесь в 1920–1921 гг. уездному комитету комсомола, во внутреннем дворе музея расположены скульптуры пионеров: пионерка со знаменем, мальчик с мячом, пионер с горном, читающие девочки. В постоянную экспозицию краеведческого музея входят выставки «Каинск. 1722–1917 гг.», «Наш край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»,

«Конюшня купца И. А. Левако», «Кузница» и экспозиция под открытым небом «Дворовое купеческое хозяйство конца XIX — начала XX вв.».

Экспозиционно-выставочный зал был открыт в 2017 г. на ул. Папшева, 5 (дом построен во второй половине XIX в.) Здесь размещена экспозиция «Каинск — Куйбышев. 1914–1991 гг.».

Дом-музей В. В. Куйбышева открыт для посетителей 9 августа 1947 г. в здании 1898 г. постройки, в котором в 1912–1913 гг. жил в ожидании суда Валерьян Владимирович. Экспозиция дома-музея В. В. Куйбышева в настоящее время состоит на четырех частей: «В. В. Куйбышев в Каинской ссылке»; «Мемориальная комната В. В. Куйбышева»; «Каинск — город политической ссылки»; «Политические репрессии 1920–1950-х гг.». Первые два раздела экспозиции существовали с основания музея, последние же два открылись в 1989 году, что отражает новые веяния в музеях на фоне начавшейся в стране трансформации. Идея этой экспозиции — попытка объективно отразить события Гражданской войны и последующие действия советской власти в сфере исполнения наказаний.

Таким образом, видим, что в период перехода от советской к постсоветской эпохе в основных традициях увековечивания памяти о прошлом не произошло революционных изменений. На первом плане по-прежнему национально-государственная версия исторической памяти: создаются все новые памятники и мемориалы, посвященные героям Великой Отечественной войны, а созданные ранее памятники этой тематики наиболее бережно сохраняются, реставрируются и дополняются. Еще одним направлением государственной политики памяти является общероссийская постсоветская тенденция воссоздания разрушенных храмов. Таким образом, наиболее многочисленно в Куйбышеве представлен первый уровень в матрице иерархии «фигур памяти». Ко второму уровню — фигурам региональной значимости — можно отнести фигуру скульптора П. В. Мартыненко. Третий же уровень в Куйбышеве практически не представлен.

Однако, если топонимическая ситуация не претерпела серьезных изменений в постсоветский период, то о сфере коммеморации этого сказать нельзя. Постсоветская трансформация принесла с собой ряд новых направлений увековечивания памяти: в частности, официальная политика памяти, направленная на конструирование и поддержание «нужного» взгляда на действия власти, не позволяла создавать мемориалы и памятники, посвященные жертвам политических репрессий. То же самое можно сказать о памятниках и

мемориалах, посвященных войне в Афганистане, которая также не являлась ранее подходящей темой для увековечивания.

Некоторые черты постсоветской культуры мемориализации, характерные для многих российских городов, в Куйбышеве пока не отразились: не было создано новых памятников прежней, досоветской культуры (памятников правителям и государственным деятелям дореволюционной эпохи). Особенность Куйбышева — отсутствие в городе новых уличных скульптур, декоративных сооружений, создаваемых по инициативе «снизу», что характерно для ряда других городов в 2000–2010-е гг.

Не теряет актуальности и тема Гражданской войны, несмотря на появившиеся дискуссии по этому вопросу. Продолжает сохраняться память о В. В. Куйбышеве в прежнем виде, без привнесения новых элементов. Хотя в экспозициях мемориального музея В. В. Куйбышева появился более широкий контекст (история политической ссылки, история Гражданской войны со стороны белого движения; политические репрессии 1930-х — 1950-х гг.). Тем не менее, основной ракурс сохранения памяти о Гражданской войне остается преимущественно односторонним: кроме вышеуказанной экспозиции память о погибших сторонниках белого движения в пространстве Куйбышева никак не отражена.

Это позволяет констатировать, что применительно к России переходный — постсоветский — период нельзя назвать завершенным: современный российский культурный ландшафт по-прежнему включает в себя значительное количество символов, имеющих советскую коннотацию: в наименованиях городов, улиц, учреждений и т. п., в ряде памятников и мемориалов. Феномен затянувшегося постсоветского этапа осмысливается и в ряде работ отечественных исследователей: в частности, М. Ю. Немцев отмечает, что «современные массовые изменения топонимики и мемориалов стали бы знаком какого-то ускоренного выхода из постсоветской ситуации, а она, в принципе, достаточно “всех устраивает”. Фактическое отсутствие публичных дискуссий и тем более конфликтов по поводу сохранения советских названий, эта “топонимическая инерция” как раз и является наглядным проявлением, одним из очевидных признаков сохранения этой ситуации длящегося постсоветского общества» [43, с. 68–69].

Конечно, несмотря на вышесказанное, очевидно, что городской культурный ландшафт современного Куйбышева претерпел ряд изменений по сравнению с советским городом: появление новых архитектурных сооружений, памятников и утрата ряда старых,

изменения в транспортной сфере и многое другое. Стоит отметить, что дальнейшего изучения требует и проблема трансформации символической составляющей современного мемориального пространства, ее отличие от советской. Несмотря на сохранение в пространстве города памяти о Гражданской войне в виде памятников и топонимических наименований — насколько изменилось их восприятие обществом, несут ли они по-прежнему тот же символический смысл, который был заложен в них при создании? Каково отношение местного сообщества к новым памятникам и мемориалам, связанным с Великой Отечественной войной, коммеморативным празднествам?

Список литературы

1. *Святославский А. В.* История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. — М. : Древлехранилище, 2013. — 592 с.
2. См.: *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2–3. — С. 8–27.
3. См.: *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 363 с.
4. Цит. по: *Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / пер. с фр. : Дина Хапаева.* — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. — 328 с.
5. *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / отв. ред. Л. П. Репина.* — М. : Кругъ, 2003. — 405 с.
6. *История и память : историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной.* — М. : Кругъ, 2006. — 768 с.
7. *Савельева И. М., Полетаев А. В.* «Историческая память» : к вопросу о границах понятия // *Феномен прошлого / ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев.* — М. : ГУ–ВШЭ, 2005. — С. 170–220.
8. *Дахин А. В.* Город как место памятования // *Аналитика культурологии.* — Тамбов : Изд-во Тамбовского гос. ун-та имени Г. Р. Державина, 2011. — № 19. — С. 164–172.
9. См.: *Ступина А. С.* Культурное пространство провинциального города (Саратов второй половины XIX — начала XX века в воспоминаниях современников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Саратов, 2008. — 25 с.
10. См.: *Бреславский А. С.* Культурное пространство постсоветского Улан-Удэ : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Улан-Удэ, 2011. — 23 с.

11. Культурные ландшафты сибирского города : проблемы теории и практики [электронное издание] / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. : Институт Наследия, 2019. — 154 с.
12. *Лавренова О. А.* Семиотическая концепция культурного ландшафта // Человек : Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — М., 2019. — № 1 (36). — С. 38–47.
13. См. подробнее об этом: *Рыженко В. Г.* Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах : региональный аспект : монография. — Омск : изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. — 340 с.
14. *Рыженко В. Г.* Музеи в исследовательской модели «культурно-цивилизационный ландшафт — опорная матрица образа города» // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах — важнейшие факторы стабильного развития России : сб. науч. тр. / отв. ред. : Е. Ю. Смирнова, Н. А. Томилов. — Омск : ООО «Издательский дом «Наука», 2016. — С. 280–283.
15. *Рыженко В. Г.* Историческая наука, регионоведение, культурология: возможности кооперации вокруг проблемы «присвоения прошлого» // Историческая наука сегодня : теории, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. — М. : Издательство ЛКИ, 2011. — С. 339–340.
16. *Красильникова Е. И.* Мемориальное пространство Новосибирска в исторической динамике (1893–2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. — 2019. — № 61. — С. 32–43.
17. *Гончаров Ю. М.* «Сибирский Иерусалим» (город Каинск в XIX — начале XX в.) // Проблемы еврейской истории : мат. науч. конференций Центра «Сэфер» по иудаике 2007 года : памяти профессора Джона Дойла Клира : в 3 ч. — М. : Книжники, 2008. — С. 212–221.
18. *Рыженко Л. И.* Планировочная структура поселений как источник по Сибирскому тракту (на примере Тюкалинска и Каинска) // Московско-Сибирский тракт : история и современность, взгляд в будущее. Материалы региональной научно-практической конференции в рамках межрегиональной акции «Маршрутом А. П. Чехова по Сибири на Сахалин». — Куйбышев : МКУК «Музейный комплекс», 2016. — С. 32–41.
19. *Павлова Н. И., Гайер И. Н.* Особенности застройки города Куйбышева (Каинска) Новосибирской области в период 1722–1917 гг. // Баландинские чтения, 2015. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zastroyki-goroda-kuybysheva-kainska-novosibirskoy-oblasti-v-period-1722-1917-gg> (дата обращения: 13.09.2020).
20. Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области : каталог. Кн. 2 : районы и города Новосибирской области. — 2-е изд, перераб. — Новосибирск, 2012. — 332 с.

21. Каинск — Куйбышев : за датами — история (календарь знаменательных и памятных дат) / сост. Н. Н. Воробьева. — Куйбышев : МКУК «Централизованная библиотечная система», 2012. — 20 с.
22. МКУК «Центральная библиотечная система г. Куйбышева». Сектор краеведения. Папка с материалами «Наш Каинск старинный : история города на страницах местной печати».
23. Всемирная история в интернете. Биографический указатель // Хронос : [сайт]. — URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_h/halturin_sn.php (дата обращения: 01.10.2020).
24. Их именами названы улицы // Трудовая жизнь [Куйбышевский район Новосибирской области]. — 2016. — № 18 (14100). — 4 мая. — С. 13.
25. Их именами названы улицы (Продолжение) // Трудовая жизнь [Куйбышевский район Новосибирской области]. — 2016. — № 25 (14128), 21 июня. — С. 13. — МКУК «Центральная библиотечная система г. Куйбышева». Сектор краеведения. Папка с материалами «Наш Каинск старинный: история города на страницах местной печати».
26. Куйбышев, Новосибирская область // Яндекс карты : [сайт]. — URL: https://yandex.ru/maps/20103/kuybyshev/?ll=78.323278%2C55.449665&mode=search&sl=78.311111%2C55.445972&source=wizgeo&text=Россия%20%20Новосибирская%20область%20%20Куйбышев&utm_medium=maps-desktop&utm_source=serp&z=13.28 (дата обращения: 21.11.2020).
27. См.: Памятник на братской могиле партизан, расстрелянных колчаковцами в 1919 г. // Новосибирский Краеведческий портал. Достопримечательности Новосибирской области. Памятные места : [сайт]. — URL: <http://kraeved.ngonb.ru/node/3624> (дата обращения: 17.10.2020).
28. К 65-летию Победы : сб. / сост. Ресурсный центр Куйбышевского района. — Куйбышев, 2010. — 137 с.
29. Каталог «Памятники Новосибирцам — защитникам Отечества». Справочное издание / Виноградов С. Б., Воеводина Т. В., Данилевский В. Д., Кошелев А. В., Щукина Е. М. — Новосибирск, 2010. — 480 с.
30. *Миронова И.* Души погибших живут, пока их помнят // Трудовая жизнь [Куйбышевский район Новосибирской области]. — № 111(10384), 29 сентября. 1994. — МКУК «Центральная библиотечная система г. Куйбышева». Сектор краеведения. Папка с материалами «Для нас он память в камне сохранил... О жизни и творчестве участника ВОВ, скульптора, поэта, почетного гражданина г. Куйбышева П. В. Мартыненко».
31. В память о художнике и скульпторе // Провинция. — № 23 (88), 6 июня. 2001— МКУК «Центральная библиотечная система г. Куйбышева». Сектор краеведения. Папка с материалами «Для нас он память в камне

- сохранил... О жизни и творчестве участника ВОВ, скульптора, поэта, почетного гражданина г. Куйбышева П. В. Мартыненко».
32. Памятнику Матери — быть! // Официальный сайт регионального еженедельника «Вести». — № 04 (831), 24 января. 2012 г. — URL: <http://westisib.ru/novosti-kujbysheva/pamyatniku-materi-byt/> (дата обращения: 16.09.2020).
 33. Наша летопись // Официальный сайт ГАПОУ НСО «Куйбышевский Педагогический колледж» : [сайт]. — URL: <http://pedkolledg.kuybu.edu54.ru/p3aa1.html> (дата обращения: 29.09.2020).
 34. *Колтаков И. С.* День памяти и скорби в Куйбышевском районе // Партийный сетевой медиа проект Новосибирского регионального отделения партии «Единая Россия» : [сайт]. — URL: <http://ep54.pf/novost/653> (дата обращения: 30.09.2020).
 35. Артиллерия стоит в Куйбышеве // Информационный сайт «Восемь плюс один. Новости Барабинска. Новости Куйбышева» : [сайт]. — URL: <http://8plus1.ru/artilleriya-stoit-v-kujbysheve/> (дата обращения: 30.09.2020).
 36. Отметят 100-летнюю годовщину со дня образования пограничных войск России в Куйбышеве // Информационный сайт «Восемь плюс один. Новости Барабинска. Новости Куйбышева» : [сайт]. — URL: <http://8plus1.ru/otmetyat-100-letnyuyu-godovshhinu-so-dnya-obrazovaniya-pogranichnyx-vojsk-rossii-v-kujbysheve/> (дата обращения: 30.09.2020).
 37. Пограничники всегда в строю // Информационный сайт «Восемь плюс один. Новости Барабинска. Новости Куйбышева» : [сайт]. — URL: <http://8plus1.ru/pogranichniki-vsegda-v-stroyu/> (дата обращения: 30.09.2020).
 38. В сквере Воинской Славы установлен очередной образец военной техники // Портал администрации города Куйбышева Куйбышевского района Новосибирской области : [сайт]. — URL: <https://kainsk.nso.ru/news/5045> (дата обращения: 29.09.2020).
 39. Памятник «Землякам — жертвам репрессий» на месте расстрелов и захоронений на старом кладбище г. Куйбышева (Новосибирская обл.) // Виртуальный музей ГУЛАГа : [сайт]. — URL: <http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=690548005&language=1> (дата обращения: 29.09.2020).
 40. См.: *Андреева А.* Мой славный Каинск — Куйбышев // Вести [Куйбышев]. — № 11 (995), 17 марта 2015. — С. 7. — МКУК «Центральная библиотечная система г. Куйбышева». Сектор краеведения. Папка с материалами «Наш Каинск старинный : история города на страницах местной печати».

41. В Куйбышеве планируют восстановить разрушенный в советское время Спасский собор: [Видеозапись]. ГТРК Новосибирск, 2019 г. // Официальный сайт Религиозной Организации «Каинская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)»: [сайт]. — URL: <http://kainsk-eparhia.ru/v-kuibysheve-planiruiut-vosstanovit-razrushennyi-v-sovetskoe-vremia-spaskii-sobor/> (дата обращения: 02.11.2020).
42. Гончарова Д. И. Церковь Иоанна Предтечи города Каинска–Куйбышева // Региональная история : методология, источники, историография : сб. науч. трудов III Международных Усмановских чтений (Уфа, 2 декабря 2016 г.). — Уфа : Издательство Башкирского государственного университета, 2016. — С. 274–277.
43. Цит. по: Немцев М. Ю. О неизменности топонимики постсоветского Новосибирска // Историческая разметка пространства и времени : материалы семинара, провед. Волгогр. гос. ун-том при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 года / под ред. И. И. Куриллы. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2014. — С. 68–76.

Е. В. Соколова

**Влияние системных трансформаций
современного общества на формирование
культурного пространства города Тары**

Аннотация. Статья посвящена исследованию системных трансформаций культурного ландшафта города Тары Омской области. Анализ символической составляющей культурного пространства Тары позволил выделить следующие группы памятников и памятных знаков: памятники и памятные знаки, отражающие факт основания города; памятники и памятные знаки, отражающие досоветский период истории Тары; памятники и памятные знаки, отражающие советский период истории города.

Ключевые слова: культурный ландшафт; культурное пространство города; Омская область; современное общество; памятники; мемориалы; малый город.

Формирование культурного пространства территории определяется множеством факторов, которые условно можно разделить на объективные и субъективные, то есть зависящие от таланта и желания жителей. Сочетание этих факторов позволяет формировать уникальные черты территории, отражающие ее прошлое и настоящее.

Системные трансформации современного общества, которые охватывают все сферы жизни, во многом определяют формирование культурного пространства. Рассмотрим этот процесс на примере одного из малых городов Сибири — города Тара.

Несмотря на то, что Тара была основана как город-крепость в 1594 г., формирование ее культурного ландшафта долгое время тяготело к модели сельской территории. Одна из причин этого — существенное влияние сельскохозяйственной направленности деятельности, которая характеризуется неравномерной загруженностью аграрным трудом в течение года, ограниченным культурным выбором, спецификой промышленных и обслуживающих предприятий.

С началом 2000-х гг. ситуация изменяется. Во многом это обусловлено изменением государственной политики в целом. Это выражается в росте самостоятельности территорий и демократизации всех сфер жизни. Глобализация и информатизация общества сделали

границы культурного пространства города гибкими и динамичными. Усиление интереса к историческому прошлому в сочетании с его богатством привели к новой расстановке акцентов в культурном пространстве города. Современная Тара представляет собой студенческий город, что вносит свои коррективы в структуру населения. Студенчество, как особая социальная категория, задает один из векторов в формировании культурного пространства Тары.

Несмотря на целый комплекс факторов, определяющих формирование культурного пространства города, к главным, на наш взгляд, следует отнести интерес к историческому прошлому города, изменение его социального облика и степень участия горожан в его оформлении. Рассмотрим названные факторы подробнее.

Культурное пространство современной Тары позволяет даже неподготовленному обозревателю проследить ее богатое прошлое. Это возможно сделать, в первую очередь, благодаря символической составляющей: памятникам и памятным знакам. Важно отметить, что в советский период на территории города не было установлено ни одного памятника, отражающего его историю.

Анализ символической составляющей культурного пространства Тары позволил нам выделить следующие группы памятников и памятных знаков: памятники и памятные знаки, отражающие факт основания города; памятники и памятные знаки, отражающие досоветский период истории Тары; памятники и памятные знаки, отражающие советский период истории города.

Памятники и памятные знаки, отражающие факт основания города, появляются в его пространстве в начале 1990-х гг. Ключевой точкой выступает 1994 г., когда Тара отмечала свой 400-летний юбилей. В преддверии праздника — в 1992 г. — на перекрестке улиц Советской и Успенской был установлен памятный знак с условным названием «Основателям города Тары» (Рис. 1). Данный памятник был разработан московскими архитекторами и изготовлен на одном из московских заводов. Он выполнен из алюминия и представляет собой трехгранную пирамиду, на каждой из граней которой методом чеканки нанесены сюжетные композиции и текст: «Тарская крепость была основана в 1954 году князем Андреем Елецким, когда русские суда подошли к правому притоку Иртыша, реке Тары», «В Таре стояла церковь и славилась на всю Сибирь золочеными куполами, и было их шесть, весом 87 пудов 14 фунтов». Здесь же изображена фигура князя Андрея Елецкого с булавой, щитом и мячом; река с плывущими по ней стругами; сцены сражения и мирной жизни. На одной из граней изображен герб города и имеется

*Рис. 1. Памятный знак «Основателям города Тары»
(Источник: Город Тара. URL: http://taragorod.ru/publ/pamjatniki_kultry/pamjatnik_osnovatelaym_tary/5-1-0-19)*

гравировка «Тара, 1594». Первоначально планировалось сделать этот знак визитной карточкой города. И на какое-то время он был даже установлен на въезде. Но из-за небольшого размера и неброского вида памятник был признан несоответствующим поставленной задаче и перенесен на косогор в центре города.

Следует отметить, что памятный знак «Основателям города Тары» слабо вовлечен в процесс формирования исторической памяти горожан: возле памятника не проводятся мероприятия, он не является точкой экскурсионных маршрутов для жителей и гостей города.

Рис. 2. Памятный знак 400-летия Тары
(Источник: Город Тара. URL: http://taragorod.ru/photo/sovremennaja_tara/raznoe/fotografija_2/28-0-964)

Непосредственно в год 400-летия Тары в культурном пространстве города появились еще два памятных знака, свидетельствующих об его основании: памятный знак 400-летия Тары (Рис. 2) и фрагмент крепостной стены (современная реконструкция) (Рис. 3). Оба памятника расположены в центре города — на площади Юбилейной — и органично вписываются в его ансамбль. Памятный знак 400-летия Тары представляет собой восьмигранный столп высотой пятнадцать метров. Столп венчает главка с крестом, снизу которого нанесен круговой текст «От граждан города Тары в честь ее четырех веков 1594–1994». Автором проекта памятного знака

*Рис. 3. Фрагмент крепостной стены (современная реконструкция)
(Источник: Wikimedia – интерактивная карта мира.
URL: <http://wikimapia.org/25746529/ru/Тарский-острог-реконструкция#/photo/7401454>)*

выступил главный архитектор Омской области Михаил Макарович Хахаев. По его словам, памятный знак представляет собой символическую часовню, которая должна напоминать жителям города обо всех тех, кто его строил [1, с. 7].

Автором проекта фрагмента крепостной стены также выступил Михаил Макарович. В задачи архитектора входило обозначить в пространстве города место, с которого началось его строительство. Реконструкция вызывает особый интерес как жителей, так и гостей города: здесь проводятся массовые городские мероприятия, проходят экскурсионные маршруты.

В очередной юбилей города — 425-летие — в культурном пространстве Тары появился еще один памятник. Это памятник Ермаку (Рис. 4). Памятник установлен на въезде в город, на пересечении улиц Радищева и Ленина. Он представляет собой четырехметровую тридцатитонную фигуру Ермака, отлитую из бронзы. Инициатором создания памятника выступила группа тарских

Рис. 4. Памятник Ермаку

(Источник: Город Тара. URL: http://taragorod.ru/news/fotoreportazh_s_otkrytija_pamjatnika_ermaku/2019-07-28-740)

предпринимателей (Александр Лукьяненко, Евгений Жгунов, Виталий Стюф, Александр Агибалов, Михаил Пинигин и другие), которые и финансировали реализацию проекта. Изготовителем памятника стала скульптор из Одесского района Омской области Оксана Бойко. Открытие символа состоялось 28 июля 2019 г. Создание и открытие памятника объединило представителей различных социальных групп и профессий: городской и районной администрации, представителей бизнес-сообщества, казачества, краеведов, педагогов и так далее. Однако сегодня памятник выступает лишь одним из символов городского пространства и пока не является активным средством формирования исторической памяти горожан.

Памятники и памятные знаки, закрепляющие и отражающие досоветское прошлое города, представлены довольно широко. Анализ символической составляющей культурного пространства современной Тары позволяет нам выделить несколько ключевых точек в истории города, среди которых отдельно отметим купеческое прошлое города.

Купеческое прошлое города отражается в его культурном пространстве не только посредством сохранения купеческих особняков, но и топонимики. В постсоветский период на карте Тары появились такие улицы, как улица Нерпинская (в память о тарских купцах Нерпиных) и улица Немчиновская (в память о тарских купцах Немчиновых). Они органично соседствуют с такими улицами, как улица Ленина и улица Советская.

Особая проблема, связанная с сохранением купеческого наследия как ресурса индивидуализации культурного пространства малого города, заключается в сильной степени изношенности зданий. В попытке их сохранить и даже восстановить горожане используют современные строительные материалы (например, сайдинг). Это, в свою очередь, разрушает не только облик конкретного здания, но и историческую застройку в целом. Данная проблема актуальна не только для Тары, но и для многих малых городов России.

Одним из любимых мест отдыха горожан является городской сад (парк культуры и отдыха), заложенный в свое время тарскими купцами Щербаковыми. В честь 425-летнего юбилея города — в июле 2019 г. — в аллее парка была установлена двухметровая фигура купца первой гильдии Ивана Ефимовича Щербакова (Рис. 5). Автором проекта выступила педагог дополнительного образования Центра детского творчества Татьяна Терещенко. По словам автора, данная фигура не является точным портретом исторической личности, а лишь воссоздает образ купца [2]. Фигура установлена на цементном постаменте и представляет собой каркас из металлических труб и проволоки, закрытый слоем цемента, смешанного со стиральным порошком. Этот памятный знак можно считать одной из достопримечательностей города, поскольку он не только способствует формированию уникального облика города, но и свидетельствует о неравнодушии его граждан к своей малой родине.

Памятники и памятные знаки, отражающие советский период истории города, можно условно разделить на две группы: памятники, которые появились в пространстве города собственно в советское время, и памятники, которые появились в пространстве города

Рис. 5. Фигура купца первой гильдии И. Е. Щербакова. 2020 год.
Фото автора

в постсоветский период. Анализ данной группы символов позволяет сделать ряд выводов. Сегодня, в условиях повышенного внимания власти и общества к патриотическому воспитанию детей и молодежи, к формированию их активной гражданской позиции и чувства причастности к истории своего народа и своей Родины, в культурном пространстве Тары существенно расширяется спектр символов, отражающих различные события истории города в частности и страны в целом.

Памятники, которые появились в пространстве города собственно в советское время, рассмотрены нами ранее [3]. Поэтому в настоящем исследовании мы уделим особое внимание памятникам, установленным в постсоветский период.

Одной из тенденций формирования культурного пространства современной Тары является появление в городе скверов и парков. Ключевое место по праву отводится «Скверу Победы». Он представляет собой мемориальный комплекс, объединяющий несколько символов, закрепляющих в памяти горожан целую цепочку событий. В его состав входит скульптура Воина-освободителя, Вечный огонь, мемориальные плиты с именами погибших в годы Великой Отечественной войны, памятник-танк, памятный знак в честь погибших в Северо-Кавказском регионе.

Мемориальный комплекс «Сквер Победы» формировался более тридцати лет. Первоначально он был представлен одиночным памятником Воину-освободителю, который располагался в центре города, на пересечении улиц Советской и Луначарского, у здания горисполкома [4].

Памятник был выполнен по проекту ленинградского архитектора К. Митрофанова скульптором Г. Д. Ястребенецким. Памятник представлен фигурой солдата, устремленного вперед с автоматом в руке. На постаменте имеются надписи: «Вечная слава героям!», «Памяти павших будьте достойны!», «Героям-землякам», «Люди! Покуда сердце стучится, помните, какой ценой завоевано счастье». С лицевой стороны на постаменте укреплен орден Великой Отечественной войны (Рис. 6).

Исполнение памятника Тарский горисполкомом заказал 2 декабря 1969 г. в комбинате декоративно-прикладного искусства и скульптуры Ленинградского отделения художественного фонда РСФСР. Открытие памятника состоялось 11 августа 1972 г. Площадь, на которой был установлен монумент, долгое время осталась безымянной.

В 1985 г. на народные деньги был реконструирован сквер Победы и памятник перенесли в этот сквер (ранее на этом месте стоял памятник В. И. Ленину; но в связи с оформлением центральной площади города он был демонтирован и перенесен в центр). Тогда же перед фигурой Воина-освободителя был зажжен Вечный огонь, памятник окружен пятью мемориальными досками с именами погибших. В реконструкции принимали участие и ветераны Великой Отечественной войны (А. А. Терещейко, Л. А. и Ф. М. Боровик, П. И. Воронов и другие), и школьники. Это говорит о значении мемориала в жизни города. Официальное название «Сквер Победы» получил в августе 1989 года согласно решению горисполкома. Перед фигурой Воина-освободителя был зажжен Вечный огонь [1, с. 33].

Рис. 6. Памятник Воину-Освободителю.
Календарь. 1993 год

4 августа 1989 г. у «Сквера Победы» в Таре состоялось открытие памятного монумента, представляющего собой танк, водруженный на пьедестал (Рис. 7). Открывая митинг, председатель районного совета ветеранов Д. Д. Беляев сказал: «Он (памятник) нужен Таре для того, чтобы еще раз воздать должное тем нашим землякам-танкистам, которые водили эти грозные машины по фронтам великих сражений и отдали свои молодые жизни во имя нашей Родины, тем, кто с Победой вернулся домой» [5]. После окончания митинга школьники возложили на пьедестал венки. Многие, в том числе и ветераны-танкисты, пришедшие на митинг, выражали желание увидеть на башне танка номер и надпись на пьедестале. Но они так и не были сделаны.

Рис. 7. Памятник-танк. 2020 год.

Фото автора

В 1994 г. «Сквер Победы» был переименован в Площадь Победы. Переименование было оправданным, поскольку возле мемориала проводились все масштабные городские мероприятия (при этом площадь перед данным памятником не являлась центральной площадью города). В таком формате мемориал просуществовал до 2005 г.

В 2005 г. в рамках подготовки к 60-летию Победы Администрацией Тарского района было принято решение о реконструкции Площади Победы. Реконструкция мемориала осуществлялась по проекту омского художника-дизайнера В. А. Десятова. По его же проекту в 2009 г. на месте плит с именами героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы появились десять стили-

Рис. 8. Памятный знак в память о тарчанах, погибших в горячих точках. 2020 год. Фото автора

зованных шестиметровых винтовочных штыков, на которых были установлены мемориальные доски с именами и годами жизни горожан, удостоенных звания Героя Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы.

Как уже отмечалось ранее, мемориальный комплекс «Сквер Победы» в Таре имеет особенность: он соединяет в себе память о ряде событий, участниками которых были тарчане. Так, 22 июня 2007 г. здесь был установлен памятный знак в память о горожанах, погибших в горячих точках. Памятный знак представляет собой гранитный камень, на котором высечены слова: «Склоним головы — памяти павших. При наведении конституционного порядка на территории Северо-Кавказского региона в боевых действиях погибли наши земляки: Насонов С. П. (1977–2000 гг.), Некрасов А. А. (1962–2002 гг.), Паршуков А. В. (1981–2001 гг.), Стрелков А. В. (1977–2003 гг.), Чистоусов Д. В. (1974–2003 гг.)» (Рис. 8).

Примечателен тот факт, что в реконструкции «Сквера Победы» принимали участие многие горожане, а также предприятия и организации города и области. Так например, в 2005 г. реконструкция «Сквера» обошлась в два миллиона рублей, часть из которых собрали

горожане. Районная газета «Тарское Прииртышье» от 29 декабря 2005 г. отмечала, что в городе «...продолжается патриотическая акция по сбору средств для реконструкции и обустройства мемориального комплекса. Всего в районный фонд “Победа” собрано сто восемь тысяч сто сорок два рубля» [6]. В сборе средств принимали участие студенты, школьники, предприятия и организации города. В день открытия обновленного «Сквера Победы» в августе 2005 г. (В День города. — Прим. автора) Глава Тарского муниципального образования Павел Исаев торжественно вручил благодарственные письма проектировщику мемориала В. А. Десятову, начальнику участка С. Макаренко, бригадиру В. Мартиросяну, директору ОПХ имени Фрунзе С. Мясникову. Также были отмечены коллективы речного порта, горно-промышленной компании, ДРСУ-5, Тарского психоневрологического интерната [7]. В рамках реконструкции «Сквера» в 2009 году новые элементы мемориального комплекса были изготовлены специалистами строительного треста № 1 города Омска на средства компании «Сургутнефтегаз», которая проводила на территории Тарского района разработку недр [1, с. 35]. Следует отметить, что такая тенденция прослеживалась и в советский период и, соответственно, имеет вневременной характер.

Рассматривая роль «Сквера Победы» в формировании культурного пространства современной Тары, важно отметить два факта. Во-первых, это одно из ключевых мест в городском пространстве. Именно здесь горожане всех возрастов собираются вместе. Массовых мероприятий, объединяющих жителей города, с каждым годом проводится все больше. Это свидетельствует о значительном воспитательном потенциале «Сквера Победы». И если в советский период градообразующими доминантами были промышленные предприятия (Наличие именно таких предприятий делало город привлекательным для власти и общества. — Прим. автора), то сегодня это, в первую очередь, места памяти.

Одним из новых и интересных мероприятий, которые проходят в «Сквере Победы», является Всероссийская акция «Свеча памяти». Ежегодно 22 июня жители Тары целыми семьями приходят к памятнику Воину-освободителю для того, чтобы почтить память погибших земляков. Участники акции зажигают свечи и возлагают цветы к подножию мемориала (Рис. 9).

Вторым фактом, который связан с рассматриваемым мемориальным комплексом, выступает его целостность, позволяющая проследить связь времен и поколений. Это еще раз подтверждает его ведущую роль в формировании культурного пространства города.

Рис. 9. Всероссийская акция «Свеча памяти» в Таре. 2016 год.

Фото автора

К символам, формирующим и закрепляющим память о советской эпохе в целом и событиях Великой Отечественной войны в частности, относится еще один сквер, который появился в городе в начале 2000-х годов — это Сквер военно-морской славы.

Данный сквер расположен на улице Советская. Он так же, как и «Сквер Победы», представляет собой мемориальный комплекс, формирующий память о цепочке событий.

Сквер военно-морской славы расположен на месте, где в советский период находился Дом обороны. Именно отсюда тарчане уходили на фронт. С марта 1942 по июнь 1944 г. Дом обороны являлся жилым корпусом для эвакуированной в город Второй Ленинградской военно-морской спецшколы. Это стало главным аргументом в пользу размещения сквера именно на этом месте. Автором проекта выступил главный архитектор Тарского района В. С. Мацелевич [1, с. 29]. Сквер окружает ограда в форме массивных якорных цепей с двумя металлическими морскими якорями у входа. Открытие сквера состоялось 1 августа 1998 г. (Рис. 10). На открытии присутствовали бывшие воспитанники военно-морской спецшколы — ветераны флота Валентин Степанович Бобров, Юрий Дмитриевич Соколов, Вадим Павлович Сукач [8].

*Рис. 10. Сквер военно-морской славы. 2020 год.
Фото автора*

В честь 60-летия Победы в Великой Отечественной войне — 9 мая 2005 г. — в Сквере военно-морской славы на металлических конструкциях была установлена мемориальная доска с надписью: «Отсюда с июня 1941 года по февраль 1942 года наши земляки уходили на фронт». В 2008 г. по инициативе тарского предпринимателя В. Н. Казаца памятный знак был реконструирован: металлические конструкции были заменены фрагментом кирпичной стены (Рис. 11).

В благоустройстве сквера горожане принимали активное участие: именно их усилиями были высажены березы и ели. Руководил работой начальник следственного изолятора, председатель Совета микрорайона № 4 Ю. А. Самойлов, значительную помощь оказывали начальник МП «Коммунальник» В. В. Клейман, коллективы Тарского лесхоза, городского отдела народного образования, председатель районного отдела ОСТО Ю. С. Лопатин, начальник речного порта В. В. Ведерников, школьники [9]. С самых первых дней предполагалось, что Сквер военно-морской славы станет одним из любимых мест отдыха горожан, местом проведения массовых мероприятий. Однако прогнозы не сбылись и, к сожалению, сквер стал местом проведения мероприятий в рамках только одного микрорайона.

Рис. 11. Сквер военно-морской славы. 2020 год.
Фото автора

9 мая 2015 г. в рамках Всероссийской акции «Дерево памяти» в сквере была высажена ель и появилась памятная табличка с надписью: «Дерево памяти. Посажено в честь 70-летия Победы ветеранами Великой Отечественной войны (1941–1945 гг. 9 мая 2015 год)» (Рис. 12). Следует отметить особую значимость данной акции, поскольку она является ярким примером связи поколений и одним из способов трансляции культурных ценностей.

В 2016 г. в Сквере военно-морской славы состоялось открытие памятного знака ликвидаторам последствий ядерных аварий и катастрофы на Чернобыльской АЭС. Инициатором изготовления и установки памятника выступила общественная организация «Союз Чернобыль». Финансовую помощь в оформлении места

*Рис. 12. «Дерево памяти». 2020 год.
Фото автора*

памяти оказали городская и районная администрации. Памятник представляет собой гранитную плиту с выбитой на ней надписью: «Мужеству и доблести слава» (Рис. 13). К плите ведет выложенная тротуарной плиткой дорожка, по бокам которой установлены скамейки. Позже, в рамках благоустройства территории вокруг памятного знака, рядом с ним появился еще один символ — памятник из мрамора и кирпича с именами горожан, которые участвовали в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Здесь же содержится надпись: «Живущих ныне — чтим и славим, ушедшим в вечность — наша память». При установке памятного знака предполагалось, что сюда смогут приходить семьи тарчан, принимавших участие в Чернобыльской трагедии для того, чтобы почтить память

Рис. 13. Памятный знак ликвидаторам последствий ядерных аварий и катастрофы на Чернобыльской АЭС. 2020 год. Фото автора

погибших друзей и близких. Однако сегодня здесь можно увидеть и школьников, и студентов, и молодые пары.

Анализ мемориального комплекса «Сквер военно-морской славы» позволил нам сделать следующие выводы. Данная составляющая культурного пространства города сочетает в себе элементы разных эпох: идеологическую направленность советского периода и многоаспектный характер современного общества. Он обеспечивает связь поколений, закрепляет в памяти горожан ключевые вехи истории и имена людей, которые внесли в его развитие особый вклад.

С тарским периодом Второй военно-морской спецшколы в культурном пространстве Тары связаны еще два элемента. Это

музей истории Второй военно-морской специальной школы, который размещается в Тарской общеобразовательной школе № 4 и памятник Герою Советского Союза адмиралу Н. Г. Кузнецову, размещенный на территории этой же школы.

Принято считать, что Тара — это типичный провинциальный купеческий город. Поэтому при разработке концепции формирования культурного пространства современного города акцент делается на его купеческое наследие. И появление элементов, отражающих разнообразные события в истории города, позволяют не только показать его богатство, но и роль в истории государства, вклад горожан в историю страны.

Музей истории Второй военно-морской специальной школы был открыт в городской школе № 4 20 ноября 1992 г. Однако идея его создания возникла еще в 1970-е годы, когда она располагалась в одном из бывших корпусов спецшколы. Именно тогда начался сбор первых экспонатов: книг, переписки с выпускниками спецшколы. Но дальше краеведческого уголка в пионерской комнате дело не продвинулось. Одной из причин этого стала слабая заинтересованность власти и отсутствие специализированного помещения.

В 1987 году, в 45-летний юбилей эвакуации в Тару Второй Ленинградской военно-морской спецшколы, в город прибыли ее выпускники. В подарок музейной комнате они привезли свою военную форму, модели катеров, офицерский кортик. Это стало одной из причин появления музея как самостоятельной единицы в организационной структуре школы. Большую роль в становлении и развитии музея сыграли А. Т. Курашева, М. Г. Алимбекова, П. Ю. Исаев, М. А. Авласович, Л. В. Гайдовская, Т. В. Марковская. В марте 2000 г. общеобразовательной школе № 4 было присвоено имя адмирала флота, Героя Советского Союза Н. Г. Кузнецова, который выступал инициатором создания военно-морских школ.

30 июля 2005 г. у школы состоялось торжественное открытие памятника Герою Советского Союза Н. Г. Кузнецову. Памятник представляет собой бюст адмирала, помещенный на высоком четырехгранном постаменте (Рис. 14). Здесь же, на постаменте, высечена надпись: «Николай Герасимович Кузнецов. Адмирал флота СССР», также на постаменте выбиты его ордена и медали. Справа от памятника расположена мраморная плита с надписью: «Отстранить меня от службы флоту — невозможно. Н. Г. Кузнецов».

Рассматривая процесс формирования культурного пространства современной Тары, нельзя сводить этот процесс только к символической компоненте. Это обусловлено как разноплановостью

Рис. 14. Памятник Герою Советского Союза Н. Г. Кузнецову
(Источник: Город Тара. URL: http://taragorod.ru/publ/pamjatniki_kultry/pamjatnik_nikolaju_gerasimovichu_kuznecovu/5-1-0-38)

рассматриваемого процесса, так и многомерностью современной жизни. Цифровизация и глобализация как основные тенденции общества требуют от малого города новых подходов к развитию всех сфер деятельности, в том числе и к формированию, сохранению, трансляции исторической памяти. Центрами этих процессов в городе Тара выступают музеи, культурные центры (Дом культуры, кинотеатр, театр), библиотеки. Рассмотрим их роль подробнее.

Сегодня в Таре действуют три музея: историко-краеведческий, художественный (бывшая картинная галерея) и Дом-музей М. А. Ульянова. И если историко-краеведческий и художественный музей появились в городе в советский период, то Дом-музей М. А. Ульянова — это новый элемент в культурном пространстве Тары. Поэтому рассмотрим его подробнее.

Мемориальный дом-музей был открыт в городе в рамках празднования 420-летнего юбилея города в июле 2014 г. Он разместился в отреставрированной избе-пятистенке, где в 1930–1940-е гг. жила

*Рис. 15. Мемориальный дом-музей М. А. Ульянова
(Источник: ОГИК музей.
URL: <https://sibmuseum.ru/page/history-ulyanov.html>)*

семья Михаила Ульянова (Рис. 15). Среди экспонатов музея — коллекция архивных документов и фотографий, личных вещей, театральных костюмов, книг. В доме максимально сохранена атмосфера середины прошлого века: занавески на окнах, этажерка, старые фотографии, деревенская печь. Инициатива создания музея принадлежит общественности города Тара. В 2011 г. здесь был организован благотворительный фонд памяти М. А. Ульянова «Сибирская глубинка», активисты которого начали сбор средств для того, чтобы выкупить дом Ульяновых. Четыре с половиной миллиона внесла в фонд организация «Сургутнефтегаз».

Мемориальный дом-музей М. А. Ульянова привлекает внимание как жителей, так и гостей города. Сюда приходят на экскурсии школьники и студенты, тарчане приглашают в музей своих гостей. Это способствует тому, что Тара вовлекается в единое культурное пространство России, занимает достойное место среди городов с богатым историческим и культурным наследием.

2002 г. стал одним из переломных в процессе формирования культурного пространства Тары: в городе был открыт Омский государственный Северный драматический театр — профессиональный театр.

Первые постановки состоялись на сцене Тарского Дома культуры. В январе 2006 г. в Таре торжественно открылось новое здание

Рис. 16. Омский государственный Северный драматический театр им. М. А. Ульянова. 2019 год. Фото автора

театра (Рис. 16), которое сегодня выступает одной из культурных доминант города. Здание театра построено на месте кинотеатра «Родина», на пересечении центральных улиц — улицы Ленина и улицы Советской. Это в определенной степени символично, так как позволяет проследить преемственность эпох, показать историчность и целостность культурного пространства. Перед театром разбит сад и установлены скамейки для комфортного отдыха горожан.

В августе 2007 г. Северному драматическому театру было присвоено имя Михаила Ульянова, а в ноябре 2012 г. перед театром был установлен памятник великому актеру (Рис. 17). Памятник выполнен из бронзы, а Михаил Ульянов изображен на нем сидящим на деревянной лавочке. Концепция памятника такова: актер присел отдохнуть на лавочку в родном городе перед входом в театр. Инициатором создания памятника выступил благотворительный фонд «Сибирская глубинка», под его эгидой осуществлялся также сбор средств. Автором памятника стал московский скульптор, действительный член Российской академии художеств, заслуженный художник России Андрей Балашов.

*Рис. 17. Памятник М. А. Ульянову. 2020 год.
Фото автора*

Данный памятник вместе со зданием театра представляют собой культурный комплекс, направленный не только на трансляцию культурных ценностей национального и регионального масштабов, но и на формирование чувства сопричастности к своему городу и своему государству.

Еще одной доминантой культурного пространства малого сибирского города выступает городская библиотека. Тарская библиотека является старейшей в Среднем Прииртышье. Официально Тарская общественная библиотека открыта 10 февраля 1883 г. Она содержалась за счет частных пожертвований и платы, получаемой с читателей. В 1947 г. в Таре открылась детская библиотека, ее

Рис. 18. Тарская центральная районная библиотека.

URL: <https://www.culture.ru/institutes/15058/tarskaya-centralnaya-raionnaya-biblioteka> (дата обращения: 15.08.2020)

первой заведующей стала Прасковья Николаевна Скачкова. В библиотеке часто ставили детские спектакли, к каждому празднику готовили литературно-музыкальные монтажи [10]. На протяжении XX века библиотека неоднократно меняла свое место расположения. Но специализированного помещения для библиотеки так и не было построено. Впервые в собственном здании библиотека разместилась с января 2006 г. (Рис. 18). Новое здание было построено с учетом современных требований как к внешнему оформлению, так и к внутреннему содержанию. Здание библиотеки органично вписывается в существующую застройку города, а силами коллектива библиотеки территория перед ней ежегодно благоустраивается. Что касается деятельности библиотеки, то новые – современные – формы организации взаимодействия с читателями позволяют вовлечь в ее работу горожан разного возраста и с разными интересами. Библиотека выступает культурным центром города, сохраняет и транслирует его культурные ценности, является организатором и активным участником многих городских и районных мероприятий.

Несмотря на все многообразие учреждений культуры и памятных знаков, основу культурного пространства города составляет его планировка и застройка. Четко выработанная концепция, объединяющая все элементы культурного пространства в единый ансамбль, способствует созданию единой среды, отвечающей требованиям современного общества.

Концепция планировки и застройки современной Тары практически не отличается от планировки и застройки советского города. Более того, сохраняется преемственность с дореволюционной застройкой: четкая регулярная композиция с городским центром и связанная с ней продольно-поперечная сетка улиц была разработана в Тобольской геодезической школе и утверждена Екатериной II. Однако задачи, которые сегодня ставятся перед планировкой города, существенно отличаются от советских. Во-первых, решена проблема поиска «правильного» в идеологическом отношении соотношения старого исторического центра и нового административного центра; во-вторых, перестала быть актуальной задача обеспечения населения благоустроенным жильем и создания крупных массивов однообразной застройки, которые, отчасти, определяли облик городов. На место этих задач приходят новые: благоустройство и озеленение города, создание пешеходных зон, сохранение исторической среды поселения.

Границы центра современного города остались прежними и определяются границами площади Ленина и площади Юбилейной, а также прилегающих к ним улиц. Доминантой центра выступает памятник В. И. Ленину (Рис. 19). Здесь же расположена районная администрация, районный Дом культуры, Доска почета жителей города.

Благоустройство и озеленение города осуществляется общими силами власти и горожан. Так, в Таре ежегодно проводятся работы в рамках реализации программ формирования комфортной городской среды. Например, в 2019–2020 гг. возле площади Победы было заменено дорожное покрытие, построена летняя веранда, установлены скамейки для отдыха. В рамках этой же программы в городе появился еще один зеленый островок — Пушкинский сквер (Рис. 20). Сквер был заложен в 1999 г., в год 200-летия великого поэта, на пустыре в центральной части города. Во время проведения субботников горожане высадили здесь кедры. В 2019 г. в сквере были установлены малые архитектурные формы, бюст А. С. Пушкина, выполненный жительницей Тары скульптором Татьяной Терещенко, и фонтан.

Рис. 19. Памятник В. И. Ленину
(Источник: Город Тара. URL: http://taragorod.ru/publ/pamjatniki_kultry/pamjatniki_leninu/5-1-0-25)

Подводя итог, отметим следующее. Системные трансформации современного общества оказывают существенное влияние на формирование культурного пространства города Тары. Это выражается в нескольких направлениях. Так, существенно обогащается символическая составляющая городского пространства. В Таре наряду с памятниками советского периода появляются памятники, отражающие богатое историческое прошлое города (например, памятник основателям города), и памятники, отражающие вклад жителей Тары в историю государства в целом (например, памятник ликвидаторам аварии на Чернобыльской АЭС).

Одной из тенденций формирования культурного пространства Тары выступает оформление парков и скверов. Так, в начале 2000-х гг. реконструирован «Сквер Победы», разбит Сквер военной славы, Пушкинский сквер.

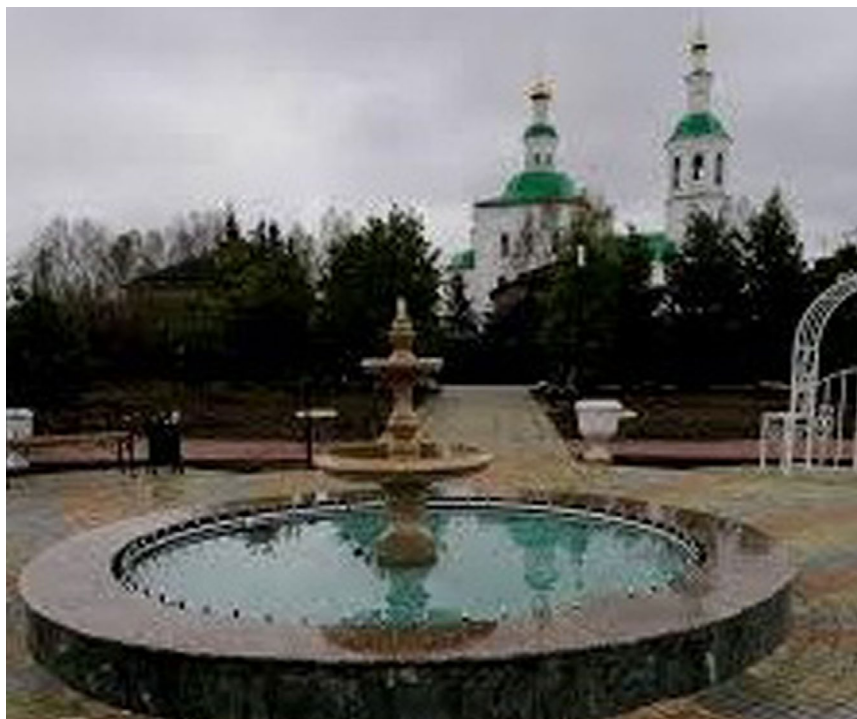

Рис. 20. Пушкинский сквер. 2020 год.

Фото автора

Векторы формирования культурного пространства определяются рядом факторов. И если в советский период главным фактором выступала государственная политика, то сегодня это инициатива горожан и требования общества.

В рамках формирования единого мирового культурного пространства, информатизации и глобализации общества четко проявляется многослойность пространства. Она выражается, с одной стороны, в сочетании элементов разных периодов (советского и постсоветского), а с другой стороны — в наличии широкого круга памятных знаков, направленных на сохранение памяти о целом комплексе событий.

Список литературы

1. Памятники истории и памятные места города Тары : фотоальбом / сост. В. Н. Носкова. — Тара, 2010. — 36 с.
2. До праздника — 37 дней // Тарское Прииртышье [Тара]. — 2019. — 13 июня. — С. 7.
3. Соколова Е. В. Формирование культурного пространства малых городов Среднего Прииртышья в 1920–1980-е годы : дисс. ... канд. ист. наук. — Омск, 2008. — 274 с.
4. Вахта памяти // Ленинский путь [Тара]. — 1985. — 16 октября. — С. 2.
5. Ермолович В. В честь героев-такистов // Ленинский путь. — 1989. — 9 августа. — С. 3.
6. Чтобы помнили // Тарское Прииртышье [Тара]. — 2005. — 29 декабря. — С. 4.
7. Беркутова И. Мемориал Победы для нынешних и будущих поколений // Тарское Прииртышье [Тара]. — 2005. — 4 августа. — С. 3.
8. Бородин В. Флотский сквер // Омский вестник. — 1998. — 9 сентября. — С. 4.
9. Двороковская Е. Военморам посвящается... // Тарское Прииртышье [Тара]. — 1998. — 12 августа. — С. 2.
10. Копытова Л. Дом, где согреваются сердца // Тарское Прииртышье [Тара]. — 1997. — 21 июня. — С. 3.

Сведения об авторах

Алисов Дмитрий Андреевич — начальник отдела изучения городской среды и населения в условиях модернизации Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, член-корреспондент Академии гуманитарных наук, доктор исторических наук.

Высоцкая Наталья Васильевна — доцент кафедры архитектурно-конструктивного проектирования Омского государственного автомобильно-дорожного университета.

Гефнер Ольга Викторовна — доцент кафедры философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина; научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, кандидат исторических наук.

Горелова Юлия Робертовна — ученый секретарь, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, кандидат исторических наук, доцент.

Кузнецова Алла Владимировна — аспирант Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, магистр истории.

Петренко Ольга Владимировна — старший научный сотрудник отдела изучения городской среды и населения в условиях модернизации Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, кандидат исторических наук.

Соколова Евгения Валерьевна — заведующая кафедрой гуманитарных, социально-экономических и фундаментальной дисциплин Тарского филиала Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина, кандидат исторических наук, доцент.

**Культурные ландшафты
постсоветского города:
особенности формирования
и трансформации**

Сборник научных трудов

Дизайн обложки
М. Ю. Маяков

Компьютерная верстка
М. Е. Заболотникова

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru